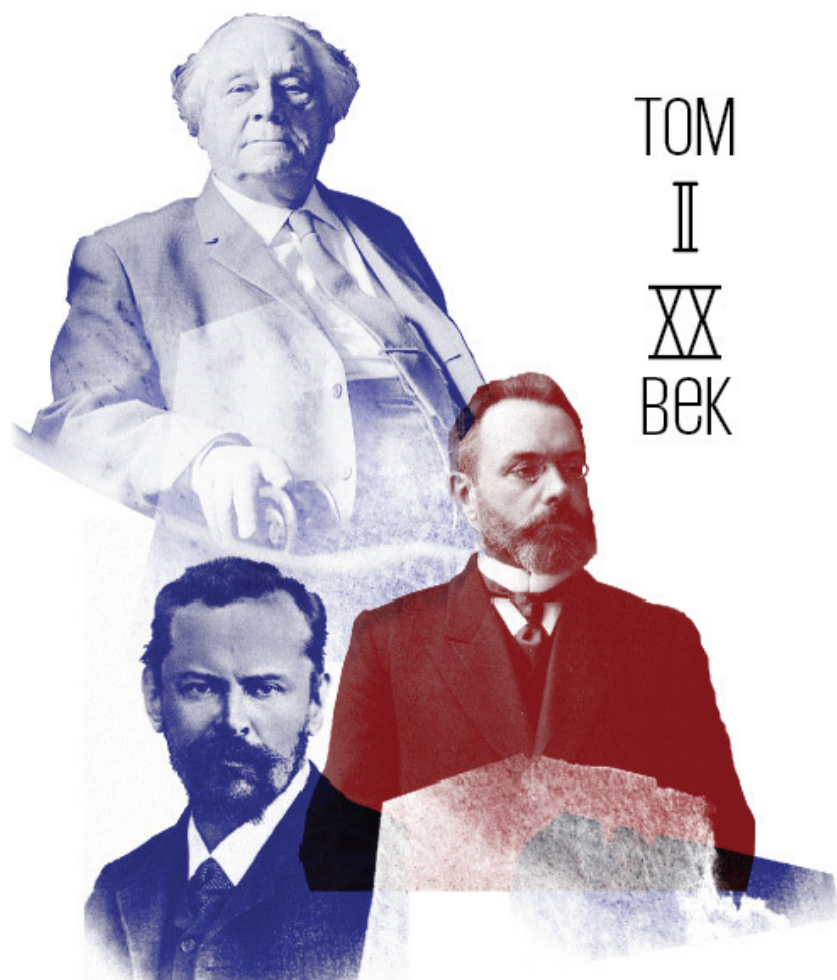

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ

ТОМ
II
XX
ВЕК

Коллектив авторов

**Российский либерализм: Идеи и
люди. В 2-х томах. Том 2: XX век**

«Новое издательство»

2018

УДК 329.12(47)

ББК 66.1(2)

Коллектив авторов

Российский либерализм: Идеи и люди. В 2-х томах. Том 2: XX век
/ Коллектив авторов — «Новое издательство», 2018

ISBN 978-5-98379-219-7

Книга представляет собой галерею портретов русских либеральных мыслителей и политиков XX столетия, созданную усилиями ведущих исследователей российской политической мысли. Среди героев книги присутствуют люди разных профессий, культурных и политических пристрастий, иногда остро полемизировавшие друг с другом. Однако предмет их спора состоял в том, чтобы наметить наиболее органичные для России пути достижения единой либеральной цели – обретения «русской свободы», понимаемой в первую очередь как позитивная, творческая свобода личности.

УДК 329.12(47)

ББК 66.1(2)

ISBN 978-5-98379-219-7

© Коллектив авторов, 2018

© Новое издательство, 2018

Содержание

«Великий труд на благо избравшего нас народа...»	6
«Правительство делает большую ошибку, испытывая так долго терпение населения...»	14
«Выполнить тяжелую государственную работу на почве законодательного строительства...»	27
«Подготовить страну к самому широкому самоуправлению...»	43
«Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан...»	51
«То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь...»	57
«Я жил под знаком свободы...»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Российский либерализм. Идеи и
люди. В 2-х томах. Том 2: XX век**

**Под общей редакцией
доктора философских наук,
профессора А.А. Кара-Мурзы**

Книга издана при поддержке «Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив»

«Великий труд на благо избравшего нас народа...» Сергей Андреевич Муромцев

Андрей Медушевский

Одно из центральных мест в истории русского либерализма конца XIX – начала XX века, безусловно, принадлежит Сергею Андреевичу Муромцеву, видному теоретику правового государства, признанному главе конституционного движения в России, одному из лидеров кадетской партии, председателю I Государственной думы.

С.А. Муромцев родился 23 сентября 1850 года в Петербурге в семье гвардейского офицера. Его детство проходило в имении, расположенном в Новосильском уезде Тульской губернии. В десять лет он стал свидетелем обсуждения крестьянской реформы и отмены крепостного права в России. Эти события мальчик живо обсуждал с дядей, убежденным сторонником либеральных преобразований. Именно с этого времени можно говорить о формировании политических убеждений Муромцева, которым он оставался верен в течение всей жизни. Эти убеждения впоследствии интерпретировались многими современниками как классический либерализм старой русской интеллигенции – представление о решающей роли индивидуальной политической свободы и возможности ее достижения путем реформирования традиционного социального строя самим государством. Главной целью становилось создание правового государства, а средством его достижения – просвещение общества. Эти общие принципы эпохи Великих реформ отразились в игре, которую придумал десятилетний мальчик, – игре в идеальное государство, где торжествуют либеральные принципы политической свободы. Две беседки в саду стали центром воображаемого парламента: в одной располагалась палата народных представителей, обсуждавшая и составлявшая новые законы, в другой – верхняя палата, необходимая для корректировки этих законов. Происходящие в имении события подробно и точно отражались в газете, издание которой также стало частью этих игр... Речь шла фактически о моделировании политического кризиса при переходе к демократии.

Проявившийся в детстве серьезный интерес к государственному устройству подкреплялся чтением и наблюдением за формированием новых демократических учреждений. Еще в гимназические годы Муромцев посещает заседания окружного суда, Московского земского собрания, убеждает отца в необходимости выдвинуть свою кандидатуру в председатели съезда мировых судей. Однако главную свою задачу он видит в изучении юриспруденции как единственной науки, способной сформировать новое политическое и гражданское мировоззрение. Еще студентом (в 1869 году) размышляя об избранной жизненной стратегии, он писал, что через шесть лет приготовит свое главное научное сочинение, через семь-восемь – начнет читать лекции в университете в качестве профессора, а затем прогнозировал кризис в своих отношениях с властью – «повеление об отставке за распространение либерализма». Этот юношеский прогноз оказался на редкость точным.

По окончании курса наук в московской Третьей гимназии с золотой медалью Муромцев поступил на юридический факультет Московского университета. Введенный в России Судебными уставами состязательный судебный процесс отразился в самостоятельных практических занятиях студентов. Одним из нововведений были так называемые пробные судебные заседания, о которых сам Муромцев (чаще всего берущий на себя роль «председательствующего») вспоминал: «Дело устраивается таким образом: желающие принимают на себя роли председателя суда, членов его, прокурора, адвоката, защитников и присяжных; выбирается дело из старой практики и решается по новому порядку...» Пересмотр старых (дореформенных) дел «по

новому порядку» способствовал, конечно, распространению либеральных принципов юриспруденции.

По окончании университета Муромцев «за отличные успехи в науках» был утвержден в степени «кандидата права» и оставлен при факультете на два года «для усовершенствования в науках и приготовления к профессорскому званию». Ряд лет он провел за границей, работая преимущественно в Германии, но также и в других странах Европы (в письмах он рассказывает о поездках в Константинополь, Афины, Рим).

В 1875 году состоялась защита Муромцевым диссертации «О консерватизме римской юриспруденции», которая выявила противоречивость настроения профессуры на правовом факультете. «Я, – писал Муромцев, – приступил к исканию магистерской степени при сочувствии молодой партии (довольно многочисленной, но по голосам еще слабой, ибо не все профессора, а лишь доценты) и при сильном недоброжелательстве стариков, которые старались всячески мне противодействовать, оттягивая день экзаменов и тому подобное. Диссертацию хотели, но не могли не пропустить, и вот 5 апреля состоялся диспут, и он, сверх ожидания недоброжелателей, окончился блистательно, и они первые поспешили предложить мне кафедру». Муромцев был утвержден в степени магистра гражданского права и стал доцентом университета по кафедре римской словесности, получив в связи с этим чин надворного советника. Практически это означало чтение лекций (четыре часа в неделю) с окладом в 1200 рублей.

Защита следующей диссертации – «Очерки общей теории гражданского права» – дает Муромцеву степень доктора гражданского права (1877) и звание профессора (1878) с окладом 3000 рублей, что позволяло вести вполне обеспеченную жизнь и иметь достаточно свободного времени для научной работы. Вскоре Муромцев избирается (1880) председателем Юридического общества при Императорском московском университете, став сначала секретарем юридического факультета, а затем и проректором университета (утвержден в феврале 1881 года сроком на три года). В признание его заслуг Муромцеву был «всемилодивейше пожалован» орден Св. Станислава 2-й степени (январь 1881 года).

Однако уже в августе 1881 года, т. е. спустя всего несколько месяцев после гибели Александра II, Муромцев увольняется от должности проректора, а вскоре приказом министра народного просвещения от 22 августа увольняется и от должности профессора университета. В его архиве сохранился официальный документ с указанием причин отставки. Это «копия отношения окружного инспектора ректору Московского университета об увольнении проф. Муромцева С.А. ввиду его политической неблагонадежности»... С.А. Муромцев смог вернуться к преподаванию лишь двадцать лет спустя, когда в июне 1906 года вновь был утвержден профессором Московского университета по кафедре гражданского права.

Муромцев был, несомненно, цельной личностью, человеком одной идеи. Это видно по его лекциям, о которых сохранились воспоминания современников. Все они отмечают не только глубину и разносторонность его знаний, но и его попытку донести до слушателей либеральные ценности. Целью лекций Муромцева было формирование нового либерального общественного сознания. Свои либеральные принципы Муромцев активно проводил и в работе Юридического общества при Московском университете. Общество, объединявшее профессоров, адвокатов и студенчество, позволяло преодолеть формальные рамки бюрократической иерархии учебного процесса и в этом смысле само становилось важным институтом гражданского общества. Именно в рамках Юридического общества, где велись дискуссии по принципиальным вопросам теории и практики правовых реформ, Муромцев впервые проявил себя как общественно-политический деятель, стала очевидна способность рассмотреть всякий конкретный вопрос в общей перспективе государственного развития. Неотъемлемой частью этой деятельности стала работа Муромцева по изданию журнала «Юридический вестник», где отражались дискуссии в правовой науке, давалась критическая оценка новых идей и инициатив. «Я

хочу придать этому журналу новый, живой характер, как в научном отделе, так и в практическом, – писал Муромцев. – Стараюсь завести организованную правильно судебную хронику и в ней бросить в нашу практику судов и адвокатов семена новых практических идей, взглядов, более благотворных, нежели те, кои руководят практикой теперь». Эта деятельность сделала Муромцева значимой общественной фигурой, определила его особый статус в университетской среде.

Именно Юридическое общество и «Юридический вестник» стали теми центрами, вокруг которых группировалась либеральная интеллигенция и рассматривались планы нового государственного устройства. В условиях, когда проекты конституционной реформы не могли обсуждаться открыто, неформальный характер научных и политических дискуссий в Обществе позволил заявить важнейшие идеи либеральной программы. Объективно неизбежные политические реформы, считал Муромцев, не должны застать общество врасплох. Необходима поэтому большая подготовительная работа по введению новых институтов народного представительства. Эта работа должна заключаться в создании важнейших законопроектов, призванных заложить основы конституционного строя. Муромцев и его коллеги исходили при этом из идеи радикальной реформы, движущей силой которой должно быть само правительство.

Это убеждение нашло выражение в составленной Муромцевым и рядом других общественных деятелей развернутой записке «О внутреннем состоянии России весной 1880 года», опубликованной позднее в «Вестнике Европы» (апрель 1881-го). Данная записка, поданная М.Т. Лорис-Меликову в марте 1880 года и получившая распространение в рукописном виде, содержала критический анализ государственного устройства и усматривала выход из положения во введении представительного правления – призвании избранных представителей народа к участию в управлении и предоставлении свободы выражению общественной мысли. «Вывести нашу страну из того заколдованного круга, в который она попала, не может ничто, кроме призыва в особое самостоятельное собрание представителей земства к участию в государственной жизни и деятельности, с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения». Русское общество, заявляли авторы записки, не менее Болгарии «созрело для свободных учреждений» и чувствует себя униженным, что его так долго держат в опеке. В созыве представительного учреждения виделся основной способ остановить деятельность враждебных государству («анархистских») партий.

Это был фактически первый набросок либеральной земско-конституционной реформы. Поданная в период активного обсуждения политических преобразований в правительственных сферах данная записка и связанные с нею неформальные переговоры С.А. Муромцева с ведущими представителями правящей либеральной элиты апеллировали к просвещенной бюрократии и видели в ней возможного инициатора реформ. Резкое изменение политического курса после убийства Александра II народолюбцами и отказ правительства от либеральных реформ сделали реализацию данной программы невозможной. Окончательное отстранение Муромцева от должности профессора в 1884 году явилось лишь внешним выражением этих перемен.

Невозможность открыто заниматься наукой и политикой побудила Муромцева искать другие сферы деятельности. В отличие от многих профессоров он не эмигрировал за границу, но попытался реализовать себя в практической юридической работе. Муромцев стал присяжным поверенным и в то же время гласным Московской городской думы, Московского и Тульского губернских земских собраний.

Муромцев видел в земстве прежде всего политический институт. Этим объясняется его критика, во-первых, узкословных (помещичьих) тенденций в деятельности земства, во-вторых, плоский и приземленный характер рассмотрения местных вопросов и, в-третьих, отсутствие гласности в работе учреждений местного самоуправления. Развивая концепцию «всесословной волости», Муромцев видел в ней инструмент разрешения аграрного конфликта, преодоления межсословных противоречий и завершения крестьянской реформы. Традицио-

налистский характер российского земства, затруднявший его реформирование, не оттолкнул Муромцева от участия в практической работе. Если суммировать его вклад в этой области в 1880-е и особенно 1890-е годы, становится очевидно, что он состоял в отстаивании прав личности (права собственности, налоги, вопрос об отмене телесных наказаний и т. д.), распространении просвещения (экономических, технических и медицинских знаний), а также юридической и финансовой экспертизе принимаемых решений.

Земская деятельность Муромцева была неразрывно связана и с его работой в Московской городской думе. Муромцев не являлся, конечно, экспертом в области городского хозяйства. Областью его специализации становились, однако, не менее важные вопросы правовой квалификации принимаемых решений. Муромцев много сделал для разработки правовых основ деятельности самой городской думы – структуры общего собрания, разрешения коллизий между ним и председателем, определения компетенции различных комиссий, техники ведения дел. В поле его зрения находились вопросы прав думы по отношению к администрации генерал-губернатора, права гласных, регламент дискуссий. Не случайно современники называли заседания городской думы с участием Муромцева «школой парламентаризма». Очевидно, что наблюдения и опыт этой работы нашли впоследствии выражение в составленном Муромцевым проекте Наказа Государственной думы и его деятельности в качестве ее первого председателя.

Важным самостоятельным направлением деятельности для Муромцева стала адвокатура. 13 октября 1884 года он был принят в число присяжных поверенных Московского округа, через три года (1887) стал членом Московского совета присяжных поверенных, а затем и товарищем председателя. С начала 1890-х годов имя Муромцева как адвоката приобретает значительную известность. Судебная реформа и созданный ей состязательный судебный процесс делали адвокатуру важным самостоятельным институтом гражданского общества, где объективно сосредоточивались лучшие силы российской юриспруденции. Будучи ведущим теоретиком права, специалистом по римскому гражданскому праву и вообще юристом-сцивилистом, Муромцев рассматривал адвокатскую практику как один из инструментов создания нового либерального правосознания. Этим объясняется также его представление о творческой роли судьи и адвоката в толковании и применении права – тезис, традиционно противостоящий догматической юриспруденции с ее культом вечности и неизменности правовых норм и формального следования букве закона. Рассматривая нравственную сторону всякого правового процесса как первостепенную, Муромцев, в отличие от большинства других адвокатов, не считал возможным, однако, воздействовать на суд с помощью эмоциональных аргументов. Его красноречие носило строгий и точный характер, а аргументация строилась на логике и фактах. Это обстоятельство исследователь адвокатской деятельности Муромцева (И.А. Кистяковский) считает нетипичным и даже уникальным в русской адвокатуре. «При спокойном отношении к суду, при внутреннем желании получить от суда добросовестный ответ по спорному вопросу, – констатировал он, – Муромцев не позволял себе увлекать суд в свою пользу. Он принципиально отрицал лиризм в гражданском процессе, не позволял себе восстанавливать суд против личности противника или, напротив, возбуждать в суде ненужную жалость к своему доверителю. Он стремился помочь суду разобраться в спорном вопросе, он желал прежде всего разъяснить дело. Помимо его воли, выходило так, что на его делах учились слушавшие его, учились его противники, а порою учился суд, воспринимая правду его мыслей». Это был, по выражению современников, «адвокат разума».

В условиях первой русской революции (1905–1907) либеральное движение постаралось выработать варианты будущей российской конституции. Один из проектов принадлежал Союзу освобождения; в его разработке приняли участие крупнейшие петербургские и московские юристы – Н.Ф. Анненский, В.М. Гессен, И.В. Гессен, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский. Критики отмечали, однако, что этот проект имел ряд недостатков: он страдал очевидным смешением демократических лозунгов и четких юридических формул, не содер-

жал решения или регламентации ряда важнейших социальных и национальных проблем. Не разработана была и тактическая сторона – дается ли конституция монархом, или она является результатом народного волеизъявления и имеет соответственно договорную природу. Все это в результате привело к появлению другого проекта, получившего название «конституции Муромцева», который стал теоретической основой последующего конституционного движения в России.

Работа над новым конституционным проектом велась под руководством С.А. Муромцева сначала в Москве, а затем в его доме в Царицыне. Наиболее активным сотрудником Муромцева стал представитель молодого (и более радикального) поколения русских конституционалистов Ф.Ф. Кокошкин, вышедший из либеральной среды юрист, общественный деятель и крупнейший эксперт в области государственного права. Наряду с ним в работе над проектом принимали участие такие видные деятели земского движения, как Н.Н. Щепкин и Н.Н. Львов. В июле 1905 года проект Муромцева был принят земским съездом «в принципе» и стал затем предметом обсуждения и развития в либеральной публицистике.

Содержательный анализ политической концепции С.А. Муромцева показывает, что он исходил главным образом из опыта монархического конституционализма стран Европы, прежде всего Германии, и стремился по мере возможности максимально согласовать его с российской политической традицией. Пытаясь обеспечить эволюционный порядок перехода от абсолютизма к конституционной монархии, Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя путем ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью. Подобная модель политического развития позволяла избежать радикальной революционной ломки государственного строя и осуществить легитимный переход к новой (конституционно-монархической) политической системе в рамках существующего законодательства, его последовательного преобразования и наполнения новым политическим содержанием. В теории государственного права данный тип конституционализма противопоставлялся революционным конституциям и получил характерное название «октроированных конституций». В истории стран Европы он представлен был во Франции Конституционной хартией 1814 года, конституциями отдельных германских государств, принятыми в первой трети XIX века, актами Пруссии 1851 года, Северо-Германского союза, наконец, в конституции Германской империи 1871 года. Среди важнейших источников конституционных воззрений Муромцева следует указать также Бельгийскую конституцию 1831 года, а в ряде областей также болгарский опыт конституционализма, представлявший особый интерес для русских либералов. В качестве исходного пункта работы над конституцией Муромцеву служил уже упомянутый проект «Основного государственного закона Российской империи», составленный в октябре 1904 года Союзом освобождения и напечатанный П.Б. Струве в марте 1905 года в парижском журнале «Освобождение».

Конституционный проект С.А. Муромцева был впервые опубликован 6 июля 1905 года в газете «Русские ведомости» наряду с составленным им же проектом избирательного закона под общим названием «К вопросу об организации будущего представительства». «Конституция Муромцева» декларировала неприкосновенность основных политических прав личности и общества и возможность их ограничений лишь в соответствии с законом и согласно процедуре, установленной законом. Фактически это был полный кодекс норм правового государства, основной принцип которого выражается известными словами Монтескье – свобода для индивида делать то, что позволяют законы, и обязанность воздерживаться от того, что законы запрещают.

Предложенная в проекте модель государственного устройства России представляла собой конституционную монархию, призванную совместить сильную исполнительную власть (сконцентрированную в руках монарха) и развитое народное представительство. По мнению умеренных конституционалистов, эта модель оказывалась идеальной формой, позволяющей

объединить силы либерального общественного движения и бюрократии для осуществления политических и социальных реформ.

Конституционный проект С.А. Муромцева оказал несомненное влияние на введенные в России в начале 1906 года «Основные законы», хотя, как отмечали современники, более он повлиял на их внешнюю форму и редакцию, чем на сущность. По справедливому наблюдению Ф.Ф. Кокоткина, это влияние могло бы оказаться гораздо сильнее, если бы конституция была введена еще в 1905 году, одновременно с Манифестом 17 октября или сразу после него. Но акты 20 февраля 1906 года, установившие важнейшие положения действующего государственного права, и акт 23 апреля 1906 года, принятый в развитие этих положений, возникли уже в другой политической обстановке, когда правительство в условиях спада революции получило возможность менее считаться с либеральной оппозицией.

Конституционная программа С.А. Муромцева стала основой организации и деятельности I Государственной думы. Будучи избранным депутатом Думы от Москвы, Муромцев практически единодушно (426 записками из 436) был избран председателем Думы и оставался им 72 дня вплоть до ее роспуска 9 июля.

Присутствовавшая на открытии Думы будущий член ЦК кадетской партии А.В. Тыркова вспоминала: «Красавец Таврический дворец, проснувшийся от векового сна, выглядел щеголем... На председательском месте сидел С.А. Муромцев. Не сидел – восседал, всем своим обликом, каждым движением, каждым словом воплощая величавую значительность высокого учреждения... Красивый, с правильными чертами лица, с седой, острой бородкой и густыми бровями, из-под которых темнели выразительные глаза, Муромцев одним своим появлением на трибуне призывал к благообразию... Голос у него был ровный, глубокий, внушительный. Он не говорил, а изрекал. Каждое его слово, простое его заявление... звучало, точно перед нами был шейх, читающий строфы из Корана...» Схожее впечатление произвел Муромцев-председатель и на еще одного кадетского лидера – знаменитого историка А.А. Кизеветтера: «Я присутствовал на втором заседании Думы. Как прекрасен был вид стильной залы Потемкинского дворца, превращенный в амфитеатр!.. Муромцев во фраке, торжественный и величественный, председательствовал так импозантно, что один крестьянский депутат сказал умиленно: „Словно обедню служит...“»

Кредо Муромцева-председателя было изложено в его исторической программной речи при открытии Думы: «Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и сами себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного Монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной Думы, истекающих из самой природы народного представительства».

Проводя эти принципы на практике, Муромцев столкнулся с задачами огромной сложности. Главное условие парламентаризма – наличие отлаженной парламентской процедуры, принятой всеми политическими партиями, – отсутствовало. В расколотом российском обществе не существовало согласия по самым принципиальным вопросам – о легитимности Думы, отношении к ней и способам работы в ней. Стремление бойкотировать Думу или использовать ее исключительно для целей идеологической пропаганды со стороны крайних партий, отсутствие ясных представлений о характере и значении законодательной работы у многочисленного депутатского собрания, игра амбиций партийных фракций и их лидеров, наконец, открытое неприятие Думы со стороны бюрократии ставили под вопрос саму возможность парламентаризма и содержали угрозу его срыва уже на начальном этапе.

Принципиальная заслуга Муромцева как председателя состояла в решительном переломе этих настроений. Позднее, на процессе по «выборгскому делу» (за подписание Выборгского воззвания председатель распущенной Думы был приговорен к трехмесячному заключению, которое отбывал в Таганской тюрьме в Москве), Муромцев особо подчеркнет, что «Первая Дума впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному, движению народа формы организованные, что в стенах Государственной Думы партии, встретившись между собою, впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания». Главным условием этого стало создание российской парламентской традиции, выражение ее в правовых документах или системе неписаных соглашений – прецедентов, имеющих характер обычного парламентского права. Решающий вклад Муромцева в этой области определяется его ролью в составлении Наказа Государственной думы – свода парламентского права и правил законодательной процедуры.

Работа по созданию Наказа велась при активном участии другого крупнейшего российского ученого – депутата Думы М.Я. Острогорского. Острогорский был автором классического труда «Демократия и политические партии», впервые показавшего опасность монополизации воли народа политическими партиями и их парламентскими группами. Как и Муромцев, он усматривал в отсутствии разработанного парламентского права серьезную угрозу демократии в России. Встреча двух ученых и согласование их проектов Наказа в марте 1906 года позволили создать единый документ, представленный позднее I Думе сразу после ее открытия.

По наблюдению В.Д. Набокова, данный проект лег в основу внутреннего распорядка деятельности Думы всех последующих созывов, действительно став основой российского парламентского права. Отстаивание Муромцевым данного распорядка, его явное беспристрастие в ходе острых политических дискуссий, иногда даже подчеркнутый формализм его оценок и разъяснений официальных документов и процедур – все это было результатом глубоко продуманной позиции, состоящей в правовой защите компетенции и статуса Думы как органа законодательной власти.

Значение С.А. Муромцева как лидера русского либерального движения было хорошо понятно уже современникам. Его смерть в Москве 3 октября 1910 года была воспринята в обществе как конец целой эпохи в развитии русского освободительного движения. Огромные демонстрации объединили всех тех, кто связывал с именем Муромцева движение России к демократии и цивилизации. Участник тех событий А.А. Кизеветтер вспоминал: «Москва всколыхнулась... Панихиды на дому были так многолюдны, что нечего было и думать, чтобы впустить в квартиру всех приходящих, и каждая панихида повторялась затем под открытым небом, на обширном дворе дома. Лес венков и громадная толпа окружили дом перед выносом тела, и, когда мы шли в похоронной процессии к университетской церкви, толпа все росла. Дошли до театральной площади и увидели, что она запружена новой громадной толпой. После отпевания процессия двинулась к Донскому монастырю, где совершалось погребение. Уже сгустились вечерние тени, когда у могилы начались речи. При свете факелов говорились эти речи, перед толпой, наполнившей обширную, пустую тогда, поляну вновь разбитого кладбища...»

В речах ораторов, представляющих лучшие силы русской общественности, Муромцев выступал как «национальный герой», выведший страну «из египетского плена» (П.Н. Милюков); «несомненный вождь русского освободительного движения» (М.М. Ковалевский); «великий гражданин земли русской» (Ф.Ф. Кокошкин); «наш учитель и наш вождь» (А.А. Кизеветтер).

Русская традиция обязана С.А. Муромцеву во многих отношениях. Он был ее теоретиком и реформатором, связующим звеном между классической западной либеральной мыслью и русской демократической интеллигенцией, между поколением Великих реформ 1860-х годов, земского либерализма 1880-1890-х годов и, наконец, конституционного движения начала XX века. Он не только создал целостную концепцию гражданского общества и правового

государства в России, но и практически реализовал ее во всех основных сферах деятельности – земском движении, организации местного самоуправления, суде, адвокатуры, высшем образовании. Именно поэтому он продолжает оставаться символом русского освободительного движения.

«Правительство делает большую ошибку, испытывая так долго терпение населения...»

Николай Сергеевич Волконский

Алексей Кара-Мурза, Ирина Тарасова

Николай Сергеевич Волконский родился 17 февраля 1848 года в родовой усадьбе села Зимарово Раненбургского уезда Рязанской губернии. Его отец, князь Сергей Васильевич Волконский (1819–1884), – отставной подпоручик, видный общественный деятель «эпохи Великих реформ» Александра II.

В конце 1850-х годов Волконский-старший, предводитель дворянства Раненбургского уезда, фактически возглавил, вместе с Ф.С. Офросимовым (будущим председателем Пронской уездной управы), «либеральную партию» в среде рязанских общественных деятелей, работал в губернском комитете по подготовке и проведению крестьянской реформы. После введения земских учреждений стал гласным губернского собрания; а с 1865 по 1877 год был председателем Рязанской губернской земской управы, активно защищая идею местного самоуправления против «партии крепостников» во главе с губернатором Болдыревым и губернским предводителем дворянства Реткиным. Крупнейший исследователь российского земства, будущий секретарь ЦК кадетской партии А.А. Корнилов назвал деятельность рязанских земцев Волконского и Офросимова «высокопоучительным примером»: «с самого открытия земских учреждений в них укоренился здоровый демократический дух, которым прониклись все передовые и наиболее влиятельные земские деятели».

По отзыву А.И. Кошелева, единомышленника и коллеги С.В. Волконского, тот был «тружеником, разумным и благонамеренным земцем», а возглавляемая им губернская управа «вела земские дела отменно хорошо». В 1877 году князь С.В. Волконский отказался баллотироваться на пост председателя губернской управы на очередной срок: как вспоминал Кошелев, «он неутомимо и с великою пользою для земского дела прослужил двенадцать лет, и последние годы особенно его утомила беспрестанная борьба с крепостниками».

Летом 1862 года князь Сергей Васильевич, тогда еще раненбургский уездный предводитель, пригласил в Зимарово в качестве репетитора для сына студента-историка Московского университета Василия Ключевского (только что окончившего тогда первый курс). Именно он привил своему ученику, бывшему на семь лет его младше, вкус к историческим наукам.

В 1872 году Николай Волконский с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета и по настоянию отца поступил на государственную службу – в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. С 1875 по 1878 год он состоял при новом рязанском губернаторе Николае Саввиче Абазе, сопровождал его, как главноуполномоченного Красного Креста, по тылам Дунайской армии во время Русско-турецкой войны. Работа рядом с известным либеральным деятелем Н.С. Абазой (двоюродным братом еще более знаменитого А.А. Абазы – ближайшего сотрудника Александра II и М.Т. Лорис-Меликова), несомненно, сыграла свою роль в формировании общественно-политических взглядов молодого Волконского. После окончания войны он поехал для продолжения образования в Европу, слушал лекции в Венском и Берлинском университетах.

С годами князь Волконский приобрел и ценный опыт практической земской деятельности. С 1874 года он регулярно избирался гласным Раненбургского уездного и Рязанского губернского земских собраний, вел дела в ответственной должности секретаря губернского собрания, руководил ревизией крестьянских касс Раненбургского уезда. Именно в земских органах самоуправления Николай Сергеевич видел наиболее эффективный механизм реше-

ния многообразных общественных проблем, в том числе одной из самых острых – «обеспечения народного продовольствия». В 1878 году на Рязанском губернском собрании отец и сын Волконские представили записку, в которой указывалось, что «дело народного продовольствия должно быть делом земским – всесословным и организация продовольственной помощи должна быть возложена на приходские попечительства, обладающие на сказанную потребность правом самообложения».

Н.С. Волконский выступал за полную самостоятельность земских учреждений в распределении общественных средств. Позднее, уже сам будучи председателем Рязанской губернской управы (1897–1900), он обобщил свои представления о великой роли земского самоуправления следующим образом: «Ежели земские учреждения в течение двадцатипятилетнего своего существования что-нибудь сделали, то единственно благодаря самодеятельности заинтересованного в деле населения. Если земские школы всегда такие, в которых действительно учат, то это происходило единственно вследствие того, что население только на такие школы охотно дает деньги, от которых видит пользу, и его никакими отчетами не проведешь. Население не будет тратить на то, в чем не видит пользы».

Не забывал Николай Сергеевич и о своем профессиональном пристрастии к исторической науке, активно сотрудничая с Рязанской ученой архивной комиссией (РУАК). По просьбе известного рязанского общественного деятеля и историка А.Д. Повалишина (когда-то тот был учеником князя Сергея Васильевича), он начал работу над материалами по истории помещичьих хозяйств Рязанской губернии. Исследование Н.С. Волконского «Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве» было опубликовано в «Трудах РУАК» за 1897 год и неожиданно для автора получило широкую известность. Ряд влиятельных российских журналов («Исторический вестник», «Русское богатство» и др.) опубликовали развернутые положительные рецензии. По словам С.Д. Яхонтова, эта работа «является новым, чуть не единственным трудом этого рода и очень ценится наукой». В «Отчете о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)» крупнейший ученый, академик Н.И. Кареев (кстати, коллега Волконского по I Государственной думе) назвал работу князя в числе самых значительных исследований по экономической истории крепостничества.

Поддерживал Н.С. Волконский и созданный при РУАК историко-этнографический музей, ставший одним из центров культурной жизни Рязани. В 1897 году он выкупил у своих родственников по материнской линии уникальную коллекцию произведений ручной вышивки крепостных крестьянок и подарил ее музею. В следующем году передал семейную реликвию – старинную кольчугу одного из своих пращуров Волконских. (Коллекция Н.С. Волконского и сегодня составляет значительную часть этнографического фонда Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.)

В первые годы XX века князь включается и в общероссийскую политическую жизнь: принимает активное участие в московских заседаниях полулегального кружка «Беседа», устанавливает близкие контакты с лидерами либерального движения Д.Н. Шиповым, братьями князьями Петром и Павлом Долгоруковыми, Н.Н. Львовым, князьями Г.Е. Львовым и Д.И. Шаховским, графом П.А. Гейденом, И.И. Петрункевичем, Н.А. Хомяковым, М.А. Стаховичем.

Одной из главных задач либерального движения на рубеже веков было расширение прав земства и координация деятельности земских учреждений. Не имея возможности официально собирать свои съезды, земцы использовали любую возможность: совещания по вопросам развития кустарной промышленности (март 1902), по борьбе с пожарами в деревне (март – апрель 1902) и т. д. «Кустарный» и «пожарный» съезды стали прологом к созыву в Москве полулегального общеземского съезда, инициатором которого выступил глава Московской губернской управы Д.Н. Шипов.

Официально съезд не был разрешен властями и прошел полулегально 23–25 мая 1902 года на московской квартире Д.Н. Шипова. Съехались более пятидесяти представителей большинства губернских управ и наиболее деятельные гласные; среди активных участников был и князь Н.С. Волконский. Съезд единодушно констатировал: новый правительственный курс, стремящийся подменить выборные земские учреждения назначенными «особыми комитетами», направлен на отстранение органов самоуправления от принятия принципиальных решений. Вместе с тем значительная доля участников, и в их числе Волконский, высказались за то, чтобы земские деятели использовали все возможные средства (включая работу в назначенных правительством органах) для повышения своего авторитета.

6-9 ноября 1904 года состоялся общеземский съезд в Петербурге. Ввиду официального запрета его заседания опять прошли в режиме «частных совещаний» на квартирах участников – И.А. Корсакова, А.Н. Брянчанинова и В.Д. Набокова. На этот раз собрались более 100 земских деятелей из 33 губерний; рязанское земство представляли князь Н.С. Волконский и новый председатель губернской управы В.Ф. Эман. Особенно оживленно проходило собрание 7 ноября в огромной квартире А.Н. Брянчанинова на седьмом этаже дома № 34 по Кирочной улице. Участник совещания барон Р.Ю. Будберг оставил такое описание: «Зал, в котором происходило заседание, предназначался для домашнего театра, отделан темно-синей материей с какими-то не то звездами, не то декадентскими рисунками; на сцене, за колоннами помещался стол, за которым на стульях с высокими готическими спинками помещались наши председатели; на местах для оркестра – столы для секретарей».

Обсуждались разные вопросы, в первую очередь – о будущем государственном устройстве и характере народного представительства. О ходе этих дискуссий и о позиции Николая Сергеевича впоследствии рассказал в некрологе на внезапную кончину князя председатель I Думы С.А. Муромцев («Русские ведомости» от 25 февраля 1910 года), участвовавший тогда в заседаниях в качестве представителя московского земства. Муромцев (через полгода, в октябре 1910-го, он сам скончался в Москве) писал: «Невольно при мысли о нем воскресает внушительная картина земского съезда, заседание 7 ноября 1904 года в зале А.Н. Брянчанинова. По случайности зала заседания, более чем когда-либо, как бы прообразует собою залу будущей Государственной Думы: на особом возвышении – председатель собрания, окруженный членами комитета; под ними – секретари собрания; лицом к председателю расположились рядовые члены собрания. И вот в части залы, слабее других освещенной, направо от председателя, встает Н.А. Карышев (земский гласный из Екатеринославской губернии. – Авт.); рядом с ним видна фигура князя Н.С. Волконского. С необыкновенной выразительностью Н.А. Карышев настаивает на безусловной необходимости народного представительства, облеченного законодательной властью. Внимание собрания напряжено до крайних пределов. Н.А. Карышев кончил, и не каждый еще разобрался в своих мыслях; но поднимается князь Н.С. Волконский и от имени целой группы сидящих вместе с ним определенно заявляет, что они все едины, что Н.А. Карышев высказал общее им всем непоколебимое убеждение. Вся группа встает и подтверждает сделанное заявление. И, как это часто бывает, простое, краткое слово, сказанное от сердца, делает более, чем красивые речи. Так случилось тогда и со словом князя Н.С. Волконского. Многим почувствовалось, что свершился решающий момент заседания».

Итак, князь оказался в числе «прогрессистов» при голосовании на ноябрьском (1904) земском съезде по вопросу о компетенции будущей Думы: их более консервативные оппоненты считали целесообразным оставить за Думой лишь совещательные функции. Между тем по вопросу о формах избрания будущего народного представительства Николай Сергеевич занимал довольно умеренную позицию. На следующем общеземском съезде, состоявшемся в Москве 22–26 апреля 1905 года, он был одним из главных оппонентов победившей в итоге идеи «прямого голосования» и отстаивал необходимость всеобщего, равного, тайного, но двухстепенного голосования. По его мнению, при недостаточном уровне массовой политической

культуры в России лишь выборщики, облеченные доверием земских собраний, способны делегировать в будущую Думу опытных законодателей, а не популистов-демагогов. Вместе с тем Волконский активно поддержал саму идею о том, что «только немедленный созыв народных представителей с правом участия в осуществлении законодательной власти может привести к мирному и правильному разрешению насущных политических, общественных и экономических вопросов современной жизни России».

Одной из главных проблем коренного преобразования государственного устройства земские деятели считали проведение аграрной реформы в интересах основного производительного слоя – крестьянства. И здесь позиция князя Волконского и некоторых других умеренных земцев разошлась с позицией становящегося все более радикальным земского большинства. Противостояние по этому вопросу двух формирующихся лагерей в российском либеральном движении ярко проявилось в ходе Аграрного совещания, которое прошло в Москве 27–29 апреля 1905 года, сразу после общеземского съезда.

На этом совещании в докладах И.И. Петрункевича, А.А. Мануйлова, М.Я. Герценштейна начала кристаллизоваться позиция, легшая затем в основу аграрной программы Конституционно-демократической партии: крестьянские наделы должны быть увеличены за счет государственного выкупа (за адекватное вознаграждение) излишков собственности и передачи их крестьянам в аренду. Тогда же в рядах умеренных земцев возникла оппозиция, активно проявившая себя впоследствии в стенах I Думы. Одним из лидеров этой правой оппозиции и стал Н.С. Волконский.

В своем выступлении на совещании князь отметил, что за, казалось бы, большим разбросом мнений проступают, по существу, две основные позиции: *за* и *против* частной собственности на землю. Аграрный проект «земского большинства» по своей сути совсем недалек от идеи национализации, ибо в конечном счете оставляет за государством (и, как следствие, – за чиновничеством) право собственности на землю. Волконский полагал, крестьянство желает не просто «прирезки земли» на правах аренды, а полноценной собственности. Ссылаясь на свое знание положения на родной Рязанщине, он заявил, что местный крестьянин-земледелец «жаждет получить землю в полную частную собственность»: «По крайней мере у нас, на черноземе, получить кусок земли в полную частную собственность, столь же хорошо защищенную законом, как и собственность любого другого владельца, составляет венец желаний всякого крестьянина. И уже некоторые крестьяне стали осуществлять это желание, приобретая землю при помощи Крестьянского банка и без такой помощи. Но лица, предлагающие добавочное наделение землей, эти прирезки к наделной земле, считаются ли с таким желанием? Нет. Напротив, если проводить предлагаемое наделение последовательно, пришлось бы отбирать землю и у таких мелких собственников для наделения ею неимущих. Но эти-то уж добровольно не отдадут ее. Идя этим путем, надо готовиться к междоусобной войне. И если такой войне суждено разгореться, то победителем, думается мне, выйдет из нее тот, кто обещает частную собственность на землю».

Итак, вместо экспроприаторской (согласно убеждениям Волконского – «полусоциалистической») программы «отчуждения земельных излишков», чреватой новым перераспределительным диктатом бюрократии и социальной нестабильностью, князь предложил ограничиться чисто рыночными мерами: расширением деятельности преобразованного с участием земств Крестьянского банка, введения нового поземельного налога на крупную собственность и т. д. По его мнению, «налог выбросил бы на рынок наиболее слабые в хозяйственном отношении земли и указал бы, что подлежит отчуждению; внимательное изучение особенностей каждого отдельного случая местными общественными учреждениями даст путь, как достигнуть остального».

Впрочем, по мнению Волконского (известного тем, что он никогда не объявлял свою точку зрения единственно верной), вопрос о степени укорененности и популярности идеи част-

ной собственности в России остается открытым: «Если я ошибаюсь, если желание земледельческого населения не заключается в стремлении к частной собственности, – кто так думает, тому надо последовательно идти к национализации земли, но разрешится этот процесс междоусобной войной». Эти слова оказались пророческими: в конечном итоге Россия оказалась разделенной на два лагеря – защитников и ненавистников частной собственности, и кто победил в этой войне – известно.

Поражение в Русско-японской войне вызвало новую волну общественно-политических выступлений. 24 мая 1905 года в Москве, в особняке Ю.А. Новосильцева на Большой Никитской собрался так называемый коалиционный съезд земских деятелей, в котором приняло участие около трехсот человек. Председатель съезда граф П.А. Гейден, ближайший единомышленник Н.С. Волконского, во вступительном слове выразил общее настроение: «Истребление русского флота поразило всю Россию; люди всевозможных политических фракций пришли к заключению, что продолжение существующего порядка более невыносимо и что правительство, виновное перед народом, долее существовать не может». Участники съезда высказали общее недовольство усилением репрессивного курса в стране (буквально накануне полицейский генерал Д.Ф. Трепов получил от императора фактически диктаторские «особые полномочия») и высказались в пользу безотлагательного созыва народного представительства. Несмотря на многие разногласия «партий», по сути, уже сложившихся в русском освободительном движении, съезду удалось составить «адрес» на Высочайшее имя. В нем выражалась обеспокоенность ситуацией в стране, содержались критика правительственного курса (особенно его «полицейской» составляющей) и призыв к скорейшему созыву народных представителей как единственному способу успокоения страны. «Адрес» стал, разумеется, компромиссом многих разных настроений (по словам одного из участников – «бледной равнодействующей всех желаний»). Радикалы, несколько не верившие в его действенность, считали эту инициативу «исполнением долга», «успокоением собственной совести» и т. д. Похоже, однако, что такие умеренные земцы, как князь Н.С. Волконский (а также близкие к нему Д.Н. Шипов, М.В. Родзянко и др.), напротив, все еще рассчитывали «достучаться до императора» и потому настояли на внесении в итоговый текст ряда поправок, призванных смягчить общую оппозиционную тональность.

И во второй день съезда, при обсуждении вопроса о выборе депутации для вручения царю утвержденного «адреса» (это заседание прошло в особняке В.А. Морозовой), Н.С. Волконский, Д.Н. Шипов и другие умеренные сделали все, чтобы обеспечить демонстративную лояльность государю. Радикалы настаивали на максимально широком составе; Н.Н. Ковалевский, например, предложил избрать в депутацию по два человека от губернии и по одному от города – иначе: «Кто с ней станет считаться?.. Пусть нас хоть нагайками разгонят – я не боюсь нагаек!» В противовес им Д.Н. Шипов заявил: «Спасти Россию может только единение власти с народом. Депутация должна быть составлена так, чтобы Государь мог ее принять... В депутацию нужно выбрать от 3-х до 5-ти лиц...» С аналогичных позиций выступил и Н.С. Волконский: «Если я принимаю участие в этом совещании, то потому, что желаю подать адрес Государю. Поэтому я здесь могу иметь в виду только мою совесть и Государя. Предлагаю выбрать трех депутатов...»

В итоге избрали депутацию из двенадцати человек; вместе с присоединившимися к ней тремя представителями Петербургской городской думы, а также профессором Московского университета князем С.Н. Трубецким она была принята императором в Петергофе 6 июня 1905 года. По общему мнению, эта встреча, хотя и прошла внешне вполне благожелательно, никаких практических последствий не имела. И двор, и либеральная общественность взяли паузу, изготовляясь к дальнейшему противостоянию.

А пока в либеральной среде шло дальнейшее размежевание. Радикалы (во главе с И.И. Петрункевичем, П.Н. Милюковым, Ф.И. Родичевым) составили затем костяк Конституционно-демократической партии, умеренные шли за Д.Н. Шиповым, П.А. Гейденом, М.А. Ста-

ховичем, Н.А. Хомяковым. В этом противостоянии Н.С. Волконский становится одним из лидеров «умеренных». Земец-практик и специалист по аграрным и финансовым вопросам, он считал главной российской проблемой дезорганизацию хозяйства, а основную опасность видел в нарастающем революционном движении, способном сорвать обещанную царем конституционную реформу. Но вместе с тем понимал, что к социальной дезорганизации ведет не только смута «снизу», но и полицейско-бюрократический курс правительства, некомпетентного и игнорирующего народные нужды. Выход из этого порочного круга Николай Сергеевич и его единомышленники видели в целенаправленных «реформах сверху», воссоздающих в новых условиях то единение власти и общества, которое было характерно для «эпохи Великих реформ» Александра II. Возможность этого умеренные либералы увидели в дарованном Николаем II Манифесте 17 октября 1905 года.

Сторонник конституционной монархии Волконский в ноябре 1905-го стал одним из основателей либерально-консервативной партии «Союз 17 октября». Он регулярно участвовал в заседаниях Петербургского ЦК (собиравшегося иногда по два-три раза в неделю), затем вошел в Московское отделение Центрального комитета, одновременно возглавил Рязанский губернский отдел партии. В те месяцы октябристы главной задачей считали подавление революционной смуты, причем не только военно-полицейскими, но и – главным образом – общественными силами. Они опасались, что курс премьера С.Ю. Витте, которому они тоже не вполне доверяли, может смениться гораздо более репрессивным режимом министра внутренних дел П.Н. Дурново. Подобную «центристскую» тактику, опирающуюся на идею реализации императорского Манифеста и перспективу скорейшего созыва Думы, Н.С. Волконский попытался реализовать и в своей Рязанской губернии. В декабре 1905 года на губернском земском собрании он представил докладную записку, в которой предлагал на земские средства образовывать в каждом уезде вооруженные дружины для охраны и защиты помещичьих имений. Большинство голосов его предложение было отвергнуто, хотя и нашло значительное число сторонников. Здесь ярко проявилась политическая доминанта того времени: общество все более поляризовалось на «охранителей», согласных на любые реакционные действия, – и «революционеров», стремящихся к радикальным изменениям. Центристские силы, представленные в том числе и октябристами с их идеей «борьбы общества против революции», в этом противостоянии явно теряли инициативу.

В таких условиях Н.С. Волконский и его коллеги большое значение придавали скорейшим выборам в I Государственную думу, рассчитывая на союз популярных умеренных земцев-практиков и «здравомыслящего», как им казалось, «крепкого крестьянства». Выступая на соединенном совещании Санкт-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», созванном 8–9 января 1906 года в преддверии общепартийного съезда, Н.С. Волконский объявил о необходимости «возможно скорее приступить к выборам в Думу, особенно от крестьян». «Правительство делает большую ошибку, испытывая так долго терпение населения, – говорил он. – Если в начале апреля Дума не будет созвана, волнения снова могут усилиться. Многочисленные аресты людей, иногда ни в чем не виновных, вызывают недовольство населения».

Чем раньше пройдут выборы в Думу, тем больше шансов имеют умеренные партии, полагал князь – и был глубоко прав: задержка с созывом народного представительства с каждым днем усиливала позиции радикалов. Отмечая, что «деревню мало волнуют газетные известия о политических беседах графа Витте и весь интерес сосредотачивается на вопросе земельном», Волконский призвал лидеров октябристов обратить особое внимание на земельный вопрос, по которому партии «нужно сказать больше, чем было высказано до сих пор». Он подчеркивал: «Необходимо самим себе выяснить всю трудность и сложность вопросов и разъяснить это крестьянам. Желательно, чтобы местными отделами „Союза“ были доставлены съезду точные сведения и фактический материал, освещающие положение вопроса в той или другой местно-

сти». Победить в избирательной кампании левую демагогию по крестьянскому вопросу можно, только опираясь на очень точное и конкретное знание предмета.

Выборная кампания октябристов в Рязанской губернии проходила в обстановке острого соперничества с кандидатами от более радикальной Конституционно-демократической партии, взявшими на вооружение идеи принудительного отчуждения помещичьих земель и скорейшего созыва Учредительного собрания. С ними князь Волконский и его единомышленники полемизировали еще на первых земских съездах. Имея явное преимущество над кадетами на съездах крупных землевладельцев, октябристы существенно уступали им в городских избирательных собраниях. Позиция крестьян, за которыми, согласно новому законодательству, закреплялась существенная квота выборщиков, была неустойчивой. Опасаясь возможности забаллотировки выборщиками от крестьян всех иных кандидатов (в том числе и октябристов), Волконский одно время вел переговоры о коалиции в губернском избирательном собрании с рязанскими кадетами. Однако их лидер А.К. Дворжак от этого альянса уклонился: общим кадетским принципом на выборах в I Думу было «блокирование налево», с радикальными крестьянскими элементами в целях победы над «сторонниками режима», к которым кадеты теперь относили и октябристов.

Эта тактика, как известно, в целом по России принесла успех: блок кадетов и более левых «трудовиков» определил лицо I Думы. Большинство октябристских кандидатов (даже таких ярких и заслуженных, как Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, М.В. Родзянко) потерпели поражение. Однако были исключения: в Пскове, Орле, Саратове в Думу сумели пройти некоторые лидеры умеренных земцев – соответственно граф П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов. Исключением стала и Рязанщина: на губернском избирательном собрании октябристам, возглавляемым Н.С. Волконским, удалось не только получить голоса правых и умеренных выборщиков, но и привлечь на свою сторону выборщиков-крестьян. В результате в Рязанской губернии октябристы провели в Думу трех кандидатов из восьми возможных: депутатами стали сам князь Волконский и его коллеги по партии А.В. Еропкин и Н.И. Ярцев.

И современниками, и позднейшими исследователями многократно отмечен парадоксальный факт: в I Думе, в отличие от последующих, по существу не было откровенных реакционеров; на «правых скамьях» здесь оказались такие заслуженные земцы-конституционалисты, как граф Гейден, орловский губернский предводитель Стахович, князь Волконский. Кадетско-трудовическое думское большинство считало парламентскую активность этих депутатов лишь досадной помехой в победном, как тогда казалось, наступлении народных представителей на ретроградную власть. Но существует и иная оценка. Один из кадетских лидеров, депутат II–IV Дум В.А. Маклаков, правда уже в эмиграции, пришел к нестандартному выводу: по его мнению, именно Гейден, Стахович и Волконский пытались защитить в I Думе *подлинно либеральную и конституционалистскую позицию*.

Конечно, в этом смысле граф П.А. Гейден и М.А. Стахович были в I Думе наиболее яркие и активны. Однако и нередкие выступления их единомышленника князя Н.С. Волконского (получившего за свою неприязнь к явным и скрытым социалистам прозвище «сердитый князь») также сыграли свою роль и по праву должны войти в историю русского конституционализма.

На одном из первых заседаний, 2 мая 1906 года, обсуждалась необходимость потребовать от властей немедленной и полной амнистии; некоторые левые аргументировали срочность этого вопроса тем, что царь, мол, может опередить думцев. Слово для короткой реплики попросил Н.С. Волконский: «Тут было сделано еще одно заявление: а ну-ка Государь даст амнистию без нас... Да сделайте милость! Надо будет благодарить за это судьбу, и если это будет сделано сейчас, не по нашему собственному почину, а будет сделано правительством, то, мне кажется, кроме благодарности, ничего за это сказать нельзя. Остается только порадоваться...» Однако

эта вполне разумная реплика «сердитого князя» нимало не изменила позицию нетерпеливых радикалов.

Главное выступление Н.С. Волконского в I Думе состоялось 18 мая 1906 года и было посвящено аграрному вопросу. Собственно, это был принципиальный содоклад от немногочисленной группы умеренных, продолжающих активно оппонировать проектам передачи в аренду крестьянам экспроприированной земельной собственности как якобы единственному способу социального умиротворения в стране.

В самом начале своей развернутой речи Волконский согласился с тем, что значительное большинство крестьянства видит в недостатке земли главный источник своих бедствий. «Ставя себя в положение нашего крестьянина, я уверен, что я думал бы то же самое, что и он, и приписывал бы недостатку земли все мои бедствия». Но в том-то и дело, заметил он далее, что народные избранники, собравшиеся в зале Думы, должны смотреть на проблему глубже, осмыслить ее рационально и найти верное решение, а не просто идти за массовым нетерпением. Оратор обратил внимание на одно интересное обстоятельство, которое исследовал очень внимательно – и как земец-практик, и как профессиональный историк: массовые крестьянские выступления, грабежи и поджоги имели место вовсе не там, где малоземелье особенно чувствительно. Например, одним из очагов крестьянских бунтов стал Балаковский уезд Саратовской губернии (родной уезд друга и единомышленника Волконского – депутата Н.Н. Львова). При этом крестьяне имели там в два раза больше земли, чем в родном для Волконского Раненбургском уезде Рязанской губернии, где, напротив, ситуация в целом осталась спокойной. Вывод должен был неприятно задеть левую часть Думы: «Эти грабежи были вызваны особой агитацией, этой страстью к земле воспользовались люди, для того чтобы поднять одну часть населения против другой. Поэтому движение было особенно сильно не там, где всего сильнее нужда в земле, а там, где были налицо такие люди, которые могли поднять население».

Следовательно, справедливый призыв изыскать возможности увеличить крестьянские наделы не должен превратиться в беспочвенную демагогию: во многих районах существенно «прирезать землю» просто невозможно. Согласно профессиональным расчетам Волконского, даже если взять все пахотные земли Рязанской или Тамбовской губерний, включая помещичьи и церковные, и разделить их ровно между всеми земледельцами («всех крестьян взять и рассадить, как картофель, по всей губернии»), прибавка к крестьянскому хозяйству окажется мизерной – не более одной десятины на каждую душу мужского пола.

Вызовом прозвучал и другой тезис: «У наших земледельцев все-таки больше земли, чем у земледельцев любой другой страны Европы; там от этого недостатка не страдают, не страдают потому, что там земля приносит больше». Поэтому важной национальной задачей должна стать не только проблема малоземелья, но и проблема повышения производительности земли. А учитывая, что помещичьи хозяйства пока раза в два продуктивнее крестьянских, их разорение приведет к деградации национальной экономики: «Нельзя разрушать те хозяйства, которые много приносят, и создавать такие, которые мало приносят».

Какие же меры предложил Думе сам выступавший? В основе его предложений лежали два принципа: учет конкретной местной специфики и передача земли в частную собственность, а не в аренду. «Дайте крестьянину в собственность десятин 10 пустыря, – говорил Волконский, – и через 10 лет он из них сделает 10 десятин огорода, а сдайте ему в аренду эту землю, поставьте еще чиновника, который бы смотрел за тем, кто будет обрабатывать эту землю, сам ли хозяин или, может быть, не батрак ли, то из 10 десятин огорода получите го десятин пустыря». Поэтому в тех районах, где есть возможность «прирезать землю» крестьянам, это следует делать, используя все инструменты государства: «Прирезать придется, конечно, на счет государства, и взять эту землю тут же, возле, если добром можно, то добром, а если не добром, то и принудительно... И, отпуская с приданым, сказать: „Ступайте, работайте на своей земле, отвечайте во всем сами за себя: хорошее будет хозяйство – твое дело, плохое хозяйство – на

себя пеняй!“» В тех же местах, где существенно добавить земли невозможно, необходима планомерная работа по переселению крестьян на свободные земли, которые также должны быть им переданы в полную частную собственность.

Еще одним способом расширения крестьянских наделов могла бы стать продажа помещиками их земель. Собственно, этот процесс уже активно шел: по подсчетам Волконского, после реформы 1861 года в Рязанской губернии в руках старых владельцев осталась примерно половина земель, и половину из проданного приобрели именно крестьяне. «Если такая масса земель уже теперь переходит к крестьянам, – заметил Волконский, – то при большей поддержке государства перейдет еще больше». Он рассказал, что у себя в волости уже произвел некоторые подсчеты: «Мне, например, из 1200 десятин придется уступить 500. Придется купить у священника немножко, и он согласен продать, и т. д. – устроиться можно». Согласно предложению депутата, землевладельцев, имеющих менее трехсот десятин, следует вообще оставить в покое, а более крупные собственники вполне могут уступить примерно треть своих земель. При этом земельные излишки можно не только продавать, но и обменивать: «Отчего казне не прибегнуть вместо отчуждения покупкой – к обмену? У государства есть много мест и земель, которые в переселенческом деле для крестьян не годятся, потому что требуют больших затрат капитала, например лесные пространства, горные; между тем человеку с капиталом они очень пригодятся, и если бы помещику предоставлено было право в некоторых случаях меняться, то на земли, может быть, иногда не крестьяне переселялись бы, а помещики. Я бы первый, пожалуй, отдал свои 1200 десятин в Тамбовской губернии и выселился бы. А она бы очень пригодилась».

Важным элементом крестьянской реформы могла бы стать и ликвидация наиболее архаических форм общинного землевладения, тормозящих развитие национального хозяйства. «Если крестьяне какого-нибудь общества пожелают продолжать владение землей сообща, пусть составят договор о том, и пользование этой землей будет уже определяться из этого договора. Без договора, как теперь, по обычаю, общинное землевладение не должно быть более допустимо».

Общий стиль этого выступления напоминал речь мудрого сельского старосты и захватил внимание многих слушателей, почувствовавших в ораторе прекрасное знание предмета. Но, судя по стенограмме, немало нашлось и таких, кто старался перебить и остановить его криками «Довольно, довольно». Концовку своей речи Волконский явно сократил. Но расстроен, судя по всему, не был. Во-первых, главное он успел сказать, заронив многие сомнения в головы думского большинства, и в первую очередь здравомыслящих крестьян. А во-вторых, он знал, что в зале у него есть сильный союзник, который уже записался в очередь на выступление по аграрному вопросу.

Действительно, на следующий день, 19 мая, его активно поддержал саратовский депутат, бывший кадет Н.Н. Львов. После необходимых слов о том, что он, конечно, признает необходимость увеличения площади крестьянского землевладения и для достижения этой цели допускает отчуждение частновладельческой земли, один из самых блестящих ораторов первых российских парламентов перешел в наступление на предложенный от имени думского большинства проект аграрной реформы.

«Я самым решительным образом расхожусь с началами предлагаемой нам схемы аграрной реформы, – заявил Львов. – Я отвергаю ее, так как она направлена, по моему убеждению, не на поднятие благосостояния населения, а на осуществление абстрактной теории, не только не на пользу, а во вред крестьянству и общему благу страны». Так же как когда-то на земском совещании это сделал Н.С. Волконский, он назвал главной идеей кадетского проекта фактическую национализацию земли: «Правда, само слово не названо, но сущность ее проведена с известной последовательностью».

Завершилась эта речь чрезвычайно сильным пассажем: «Для того чтобы такой закон провести в жизнь, нужна страшная власть. В Петербурге вы должны создать огромную земельную канцелярию, которая измеряла бы, распределяла, переселяла из одного конца России в другой, изрезывала бы всю Россию на продовольственные квадраты. В каждом уголке для такой коренной ломки всего хозяйственного быта вы должны держать целый штат чиновников... Для таких задач, для такой ломки жизни вам нужна не Государственная дума, а диктатура, власть деспотическая! Бойтесь деспотизма, вашего собственного деспотизма, бойтесь самого худшего из них – деспотизма голых формул и отвлеченных построений!» «Аплодисментов» по окончании выступления Львова в стенографическом отчете не отмечено – слушатели, судя по всему, были потрясены.

Итак, влияние князя Н.С. Волконского на эволюцию идей Н.Н. Львова несомненно. Столь близкие по духу и аргументации выступления в Думе еще более сплотили их, хорошо знакомых со времен кружка «Беседа» и первых земских съездов. Теперь, в последние недели работы I Думы, Волконский вместе с Львовым (а также гр. П.А. Гейденом и М.А. Стаховичем) активно обсуждали планы создания самостоятельной партии, свободной как от левых предрассудков кадетизма, так и от проправительственных обязательств октябризма.

Свою принципиальную позицию по вопросу об аграрной реформе Николай Сергеевич еще раз подтвердил на думском заседании 5 июня 1906 года, когда подводились итоги общей дискуссии: «По моему мнению, во-первых, крестьяне должны получить землю в собственность, а не аренду... Я не задаюсь теориями. По-моему, этот вопрос гораздо легче решить на местах, чем приступать к общей формуле. (*Редкие аплодисменты.*)»

А на следующий день, 6 июня, при обсуждении проекта закона о гражданском равенстве, князь Волконский еще раз предельно точно определил свое кредо политика и депутата, сделав акцент на необходимости здравого смысла и практичности в законодательной работе: «Я никогда законодателем не был и дальше скромной деятельности в земских собраниях в этом отношении не шел, но и там, всякий раз, когда предлагались какие-нибудь меры, я находил, что надобно прежде всего сознательно отнестись к ней и не только оценить ее с точки зрения принципа, но и взглянуть на всю совокупность тех факторов, которые вызывают применение этого принципа на деле. Если мы желаем отменить какое-нибудь зло, нам надо, чтобы это зло представилось нам фактом, каким оно существует на деле».

Между тем недолгое существование I Думы подходило к концу. 19 июня левое большинство устроило обструкцию Главному военному прокурору, генерал-лейтенанту В.П. Павлову. Собственно, волнение в зале началось еще во время речи министра юстиции Щегловитова; шум еще более усилился, когда от имени морского министра выступал военно-морской прокурор Н.Г. Матвеев. А когда председатель Думы С.А. Муромцев объявил было, что от имени военного министра выскажется Павлов, и тот направился к трибуне, поднялись такие свист и топот, что оратор вообще не смог говорить. Муромцев хладнокровно (и, как представляется, с полным пониманием настроений депутатов) прервал заседание на один час. После перерыва сравнительно гладко прошло выступление еще одного представителя правительства – заместителя Столыпина по Министерству внутренних дел А.А. Макарова... А потом представители радикальных фракций стали наперегонки записываться для выступлений «по порядку ведения». Обструкцию «кровавому палачу Павлову» постарались ярко обосновать и лидеры «трудовиков» Аникин и Аладьин, и видный социал-демократ Рамишвили, и кадет Винавер. Единственными, кто попытался призвать депутатов к корректности по отношению к представителям правительства, были граф Гейден и князь Волконский.

П.А. Гейден был, как всегда, очень спокоен: «Я думаю, что главная беда нашего прежнего порядка есть превращение личной воли в закон... Я придерживаюсь того правила, что новый порядок надо вводить новыми приемами – глубоким уважением к закону и даже к личности своего врага». Гораздо более возбужденным выглядел Николай Сергеевич: «Господа, если тот

минимум требований, который должен удовлетворить всякого говорящего на этой кафедре, будет зависеть от усмотрения лиц, сидящих там (*указывает на левую сторону*), или каких бы то ни было групп, или даже всей Думы, а не закона, то Дума будет неработоспособна; нынче вы сгоните одного, а завтра другого, и работа станет невозможной, и вместо порядка, для которого мы созданы, вы зальете страну такой кровью, какой она еще не видала. (*Шум.*) Я глубоко протестую против этого. (*Шум.*)»

Последнее выступление князя в I Думе состоялось 4 июля, совсем незадолго до роспуска. Он, по-видимому, предчувствовал, что прямое обращение депутатов к населению по аграрному вопросу (к чему склонялось думское большинство) может дать властям удобный повод для роспуска народного представительства, и просил не разжигать страсти, воздержаться от деклараций и найти иные способы информировать граждан о позиции депутатов. Собственно, все так и случилось, как предупреждал Волконский: 9 июля 1906 года Дума была распущена.

Между тем умеренная позиция депутата Волконского вызвала серьезное недовольство многих его рязанских избирателей, значительно полевевших за эти месяцы. Так, жители села Новики Спасского уезда прислали в Думу свой «крестьянский приговор», в котором писали: «Постановили выразить князю Волконскому наше негодование за то, что он не стоит за народ. Мы еще больше будем презирать его, если увидим, что он не войдет в трудовую группу». В другом «приговоре» – крестьянского схода Кузьминской волости Рязанского уезда – говорилось: «Князь Волконский в Думе интересы крестьян не отстаивает, трудовому крестьянству в его нужде не сочувствует... Поэтому и мы его взглядам и направлению тоже не сочувствуем».

Надо добавить также, что во времена I Думы и сразу после ее роспуска сам князь и другие рязанские думцы-октябристы старались удержаться на либеральном фланге собственной партии, в то время как внедумское большинство ЦК склонялось к сотрудничеству с правительством. Поэтому рязанские либералы во главе с Н.С. Волконским (который наверняка прислушивался к голосу своих полевевших избирателей) поначалу поддержали идею лидеров думских умеренных – графа П.А. Гейдена и М.А. Стаховича, а также отошедшего от кадетов Н.Н. Львова – создать новую, либерально-центристскую Партию мирного обновления. На заседании ЦК «Союза 17 октября» 29 июня 1906 года князь мотивировал это прагматическими соображениями: «Принадлежащие к Союзу крестьяне – члены Думы понемногу отпадают от него... Крестьяне все более убеждаются, как важно и выгодно идти заодно с сильной партией. Иметь дело с „Союзом 17 октября“ они стесняются, в его помещение ходить боятся, его представителей сторонятся. Партия мирного обновления возникла в большой мере, чтобы дать возможность сгруппироваться вокруг нового имени, которого не будут стесняться».

Вскоре, однако, под воздействием быстро меняющейся политической обстановки, Николай Сергеевич возвратился в лоно классического октябризма. Скорее всего, набирающий в партии силу энергичный А.И. Гучков (во многом близкий князю: тоже выпускник истфака Московского университета, тоже учился в Берлине и Вене), а также такие умеренные октябристы, как Н.А. Хомяков, С.И. Шидловский и В.М. Петрово-Соловово, были ему все-таки ближе. Большое значение имело и то, что новым главой российского правительства стал П.А. Столыпин, в значительной степени разделявший общественные воззрения Волконского.

В конце 1906 года рязанские октябристы активно включились в избирательную кампанию по выборам во II Думу. 30 декабря на собрании Рязанского отдела партии по предложению Н.С. Волконского избрали особое «выборное бюро» из десяти человек, которому поручалось руководство предстоящей кампанией. По сравнению с более левыми партиями октябристы имели заметное преимущество – полную свободу предвыборной агитации. Однако в Рязанской губернии дело для них закончилось полным поражением: ни один из кандидатов в новую Думу не попал. Победил объединенный блок кадетов и левых: наиболее уязвимым местом октябристов стала как раз их умеренная позиция по аграрному вопросу в предыдущей Думе.

Что касается III Государственной думы (для избрания в нее Волконский сложил с себя полномочия выборного члена Государственного совета от рязанского земства), то в ее стенографических отчетах фамилия князя встречается многократно. Кстати, учитывая, что в эту Думу попали и другие князья Волконские (в том числе младший брат Николая, Сергей Сергеевич, выпускник юридического факультета Петербургского университета, видный общественный деятель Пензенской губернии), Николай Сергеевич получил «по старшинству» думское имя «Волконский 1-й».

По сравнению с I Думой положение Н.С. Волконского изменилось кардинальным образом. На основании нового избирательного закона, давшего преимущество на выборах «цензовым элементам», соратники князя по партии октябристов получили теперь преобладающие позиции, а председателем был избран его старинный друг – общественный деятель из Смоленской губернии Н.А. Хомяков.

Наиболее серьезной темой, по которой «князь Волконский 1-й» выступал в III Думе, стали проблемы народного образования. В январе 1910 года произошла схватка между ультраправыми депутатами, поддерживавшими охранительный курс Министерства просвещения, и реформаторами, которых в Думе возглавили октябристы – профессор В.К. фон Анреп (председатель профильной думской комиссии) и князь Н.С. Волконский. Дело в том, что правительство, проведя ранее ряд мер по ужесточению правил университетского образования, не торопилось возвращать университетам отобранные права и затягивало внесение в Думу нового университетского Устава. Умеренно-либеральное октябристское большинство (которое в данном случае из тактических соображений поддержали кадеты и левые) настаивало на разработке и принятии хотя бы «временных правил», обеспечивающих расширение прав университетской молодежи. В ходе острой дискуссии Николай Сергеевич активно выступил за необходимость скорейшего введения «временных правил», защищая тезис, что «этого требуют интересы общества». Однако разумное и весьма взвешенное выступление князя буквально взорвало думских ультраправых.

Первым выскочил на трибуну их лидер курский депутат Н.Е. Марков (Марков 2-й) и с жаром произнес: «Я взошел на эту трибуну, чтобы возразить князю Волконскому 1-му. Он тут заявил, что то законодательное предположение, которое левые объявляют с большой смелостью своим сочинением, должно быть принято только потому, что оно будет якобы отвечать запросам общества. Я заявляю князю Волконскому, что требованию того общества, которому он желает подчиниться и по требованию которого он желает плясать, мы не будем подчиняться. Мы признаем волю народа, а воля народа выше воли вашего жидовского общества. (*Рукоплекскания справа и голоса: браво!*)»

Вослед Маркову выступил другой черносотенец, член Главного совета Союза русского народа Ф.Ф. Тимошкин, и тоже грубо возразил Волконскому относительно «потребностей общества»: «Народная потребность, господа, потребность русского народа заключается в том, что наши высшие учебные заведения переполнены иудеями и инородцами, а русским туда доступа нет. (*Рукоплекскания справа и голоса: верно! браво! долой жидов с Милоковым вместе!*)» Впрочем, лидеры октябристского большинства, поначалу, по-видимому, несколько растерявшиеся, достаточно быстро овладели положением, и Дума подавляющим числом голосов постановила желательной выработку «временных правил».

В политической биографии Н.С. Волконского, истинного центриста, неоднократно возникали ситуации, когда в один день его яркое думское выступление вызывало аплодисменты «слева» и свист «справа», а назавтра происходило ровно наоборот. Так случилось в январские дни 1910 года. Сначала левые депутаты (трудовики, социал-демократы) активно поддержали «демократизм» князя в отношении университетской реформы. А буквально через несколько дней, при обсуждении вопроса о необходимости имущественного ценза для местных судей, устроили ему обструкцию. Волконский всегда был сторонником имущественного ценза для

занятия всех выборных должностей. По его мнению, только наличие собственности способно сформировать надежное гражданское мировоззрение, позволяющее ответственно отправлять общественные функции. Эта позиция, будучи открыто им высказанной на заседании 22 января 1910 года, и вызвала бурное недовольство на скамьях левых депутатов.

Однако в III Думе Н.С. Волконский запомнился и такими эпизодами, когда одна его меткая реплика разряжала межпартийную конфронтацию, как, например, в ходе заседания 3 июня 1908 года. Депутаты утверждали устав Московского народного университета им. Шанявского. Ультраправый Марков 2-й предложил поправку, согласно которой в Совет попечителей университета не могли избираться лица, ранее осужденные. За поправку выступил и другой лидер правых – Г.Г. Замысловский. Все прекрасно понимали, что речь в первую очередь идет об общественных деятелях, ранее осужденных за подписание «Выборгского воззвания», и даже еще более конкретно – о бывшем председателе I Думы С.А. Муромцеве. Ситуация перед голосованием сложилась не вполне определенная: доминирующие в Думе октябристы не хотели подыгрывать правым, но и не находили достаточно аргументов, чтобы отклонить поправку. В конце дискуссии слово взял Волконский 1-й: «Господа, существует русская поговорка: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. (*Рукоплекания в центре и слева.*) Мудрая поговорка, сколько почтенных людей попадало в тюрьму! Закон покарает, кого ему нужно; что же касается оценки сверх закона – предоставим это тем, кто будет выбирать попечителей, или они глупее нас, что ли? А в такой степени злобствовать, чтобы преследовать постановлением Думы, – стыдно! (*Шумные рукоплекания слева и в центре.*)» В итоге поправка Маркова-Замысловского была отклонена подавляющим большинством голосов...

В феврале 1910 года Н.С. Волконский выступал в Думе особенно активно. Его всегда уместные и точные реплики зафиксированы в стенографических отчетах за 3,12,18 февраля. 20-го числа он записался с большим выступлением в дискуссии по смете отлично ему знакомого Министерства внутренних дел, но решил отказаться, чтобы не затягивать прения. Вечером участвовал в работе Комиссии по местному самоуправлению, а на следующий день уехал в Москву.

22 февраля 1910 года действительный статский советник князь Н.С. Волконский скоропостижно скончался в своей московской квартире в Гранатном переулке в возрасте 62 лет. На следующее утро председательствующий на пленарном заседании Думы (по иронии судьбы – однофамилец, князь В.М. Волконский) объявил о кончине заслуженного депутата. Коллеги почтили память Николая Сергеевича вставанием, а в четыре часа пополудни в церкви Таврического дворца была отслужена панихида.

Князя Н.С. Волконского похоронили в родовом склепе при храме Боголюбской Божьей Матери в селе Зимарово Раненбургского уезда Рязанской губернии.

«Выполнить тяжелую государственную работу на почве законодательного строительства...»

Николай Алексеевич Хомяков

Константин Могилевский, Кирилл Соловьев

«Родился у меня сын Николай. Назвал по Языкову, крестный отец Гоголь (тоже Николай), родился в именины Жуковского. Если малый не будет литератором, не верь уже ни в какие приметы. Судя по физиономии юноши, полагаю, что он больше будет писателем в роде юмористическом...» Так в начале 1850 года известный русский философ, литератор и общественный деятель Алексей Хомяков писал своему брату по перу А. Веневитинову.

Приметы не сбылись. Н.А. Хомяков не стал писателем, да и вообще найти какой-либо текст, им написанный, – большая проблема. Сам он говорил, что «поэтических талантов от отца не унаследовал, в жизни ни разу рифмы не мог подобрать». А вот врожденное «юмористическое чувство» отец распознал по младенческой физиономии сына совершенно точно. Когда современники, уже после смерти Николая Алексеевича в 1925 году, пытались выделить его характерные черты, то в первую очередь отмечали «природный хомяковский юмор». Высокий, физически сильный, он был очень добродушным человеком, практически никогда ни с кем не ссорился, на него никто не мог долго сердиться. Легкая картавость, которая в семье передавалась из поколения в поколение, придавала его речи особый шарм.

Судьба выдвинула этого типичного русского барина на арену общественной жизни, бурлившую в России начала XX века. Но, хотя Н.А. Хомяков стал одним из самых крупных политиков, никакой молвы о нем никогда не распускали. Человек без всяких личных амбиций, он представлял собой необычный тип деятеля столь крупного масштаба...

Николай Алексеевич Хомяков родился 19 января 1850 года в Москве. Он – последний ребенок А.С. Хомякова и его жены Екатерины Михайловны (урожденной Языковой, сестры поэта). До него у Хомяковых было еще восемь детей: три сына (двое умерли в 1838 году) и пять дочерей. В памятной книжке Алексея Степановича сохранилась запись: «1850-го года января 19-го родился Николинка, в третьем часу утра».

Семья владела двумя большими имениями. В Смоленской губернии располагалось имение Липицы Сычевского уезда, со старинной усадьбой, большим двором, винокуренным заводом и живописным парком; в Белецком уезде – село Степаньково, с маленькой усадьбой и знаменитым в округе винокуренным заводом. Имение Каргашино в Каширском уезде Тульской губернии тоже включало в себя несколько различных заводов. Этим владения Хомяковых не ограничивались – были еще небольшие деревни в Ярославской и Калужской губерниях, а также знаменитый московский дом на Собачьей площадке. Летом, как правило, жили в Богучарове Тульской губернии: оно больше нравилось матери Алексея Степановича и к тому же находилось ближе к Москве.

В 1852 году умерла Екатерина Михайловна, а в 1860-м – и Алексей Степанович. После этого Николая воспитывали старшие сестра и брат. Жили они в Москве на Собачьей площадке (примерно на углу современного Нового Арбата и Борисоглебского переулка). В этом доме в 1830-1840-х годах собирался славянофильский кружок: Аксаковы, Киреевские, Самарины. Дом являлся центром общественной мысли, и трудно назвать человека из тогдашней культурной элиты страны, который бы там не бывал. Заходили Герцен и Грановский, имелся в доме свой любимый уголок и Пушкина. (После революции в нем разместился музей дворянского быта; он пользовался такой популярностью, что это чуть не спасло от уничтожения всю Собачью площадку. Но в 1962-м, при строительстве Калининского проспекта, дом все-таки снесли.)

В 1874 году Н.А. Хомяков окончил юридический факультет Московского университета – отсюда вела прямая дорога на государственную службу. Однако такая карьера его не прельщала. Материальных затруднений он не испытывал – на долю младшего брата пришлось имение в Сычевском уезде. Поэтому молодой человек бездельничал, не испытывая в связи с этим никаких неудобств. Через год после окончания университета он женился на Н.А. Драшусевой (Драгиусовой) – дочери профессора астрономии; у них родилось четверо детей – три девочки и мальчик.

В 1877 году началась война с Турцией. Общественный подъем был огромным. Мало нашлось людей, которые не считали своим долгом хоть как-то поучаствовать в деле освобождения славян. Николай Алексеевич вошел в состав санитарного отряда московского дворянства. Там же оказался будущий лидер кадетов П.Н. Милюков. В 1925 году, в связи со смертью Хомякова, он написал статью, в которой рассказал об этой их первой встрече. Летом 1877 год отряд стоял в Закавказье, в городе Сураме. Н.А. Хомяков был в отряде уполномоченным, а выпускник гимназии Милюков вместе с молодым князем Н.Д. Долгоруковым заведовали хозяйством отряда. «Хомяков, к нашему большому удивлению – больше, чем неудовольствию, – значительную часть дня пролеживал на кровати. Зной действительно стоял страшный, и я сохранил воспоминания, как о настоящем мученичестве, о моих поездках в раскаленный Тифлис за деньгами для отряда».

На память о военном времени у Хомякова остались два ордена. Один из них, Святого Владимира 4-й степени, ему вручили за присутствие в составе санитарного отряда при штурме Карса. Более чем через двадцать лет, когда Николай Алексеевич стал председателем Государственной думы, сербы вспомнили об этом героическом эпизоде его карьеры и наградили орденом Саввы 1-й степени.

Вернувшись с войны, Хомяков поселился в Липицах и в 1880 году стал уездным предводителем дворянства – это и явилось началом общественной деятельности. Через шесть лет он становится уже губернским предводителем, оставаясь в должности целых десять лет. Хомякова избирали четыре раза подряд, пока министр земледелия А.С. Ермолов не пригласил его занять пост директора Департамента земледелия своего министерства. Он принимал участие в заседаниях Сельскохозяйственного совета, и К.Ф. Головин, также участвовавший в работе совета, вспоминал, что Николай Алексеевич «обладал в высокой степени даром красно говорить. Дикция его была превосходна, с огоньком, и речи его произносились на благодарную тему, что у земства руки связаны правительством, которое само ничего плодотворного не принимает». По выражению того же Головина, Хомяков был «администратором нового типа, чуждым всякой условности и напыщенности».

Новый директор Департамента земледелия внес большие изменения в его деятельность. В 1899 году был учрежден институт правительственных инспекторов. Как много лет спустя вспоминал Н.Н. Львов, Хомяковым «была создана широкая агрономическая организация, где работа правительственных уполномоченных была связана с деятельностью местных органов самоуправления, в результате чего установилось самое плодотворное сотрудничество земства и правительства, давшее такой высокий подъем в области сельскохозяйственной помощи населению».

И все же Н.А. Хомяков не отличался большой административной энергией, бюрократический стиль управления был ему чужд, и в министерстве он себя чувствовал не в своей тарелке. Еще в 1900 году он говорил председателю Московской губернской земской управы Д.Н. Шипову о своем желании сложить должность директора департамента. Наконец в 1902-м ему удается сбросить нелюбимое бремя, и он с радостью возвратился в родную Сычевку: «Да так бы и не уехал отсюда, если бы не эта политика».

Николай Алексеевич так впоследствии комментировал свою отставку: «Канцелярская служба не по мне или я не по ней, как хотите. Мертвое это дело, канцелярия. А тут еще нача-

лись гонения на лесной департамент, борьба нашего министерства с министерством финансов. С.Ю. Витте был тогда в полной силе, а наш А.С. Ермолов как-то все ему уступал... Выходило, что мы были в каком-то подчиненном положении у Витте, а это было очень неприятное сознание. Я не выдержал и бросил службу. Но с А.С. Ермоловым я и посейчас в самых хороших отношениях, в самых дружеских...»

Хорошие отношения сохранились у бывшего директора и с другими сослуживцами. 22 сентября 1910 года он получил от них телеграмму: «Дорогой Николай Алексеевич! Уполномоченные по сельскохозяйственной части, собравшись дружной семьей, шлют Вам горячий привет, вспоминая Ваши труды по учреждению института уполномоченных, и искренно уверяют, что основы, положенные Вами, живы и до настоящего времени».

Как и подобает прирожденному общественному деятелю, Хомяков не остался в стороне от земского движения и вновь был избран предводителем уездного дворянства. «Своего предводительства, – говорил он, – не брошу, ни за что не брошу». Смоленская губерния отвечала взаимной любовью; по словам Н.Н. Чебышева, «она носила его на руках». Хомяков присутствовал практически на всех земских съездах, его приглашали на разнообразные совещания. Как и многие другие земцы, с начала Русско-японской войны Николай Алексеевич принял активное участие в помощи раненым, с 1904 года став главноуполномоченным объединенного дворянства по Красному Кресту.

Хомякова почитают умеренным и консервативным: он стоит на правом фланге либеральной оппозиции. И в 1905 году, когда возникли политические партии и не вступить в какую-нибудь из них считалось признаком дурного тона, он, естественно, конституционным демократам предпочел «Союз 17 октября», более того, оказался одним из отцов-основателей октябризма. Н.А. Хомяков возглавил смоленское отделение партии, вошел в ЦК «Союза 17 октября»; в 1906 году был выбран в Государственный совет – верхнюю палату российского парламента. А в 1907-м сложил с себя обязанности члена Государственного совета в связи со своим избранием депутатом Государственной думы второго созыва. Хомяков стал председателем фракции октябристов, а также возглавил Комитет объединенных умеренных и правых партий. Он даже выдвигался на пост председателя II Думы – его кандидатура набрала 91 голос. И все же большинство проголосовало тогда за кадета Ф.А. Головина.

Политическая философия Н.А. Хомякова своеобразна; внутренне неоднородная, при этом она оставалась чуждой догматизму и закостенелости. Развитие местного самоуправления не противоречит принципу самодержавия – такова основная идея политика, по крайней мере до 1905 года. В 1901-м, на совещании земцев, посвященном обсуждению текста записки в адрес императора, Хомяков оказался, по сути дела, единственным, кто поддержал проект видного деятеля Д.Н. Шипова. Сама мысль составить записку пришла тому во время беседы с Хомяковым, так что Николай Алексеевич первым ознакомился с планом председателя Московской земской управы. В тексте, который предложил Шипов, указывалось: «Бюрократический строй, прикрываясь стремлением охранять самодержавие, но в действительности разобщая царя с народом, создает почву для проявления административного произвола и личного усмотрения. Такой порядок лишает общество необходимой уверенности в строгой охране законных прав всех и каждого и подрывает уважение к правительству». Для исправления недостатков существовавшей системы управления важно восстановить доверие общества к власти. Это возможно лишь при свободном и тесном общении самодержца и народа. Для достижения такого «общения» необходимо гарантировать свободу совести, мысли и слова, а также привлечь избранных представителей общественности к законотворческой деятельности.

Одни участники совещания (как Ф.Д. Самарин) сочли «шиповский проект» слишком радикальным; другие (например, С.Н. Трубецкой), наоборот – слишком умеренным. Третьи (П.Д. Долгоруков, Р.А. Писарев) готовы были принять предложенный текст лишь условно, как некий минимальный набор требований. И только Н.А. Хомяков целиком и полностью поддер-

жал проект. Он только пытался придать ему более определенное и деловое выражение, свести его к практическим предложениям.

Николай Алексеевич поддержал Д.Н. Шипова и в 1905 году. Тот, вопреки многим, критиковал символ веры правоверного демократа – прямые, всеобщие, равные, тайные выборы депутатов высшего законодательного собрания – и отстаивал иной принцип формирования Государственной думы: по его мнению, представительное учреждение России должно формироваться из членов земских собраний. Дмитрий Шипов и Николай Хомяков защищали эту позицию на съезде дворянских предводителей в апреле 1905 года. Они же стали инициаторами созыва съезда земских деятелей – противников прямых и всеобщих выборов в Государственную думу, отстаиваемых представителями радикального крыла русского либерализма.

Н.А. Хомяков отвергал любые крайности: радикализм в любой форме был для него неприемлем. Так, в январе 1905 года, на депутатском заседании московского дворянства, Хомяков, вместе с убежденными конституционалистами С.Н. Трубецким и Ф.Ф. Кокошкиным, выступал против ультраконсервативной партии, возглавляемой братьями Самаринскими. Партийный идеолог Ф.Д. Самарин категорически возражал против введения народного представительства: по его мнению, созыв даже Земского собора, обладающего лишь правом законосовещательного голоса, сыграет на руку революционным партиям. На этот раз Николаю Алексеевичу пришлось выступить в несвойственной для него роли оратора. Он страстно, пылко возражал против аргументов консервативного большинства и, как вспоминал сам Самарин, вызвал немалое сочувствие в зале. Пройдет некоторое время, и в марте 1905 года Хомяков, вместе с Д.Н. Шиповым, М.А. Стаховичем, В.И. Герье, П.Н. Трубецким, примет участие в составлении некоей политической «записки», против которой опять выступит Ф.Д. Самарин с соратниками. «Борьба с правительством кончена, нужна помощь царю» – утверждали авторы этого документа. Ради достижения единения общества и верховной власти нужно созвать законосовещательное народное представительство, Государственный земский собор.

По одному вопросу мнение Хомякова в корне расходилось с тем, что хором твердило либеральное земство: Николай Алексеевич не был сторонником введения мелкой земской единицы. Он соглашался, что земское здание «не достроено», что оно нуждается в фундаменте, которым должны стать органы местного самоуправления – волостное земство, в настоящее время отсутствующее. Однако, в отличие от многих своих коллег, он не одобрял всесословный характер подобного учреждения. Либералы радикального направления исходили из необходимости построения единого здания самоуправляющейся России, увенчанного всероссийским представительным собранием и имеющего своим фундаментом сельское и волостное земство. Такой подход подразумевал логично устроенную иерархическую структуру: всесословное уездное земство естественным образом формируется из представителей всесословного волостного, а всесословное губернское – из всесословного уездного и т. д. Это обозначало построение властной вертикали, альтернативной бюрократической иерархии. Иными словами, речь шла о коренной политической реформе, которая предполагала принципиально иную роль земства в системе управления.

Совсем иначе рассуждал Николай Хомяков. Для него земство – институт не политический, а в первую очередь хозяйственный. Соответственно, основная цель реорганизации земства – более точное представительство хозяйственных интересов в органах местного самоуправления, а вовсе не реализация политических амбиций некоторых деятелей. Поэтому в 1903 году он предложил министру внутренних дел В.К. Плеве образовать не мелкую земскую единицу, а крестьянское хозяйственное попечительство.

Для Хомякова земская деятельность не имела ничего общего с политикой, и, следовательно, политический принцип самоуправления народа не мог лечь в основание организации земства. Его структура должна определяться основной стоящей перед ним задачей, насущными хозяйственными вопросами. Земство призвано стать представительством хозяйствен-

ных, имущественных интересов, имевших место в данной губернии или уезде. Разговоры о всесословной волости, рассуждал Николай Алексеевич, лишь уводят в сторону от наиболее важного вопроса: крестьянские интересы в земстве в настоящее время не представлены. Дабы разрешить эту проблему, необходимо в принципе изменить способ формирования уездных земских собраний. Они должны формироваться из представителей городов, крупного землевладения и предполагаемых Хомяковым хозяйственных попечительств, объединяющих крестьянские хозяйства. Таким образом, вместо всесословной мелкой земской единицы необходимо ввести сословные, крестьянские хозяйственные попечительства.

Согласно проекту Н.А. Хомякова, хозяйственное попечительство – волостное объединение крестьян, основанное на принципе взаимопомощи. Первая его обязанность – организация семенного дела. Все остальные культурно-экономические мероприятия в деревне как раз вытекают из семенного дела, и с ним можно связать все отрасли крестьянского хозяйства. При этом попечительства будут ведать исключительно экономическими вопросами, тяготы же административного управления с крестьянского населения могут быть сняты. Так, например, выбор старшин следует предоставить земским собраниям; расходы на волостные суды и волостное управление примет на себя казна. Так что, по мнению Хомякова, введение крестьянских хозяйственных попечительств не только поспособствует более эффективному решению многих проблем сельского хозяйства, но и улучшит финансовое положение крестьянства.

«Думаю, что мною предложенная форма представительства от хозяйственных попечительств в корне изменит отношение населения к земским учреждениям и исправит их деятельность», – писал Николай Алексеевич Плеве. Действительно, в данном случае подразумевалась серьезная земская реформа. Причем, по сути дела, речь шла об утверждении сословного начала как одного из основополагающих принципов организации земских учреждений. «Хороший он малый, – писал Шипов о Хомякове, – но все еще не перебродила в нем барская закваска, и не может он хладнокровно и правильно отнестись к бессословной интеллигенции, и в своем проекте о хозяйственном попечительстве, который он, между прочим, подавал Плеве, он проектирует попечительства исключительно крестьянские, чтобы оградить крестьянство от влияния интеллигенции».

3 июня 1907 года II Дума была распущена, но Хомяков расстается с депутатским креслом всего на несколько месяцев. Уже осенью прошли выборы в следующую Думу; «Союз 17 октября» одержал уверенную победу, однако каким образом будут употреблены ее плоды, обществу оставалось неясным. В некоторой растерянности оказались и сами октябристы. С одной стороны, правые депутаты неоднократно выступали с заявлениями, что не имеют с октябристами принципиальных разногласий, и поэтому, скооперировавшись, им можно взять в Думе абсолютное большинство. Со своей стороны, многие кадеты считали октябристов политиками скорее либерального толка. А поскольку сам «Союз 17 октября» был формированием действительно весьма неоднородным, его руководству приходилось вести максимально гибкую политику, дабы избежать раскола в партийных рядах. Сама жизнь велела октябристам стать партией компромисса.

Первым актом Государственной думы, которая открывалась 1 ноября 1907 года, должно было стать избрание председателя. Не вызывало сомнений, что кандидатуру следует выдвигать октябристам. Казалось бы, прямая дорога в председатели была А.И. Гучкову: он не только являлся самым ярким партийным деятелем, но и обладал необходимыми лидерскими качествами. Однако сами октябристы не пожелали отпустить Гучкова с поста главы фракции. А дальше дал о себе знать дефицит кадров; правые, почувствовав слабость «центра», предложили своего кандидата – графа Бобринского. Слева звучало предложение сохранить преемственность и избрать председателем III Думы председателя предыдущей – кадета Ф.А. Головина. Вот в такой обстановке Гучков и предложил фракции поддержать кандидатуру Н.А. Хомякова.

Это вдруг устроило всех. Не только октябристов, но вообще всех – и левых, и правых. Пресса, еще накануне гадавшая на кофейной гуще, вдруг в одночасье заговорила о председательстве Хомякова как о деле, «не подлежащем уже почти сомнению». Небольшая загвоздка заключалась в том, что сам Николай Алексеевич решительно отказывался от такой чести. Однако после настойчивых уговоров он изменил свое решение. «Напишите читателям „Голоса Москвы“, – сказал он корреспонденту, – что Хомяков своих обещаний не держит. Не забудьте только прибавить, что согласился я идти на эти мучения не сразу – долго меня уговаривали, даже замучили совсем, право».

Мучили действительно долго. В своем интервью Хомяков с присущим ему юмором рассказал, как все происходило. «Вчера приехал ко мне Александр Иванович Гучков и битый час меня уговаривал. Господи, как он упрашивал, какие доводы приводил, то есть прямо соловьем разливался... И комплиментов мне, старику, наговорил, и из прошлой моей деятельности случаи председательствования припоминал, ну, словом, обошел меня совсем. Сегодня на конференции я долго упирался, говорил им, что и стар-то я, и памяти у меня никакой нету, и вспылчив я как порох, – уж чего только я не наговорил. А главное, парламентских тонкостей не понимаю и никаких наказов в глаза не видал. Так нет же! Говорят, назвался груздем, полезай в кузов! Ну вот и лезу, только не в кузов, а прямо в огонь! Попомните мое слово, что подведу я в Думе октябристов, ох, как подведу! Ведь кадеты так и норовят уличить нас в незнании парламентских обычаев. Все будут сидеть в Думе и меня подлавливать, у них ведь все специалисты по части наказа. Приходится теперь старику сидеть да учить наизусть наказ, а где его выучишь, когда в нем 900 статей, а памяти у меня – ни-ни...»

По поводу этого и подобных интервью высказался сам лидер фракции октябристов А.И. Гучков: «Напрасно только Николай Алексеевич со свойственной ему скромностью заявил интервьюерам, что он едва ли справится с тяжелой обязанностью председателя Государственной Думы. Напротив, у него твердый, решительный характер, авторитет его у всех высок, вне всяких сомнений. Я убежден, что на первых порах он своей корректностью сумеет снискать любовь и симпатию всей Думы».

Так почему Н.А. Хомяков оказался вдруг настолько незаменимым, что его пришлось так уговаривать? Хомяков – видный общественный деятель: этот тезис, казалось бы, не вызывает сомнений, учитывая солидный послужной список политика. Однако этот видный общественный деятель почти не открывал рта ни на земских съездах, ни во время предшествующих думских прений. Иначе говоря, мы имеем дело вовсе не с публичным человеком, который тем не менее пользовался неизменной популярностью и любовью. Например, когда на земском съезде в мае 1905 года встал вопрос о составе делегации для преподнесения адреса императору, участники совещания голосуют в том числе и за молчаливого Николая Алексеевича. Его неизменно выбирали членом ЦК «Союза 17 октября». Правые и умеренные депутаты II Думы, обсуждая возможные кандидатуры на пост председателя, сразу же вспомнили фамилию Хомякова. А III Дума уже практически единогласно решила, что лучшего председателя, чем Николай Алексеевич, не найти. Такое отношение можно, конечно, объяснить веселым, добродушным характером нашего героя. Однако в этом есть только доля истины.

Н.Н. Чебышев отмечал, что Хомяков, будучи смоленским губернским предводителем дворянства, «с неподражаемым мастерством вел земские и дворянские собрания... Он был прирожденный руководитель больших собраний. Для этого он был наделен всеми данными: самообладанием, пониманием толпы, даром быстро схватывать и с ясной сжатостью излагать суть вопроса, педагогической властью». Разгадка этого феномена кроется, видимо, в том числе и в полном отсутствии у Николая Алексеевича личных амбиций. Декоративная, по выражению лидера кадетов П.Н. Милюкова, фигура нового председателя никому не дала почувствовать себя обделенным. Он казался «наиболее достойным, зараз и либеральным, и покладистым кандидатом».

Этого человека все знали, он всем нравился, никто не мог сказать о нем ничего дурного. Находка А.И. Гучкова оказалась гениальной. Когда он предложил эту кандидатуру, никто и не подумал возразить. Все понимали: Хомяков честно исполнит свои обязанности; умный, образованный и культурный человек без каких-либо карьерных устремлений, он будет справедливым и независимым председателем и постарается обеспечить спокойную конструктивную работу. По словам Чебышева, у Хомякова «было свойство внушать к себе глубокое доверие. Он был авторитетен своим политическим бескорытием и нелицеприятием, невольно покорявшим даже самых строптивых думских крикунов». Консолидации вокруг себя способствовал и сам Николай Алексеевич, раздававший перед открытием Думы очень точные и взвешенные интервью.

31 октября 1907 года, накануне открытия Думы, кадетская газета «Речь» опубликовала беседу с Хомяковым. Первым делом он подтвердил отсутствие у него любых связанных с предстоящим избранием амбиций. «Я не чувствую себя подготовленным к столь тяжелой и ответственной задаче, как руководство Думой. У меня и памяти такой нет, которая нужна, и опыта нет, и знакомства с процедурой мало, и я совершенно искренне отказывался от предложенной мне роли. Но раз это, по мнению моей партии, необходимо, я подчиняюсь и не устранию себя от обязанностей». И сразу же – о том, как все-таки с этой работой справиться. «Роль председателя с формальной ее стороны довольно точно регламентирована. Что касается существа, то я считаю безусловной и первой обязанностью председателя быть выше партий и абсолютно беспристрастным. Самую широкую свободу слова он должен ограничивать, во-первых, пределами обсуждаемого вопроса, не допуская никоим образом ни малейшего отклонения от него, и, во-вторых, строгой парламентарностью выражения. Всякие некорректности должны быть тщательно устраняемы, т. к. они обостряют отношения между депутатами, затемняют дело и удлиняют прения. Ни крайние левые, ни крайние правые не должны быть допущены к философским рассуждениям и спорам, может быть, и пикантным, и в домашней жизни интересным, но в законодательном учреждении неуместным по своей бесплодности... Скандалов в 3-й Думе быть не должно. Я думаю, что члены Думы будут добросовестно заниматься делом».

Корреспондент спросил также, верит ли Хомяков в образование думского конституционного большинства. «Я убежден, что в Думе окажется большое конституционное большинство. Сами правые говорят, что среди них антиконституционалистов немного. Я лично не хочу ни отрицать, ни подтверждать этого, но так они говорят... Я думаю, что в конституционный центр войдут и кадеты, и мирнообновленцы, и октябристы, и даже часть правых, которых от октябристов, в сущности, отделяет только вопрос еврейского равноправия. Атак как при этом они не отрицают необходимости облегчения еврейского положения, а некоторые стоят даже за отмену черты оседлости, то постепенно с ними сговорятся. И в Думе образуются три естественные группы: левая, центр и правая. Центр будет объединен, на первом плане, строгим признанием законодательных прав Думы и стремлением к мирному и без резких скачков реформированию русской жизни». Отметив, что «единственное средство вывести страну из ее положения – это взяться за карандаш и работать», Хомяков сформулировал первоочередные задачи Думы: «Рассмотрение бюджета во что бы то ни стало, и затем пересмотр всех законов последних лет с их хитросплетенным разнообразием. Тут и аграрные законы по 87 ст., и временные законы о свободах. При такой путанице остаться нельзя, и это нужно сделать возможно скорее».

Разумеется, подобные высказывания формировали в обществе доверительное отношение к Хомякову. Хорошо понимая роль прессы, он относился к ней весьма благожелательно, никогда не отказывал в интервью, стремился улучшить условия работы журналистов в Государственной думе (поначалу их просто не пускали в зал, и статьи писались исключительно на основании слухов). Газетчики отвечали ему взаимностью; только одиозные издания вроде издаваемого князем Мещерским крайне правого «Гражданина» позволяли себе нападки.

Первое заседание палаты прошло без срывов, председателя избрали практически единогласно (371 голос за, 9 – против), после чего ему предстояло выступить с трибуны. «Вам угодно было, господа, – сказал он, – возложить на меня обязанности Председателя Государственной Думы. Я не должен отказываться от этой великой чести несмотря на то, что чувствую свое бессилие и недостаточные знания, недостаточный опыт. Я выхожу на это дело с недоверием в себя, но я должен принять ваш приговор, ибо я взошел сюда на эту кафедру с другой верой, верой в светлую будущность великой, неделимой, нераздельной России, с верой, с непоколебимой верой в ее Думу, с верой в вас, господа. Я верю, нет, я знаю наверное, вы все пришли сюда для того, чтобы исполнить ваш долг перед государством. Вы пришли сюда, чтобы умиротворить Россию, покончив вражду и злобы партийные; вы пришли сюда, чтобы утратить язвы исстрадавшейся родины, осуществив на деле державную волю царя, зовущего к себе избранных от народа людей, чтобы выполнить тяжелую, ответственную государственную работу на почве законодательного государственного строительства. Бог вам в помощь, господа».

Хомяков остался верен своим правилам: речь получилась вполне компромиссной и задеть никого не могла. Либеральная пресса, правда, была разочарована. «Русские ведомости» с недоумением отмечали «странный характер речи нового председателя – отсутствие в ней хотя бы слабых указаний на волнующую всех злобу дня». «Речь» высказалась более жестко: «Вся его речь явилась отражением партийной вражды и злобы, и притом узкопартийным... Он говорил о новом государственном строе России в терминах более неопределенных, чем термины г. Голубева (государственный секретарь, открывавший Думу. – Авт.), и под его речью прекрасно мог бы подписаться... г. Пуришкевич». Видимо, предыдущие выступления Николая Алексеевича в прессе все-таки внушили кадетам некоторые иллюзии. От него, вероятно, ждали повторения слов о том, что монархия не является неограниченной, когда ни один закон не может воспринять силу без одобрения Государственной думы, и т. д.

Эту вступительную речь прокомментировал в интервью «Голосу Москвы» 3 ноября 1907 года и лидер октябристов А.И. Гучков. «Почему Хомяков в речи, произнесенной в день открытия, ни разу не упомянул о конституции? Да потому, что у нас было так заранее обусловлено. Ни раздражать, ни махать красными тряпками мы не будем. Точно так же поступили бы и правые, если бы председатель случайно был избран из их среды... Ведь это была не программная речь, а приветствие депутатам».

Известно, что Гучков в те дни серьезно хотел блокироваться с думскими правыми, иногда не ставя в известность Хомякова. При этом он говорил: «Николай Алексеевич, я в этом убежден, никогда не даст в обиду думского меньшинства, которым являются кадеты и крайние левые, но всегда постарается примирить их с депутатским большинством». А Хомяков был искренне настроен на серьезную конструктивную работу; необходимость октябристам с первых дней вступать в союз с правыми, оставляя кадетов в меньшинстве, казалась ему далеко не очевидной. Однако проблемы стали возникать уже с самого начала. Вслед за председателем необходимо было избрать двух его товарищей (заместителей) и секретаря Думы. Хомяков просил занять пост товарища председателя кадета В.А. Маклакова. Едва ли это диктовалось желанием видеть в президиуме представителей всех ведущих партий (то, что второй товарищ председателя будет правым, сомнений не вызывало). Дело в том, что Маклаков являлся автором Наказа (регламента) Государственной думы и лучше других разбирался во всех тонкостях парламентской процедуры. Сознывая свою неопытность, Николай Алексеевич хотел видеть рядом именно такого человека. Накануне выборов он даже обратился в бюро фракции октябристов с письмом, где «горячо настаивал» на кандидатуре Маклакова. Ходили слухи, что в противном случае он угрожал своей отставкой. Однако октябристы в первый, но далеко не в последний раз за время работы III Думы вступили в сговор с правыми, и кадеты остались без мест в президиуме.

Слухи же о возможной отставке только что избранного председателя взялся развеять А.И. Гучков. «Ну разумеется, – сказал он в интервью «Голосу Москвы», – все эти слухи

лишены всякого основания. Николай Алексеевич Хомяков слишком желанный человек для всей Думы, чтобы он мог отказаться от почетного председательского кресла... Избрание Хомякова для России очень важно. При условии долговечности Третьей Думы – а это можно считать вполне обеспеченным – председателю придется очень часто ездить во дворец, – очень важно поэтому, чтобы председателем был человек, угодный при дворе и независимый, с определенной физиономией и прекрасным прошлым, а Николай Алексеевич именно такой человек; с ним в придворных кругах считаются, и очень серьезно». Похоже, не протолкни Гучков в председатели Хомякова, фракция октябристов развалилась бы с самого начала. В ней вполне реально существовало левое крыло, выступавшее против любых блоков с правыми. Фигура председателя консолидировала не только Думу, но и октябристскую фракцию.

В III Думе Хомяков с речами практически не выступал, исполняя исключительно председательские функции. На этом поприще он стал одним из главных действующих лиц большого конфуза, случившегося весной 1908 года. 24 апреля в Думе, в присутствии министра финансов В.Н. Коковцова, обсуждался вопрос о причинах убыточности отечественных железных дорог. Возникла идея, сформулированная П.Н. Милюковым так: «Мы считаем необходимым образовать парламентскую комиссию по расследованию причин убыточности нашего казенного железнодорожного хозяйства». Коковцов отреагировал: «У нас, слава Богу, нет еще парламента». Реплика не вызвала сверхбурной реакции, но на следующий день депутаты пожелали ее обсудить. Хомяков воспротивился: «Мы не можем ставить как отдельный вопрос обсуждение неудачно сказанных кем бы то ни было слов. Как председатель я не имел никакой возможности остановить министра финансов, когда он сказал свое неудачное выражение; я не имел возможности и не имел даже права, но я считаю, что я имею возможность, имею и обязанность не допускать обсуждения этих слов в дальнейшем».

Это высказывание тоже никого особенно не затронуло – никого, кроме председателя Совета министров П.А. Столыпина. Как вспоминал В.Н. Коковцов, тот встретился с Хомяковым и заявил ему, что это выступление его, Столыпина, «крайне удивило и ставит перед ним даже вопрос о том, как быть министрам, если председатели Думы начнут награждать министров различными эпитетами за произносимые ими речи вместо того, чтобы предоставить Думе в лице ее членов возражать им по существу, и будут делать это еще в присутствии министров; что перед ним стоит даже вопрос о том, согласится ли министр финансов являться в Думу после такого инцидента, а если не согласится, то он, Столыпин, отнюдь не станет уговаривать его, вполне понимая, что и сам он поступил бы точно так же, и тогда встанет во весь рост вопрос о таком конфликте между Думой и Правительством, который просто не знаешь, как разрешить».

При этом Коковцов на момент разговора Столыпина с Хомяковым об инциденте даже не знал. А узнав, махнул на него рукой, сказав, что раздувать его не намерен и вообще считает слова «слава Богу» в своей реплике ошибочными (Столыпин же, наоборот, сказал, что это очень правильно: парламента действительно нет, и слава Богу, что нет). В свою очередь, Хомяков заявил Столыпину, что ему и в голову не приходило обидеть Коковцова: если бы «Владимир Николаевич подал в отставку из-за этого неосторожного шага, то я и сам тотчас же уйду из председателей». Хомяков сначала не понял, в чем состоял его проступок, и думал, что поступил чрезвычайно умно, не позволив депутатам говорить на скользкую тему и предложив простой выход из возникшего инцидента. Однако после беседы со Столыпиным пообещал, что завтра же в Думе возьмет свои слова назад. «Ведь так, пожалуй, по моим стопам члены Думы начнут подносить в своей критике и почине эпитеты, а кто же запретит министрам отвечать на них и в еще более повышенном тоне, от верхнего до диеза, и тогда действительно придется святых выносить из залы».

«Наш милейший Хомяков заварил кашу, пусть он ее и расхлебывает», – сказал Столыпин. 26 апреля 1908 года, председатель Государственной думы, открывая заседание, заявил:

«Я вполне сознаю, что поступил некорректно в смысле формальном по отношению к министру, речь которого я квалифицировал, некорректно по отношению к членам Государственной Думы, не допустив их обсуждать слова министра после речи графа Уварова, когда они могли желать высказать свое мнение... Но, господа, я должен сказать, что, кроме наказа, кроме письменных регламентов, я знаю еще другой регламент – это моя совесть. Я считаю, что если предомной в Государственной Думе от кого бы то ни было, будь то от правительства или будь то от кого-либо из членов Государственной Думы, падет искра, от которой может вспыхнуть пожар, я считаю своим долгом, вопреки регламенту, эту искру потушить. Если мне удалось это сделать, я не могу об этом забывать и до последних дней моей жизни буду вспоминать об этом с удовольствием, а не с раскаянием».

Инцидент, таким образом, ко всеобщему удовольствию был исчерпан. Однако здесь проявилось то качество Хомякова, о котором впоследствии писал П.Н. Милюков, – умение «обволакивать ватой трагические ситуации». «На него никто не мог сердиться, но линию свою он, тем не менее, вел». Николай Алексеевич извинился за формальную бестактность, но слов своих обратно взять и не подумал. А Коковцова потом еще долго спрашивали, есть ли в России парламент или – слава Богу – нет.

Эта реальная двойственность ситуации проявилась, когда в 1909 году русских депутатов пригласили в Англию. Приглашение было направлено не британским парламентом, а частным лицом, профессором Пэрсом. В делегацию вошли четырнадцать думцев и четыре члена Государственного совета. Возглавил ее Хомяков – как человек, которого, по словам П.Н. Милюкова, «не стыдно было показать Европе». Несмотря на неофициальный характер поездки, состоялись встречи российской делегации и с королем, и с наиболее видными членами парламента. Некоторая проблема возникла, когда группа английских рабочих возмущенно потребовала нигде членов делегации не принимать, поскольку они представляют страну, где рабочих угнетают. Фракция лейбористов в парламенте заявила в связи с этим протест против пребывания делегации в стране. Наши соотечественники, вынужденные как-то реагировать, составили ответ, квинтэссенция которого состояла в том, что царь и народ в России едины. Милюков, который тоже находился в Англии, очень не хотел подписывать такую бумагу. В результате Хомяков взял ответственность на себя и подписал ее один как глава делегации. Это позволило россиянам уехать обратно, сохранив достоинство.

Осенью 1909 года Николай Алексеевич предложил всем, кто ездил в Англию, отправить профессору Пэрсу какой-нибудь подарок. Процесс затянулся; в архиве на этот счет сохранились любопытные документы. Дважды члены делегации собирались у Хомякова, обсуждали, что дарить. 30 октября секретарь председателя Думы Алексеев направляет записку думскому казначею: «Председатель Государственной Думы просит Вас при ближайшей выдаче членам Государственной Думы довольствия удержать с членов Думы, поименованных в приложенном к сему списке, по пятидесяти рублей. Удержанную сумму 700 рублей Председатель Государственной Думы просит доставить ему». Эта записка интересна с двух сторон. Во-первых, поучительно уже то, что депутаты собирались приобрести подарок за свой счет. Сегодня такой подход представляется несколько менее вероятным даже с учетом того, что делегация была неофициальной. Во-вторых, любопытна просьба удержать из довольствия деньги и доставить их председателю. Это характеризует высокий уровень взаимного доверия в хомяковской Думе. Деньги собирались пустить на покупку серебряной братины со стаканчиками и размещение на них автографов членов Государственных думы и совета. Работу поручили фирме Фаберже. Средств, правда, не хватило, потом пришлось собирать еще.

Забавная коллизия возникла и в июле 1910 года, когда Пэре прислал в ответ восемнадцать альбомов. Поскольку он сделал это при посредстве российского посольства в Лондоне, альбомы пришли в Министерство иностранных дел. Оттуда их переслали в канцелярию Государственной думы с просьбой вернуть и руб. 45 коп., израсходованные артельщиком

министерства при получении посылки на таможне. Канцелярия не могла решить этот вопрос без председателя, которым был уже Гучков, к тому же отсутствовавший в городе. Вопрос повис. Несчастный мидовский артельщик, для которого эта сумма представлялась значительной, видимо, сильно теребил свое начальство. В сентябре из министерства в Думу приходит второе письмо. Председатель велел собрать требуемую сумму со всех участников поездки, разделив ее поровну (получилось по 68 коп.). Занимались этим почти месяц; получить взнос с каждого так и не смогли, но деньги все-таки отправили.

Все это говорит о том, что думская бюрократия была такой же, как и повсюду в России. Дела продвигались долго и неэффективно. Разумеется, Н.А. Хомяков не мог избежать соприкосновений со столь нелюбимым им «мертвым канцелярским делом». С другой стороны, политическая составляющая деятельности Думы к 1910 году приобретала все более обостренный характер. В этой ситуации председатель не чувствовал ничьей поддержки. Я.В. Глинка писал: «Сохраняя беспристрастность на кафедре, Хомяков не верил в поддержку в нужные моменты председателя своей фракцией во главе с ее лидером Гучковым... Остроумный, он был чужд всяких интриг, прямодушен и совершенно не способен к борьбе. Его возмущала и политика своей партии, и неестественный блок с партией Маркова 2-го и Пуришкевича... То, что октябристы не только не поддерживали, но даже топили Хомякова, это несомненно. Правые, ведя систематическую травлю Хомякова, всегда находили поддержку в известной части центра».

Неважно обстояли дела и в Думе в целом. Николай Алексеевич не раз указывал на отсутствие у самих думцев веры в плодотворность их деятельности. Бесконечные споры о том, есть ли в России самодержавие или нет, ему прекратить так и не удалось. Он неоднократно призывал общество посмотреть на этот вопрос с практической точки зрения: «Споры о неограниченности или ограниченности власти монарха, о конституции или самодержавии, мне, признаться, кажутся игрой слов... С моей точки зрения, этот вопрос тесно связан с вопросом о Думе. Будет Дума авторитетна – у нас самодержавия не будет. Дума не будет авторитетна, народ не увидит в ней пользы для себя – и самодержавие окрепнет». Для поднятия думского авторитета председатель призывал депутатов «работать, работать и работать». Тщетно.

Сложно складывались отношения у Хомякова с товарищами председателя – князем Волконским и заменившим Мейендорфа Шидловским. Я.В. Глинка, который, можно сказать, жил на этой «кухне», вспоминал, что его «неприятно поражало всегда желание Волконского затереть Хомякова. Во все выдающиеся моменты он старался выдвинуть свою фигуру. Он закрывал сессию и объявлял указ о возобновлении ее. Он председательствовал, когда проходили крупные законопроекты, он же вел заседания по общим прениям по бюджету. Но лишь только он чувствовал, что может произойти скандал, он уступал место Хомякову. Это право, присвоенное им себе в распределении председательствования, ему казалось настолько естественным, что однажды... мне пришлось быть свидетелем такой сценки. Волконский с Шидловским распределяли между собой дни председательствования на предстоящую неделю. Оказалось, что для Хомякова не было места. Стоявший тут же Николай Алексеевич сердито сказал: „А когда же я буду председательствовать?“... Через час я узнаю, что Хомяков вечером уезжает к себе в имение».

Николая Алексеевича сильно беспокоили препятствия, возникавшие в Государственном совете при прохождении принятых Думой законопроектов. Он пытался докладывать об этом императору, но прекрасно известно, насколько ненадежной опорой был Николай II. Думского председателя выводило из равновесия небрежное отношение к Думе правительства; в 1910 году он уже не мог без раздражения произносить фамилию Столыпин.

Кстати, как самого Столыпина, так и действия возглавляемого им правительства Хомяков изредка позволял себе публично критиковать. Он был единственным среди октябристов противником аграрной реформы по Столыпину, имел свой взгляд на русскую деревню и не собирался его скрывать. В 1909 году Николай Алексеевич резко критиковал политику мас-

совых казней участников крестьянских волнений 1904–1905 годов, политику, которую С.Ю. Витте в своих мемуарах называл «игрой виселицами и убийствами под вывеской полевых судов». В интервью «Речи» 16 сентября 1909 года он говорил: «Совершенно не понимаю, кому нужны все эти казни?.. Точно довешивают! Прошло уже 5 лет, как были совершены многие из тех преступлений, за которые теперь казнят... Я не думаю, чтобы казни дали особое удовольствие и тем, кто вешает. И главное, пользы от них нет никакой. К чему же это нужно?»

В общем, Хомяков оказался в одиночестве, в котором на самом деле и пребывал с момента избрания. До поры до времени он устраивал всех, однако безоговорочной поддержки не имел ни у кого. Его фактически выживали из председателей. Этот процесс достиг кульминации в начале марта 1910 года. На заседании второго числа Милюков произнес большую речь о внешней политике в связи с докладом министра иностранных дел о новых штатах министерства. Содокладчик от бюджетной комиссии член Думы Крупенский сказал, что невозможно оппонировать Милюкову по этому вопросу, так как сам министр тему внешней политики не затрагивал, и вообще существует статья 12 Основных законов: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений».

Хомяков ответил Крупенскому: «Я должен сделать... замечание. Направлять прения, останавливать ораторов и не допускать ораторов говорить то, что по закону им не предоставлено, возложено на Председателя Государственной Думы. *(Рукоплескания слева и в центре.)* Я глубоко убежден, что Государственная Дума сознательно избирала своих председательствующих. Я думаю, что выбранные вами председательствующие не хуже каждого из членов Думы знают ст. 12 Основных Законов, и всякий председательствующий не допустит в этой зале ни единого движения вопреки этой статье. Ни единое постановление, ни единое пожелание, ни единый переход, указывающий на направление политики, здесь допущены не будут, ибо это есть прерогатива монарха, которой никто здесь оспаривать не смеет. Ни единого слова в этом направлении не было сказано, поэтому председательствующий ни разу не остановил оратора, а остановил докладчика».

Известный своей скандальностью деятель из числа правых В.М. Пуришкевич также произнес речь на тему международной политики, в которой вопрошал, с какой стати советник посольства в Италии Крупенский (однофамилец члена Думы) назначен посланником в Христианию (нынешний Осло). Хомяков Пуришкевича остановил, отметив: «Посланники назначаются Государем Императором в качестве его представителей, почему я покорнейше прошу Вас этого не касаться... Государь Император знает, кого назначить, и никто ему в этом указаний давать не может, тем более с этой кафедры».

Здесь Николай Алексеевич ошибся. По существовавшему праву представителями императора являлись послы, посланники же были представителями правительства. Это дало повод пятидесяти трем правым депутатам заявить протест. «Господин Председатель Государственной Думы, неоднократно обнаруживавший явно пристрастное отношение при произнесении речей ораторами разных партий, нарушил все общепринятые правила руководства собранием. Он не только превратным толкованием Основного Закона покрыл совершенно незаконное выступление оратора „оппозиции“... Милюкова, но и проявил недопустимую нетерпимость к вполне законным выступлениям оратора правых... Пуришкевича... Лишь несокрушимая энергия г. Председателя, не допускающего никакого обсуждения его изречений, не позволила оратору выяснить как незнакомство г. Председателя с общеизвестными нормами международного права, так и превратное толкование им действующих законов».

На следующий день, 3 марта, Хомякову пришлось вступить в конфликт не только с правыми, но и с левыми. Заседание прошло бурно. В Думу приехал министр народного просвещения Шварц. Поскольку его выступление не закончилось вовремя, кадеты потребовали объявить перерыв и отложить выступление. Так как председатель повел себя несколько нерешительно,

многие кадеты вышли к трибуне и стали громко требовать перерыва во имя уважения министерства к Думе. Хомяков объявил перерыв, министр обиделся и уехал.

После перерыва обсуждение проблем образования продолжилось. Пуришкевич допустил очередную гнусную выходку, сказав, что среди совета старост Санкт-Петербургского университета есть женщина, которая «находится в близких физических сношениях со всеми членами совета». На кадетских скамьях поднялся шум, послышались выкрики: «Негодяй! Вон!» Хомяков с председательского кресла заявил, что «на совести того, кто говорит, лежит ответственность за сказанное». П.Н. Милюков высказался с места: «Бесполезно взывать к совести Пуришкевича!» После этого Дума превратилась в базар. Справа кричали: «Вон Милюкова, вон Милюкова!» Председатель взывал: «Вы не должны допускать безобразий». «Это Вы не должны допускать безобразий», – парировал Милюков. Хомяков в ответ заметил: «Со скамьи перебраниваться с Председателем Вы права не имеете. Вы запишитесь, а сейчас Вы слова не получите... Я останавливаю того, кого считаю нужным, и указки Вашей не требую». «Вы допускаете безобразия», – настаивал Милюков. В обстановке всеобщего крика объявили перерыв.

После перерыва Николай Алексеевич сделал заявление. «Я просмотрел стенограмму последних минут прошлого заседания и усмотрел, что член

Государственной Думы Пуришкевич позволил себе совершенно недопустимые слова в собрании, которое сколько-нибудь уважается говорящим. Он позволил себе оскорбить, хотя и анонимно, женщину в выражениях самой невозможной формы. Это вызвало то естественное негодование, которое проявилось в стенах Государственной Думы. Ввиду этого я считаю невозможным допустить члена Государственной Думы Пуришкевича продолжать свою речь. Но тем не менее, несмотря на то что случилось, я не могу не сказать, что члены Государственной Думы позволили себе совершенно невозможное отношение к инциденту и к Председателю. Во главе этого шума, этих криков, к сожалению, стоял лидер одной из больших фракций. Два раза мною было сделано замечание члену Государственной Думы Милюкову, который, несмотря на мои замечания, продолжал вести себя не так, как надлежит вести себя члену Государственной Думы. Поэтому я ставлю ему на вид самым серьезнейшим образом, что такое действие недопустимо и, скажу, постыдно со стороны человека, который должен бы уважать Государственную Думу».

Это заявление опять вызвало шум в зале. Милюков кричал: «Я против этого протестую, „постыдно“ – нельзя говорить», справа раздавались голоса: «Исключить Милюкова, исключить Милюкова». Заседание все-таки продолжилось, но стало последним для Хомякова как председателя Государственной думы: правые подали протест по поводу объявления перерыва по требованию кадетов. В нем отмечалось, что «неумелое несение г. Председателем его ответственных обязанностей причиняет постоянный вред ходу деловых занятий Государственной Думы и осложняет положение дел, внося пристрастие и произвол».

По окончании заседания Хомяков имел разговор с П.А. Столыпиным, который высказал серьезные претензии в связи с инцидентом, когда министру Шварцу не дали говорить. Это, видимо, стало последней каплей. В конце разговора Хомяков сообщил Столыпину, что он больше не председатель и со всеми дальнейшими вопросами надлежит обращаться к В.М. Волконскому – товарищу председателя Государственной думы. Волконскому Николай Алексеевич тут же направил письмо: «Милостивый государь князь Владимир Михайлович. Не считая для себя возможным далее нести обязанности Председателя, покорно прошу Вас доложить о сем в ближайшем заседании. Сегодня мною будет сделано то же заявление в собрании Старейших».

4 марта, в восемь часов вечера, руководители фракций собрались на обычное заседание. Хомяков, против обыкновения, опаздывал. Войдя, он объявил о своем решении, заверил, что оно непоколебимо, и уведомил собравшихся, что скоро приедет товарищ председателя Шидловский, который и будет вести заседание.

Политическая нейтральность, ненадуманная внепартийность этого деятеля способствовали его избранию – правда, скорее не по положительным мотивам, а больше потому, что никто не был особенно против; но беда в том, что никто также не был особенно за. Мы склонны согласиться с Н.Н. Львовым: человек без предубеждений, Хомяков, «когда нужно было сблизить правительство с обществом, умело ввел Государственную Думу из безбрежного разлива в русло законодательной работы... Государственная Дума превратилась из революционного очага в жизненный орган государства». Действительно, здесь заслуга думского председателя неоспорима.

Однако, практически единогласно избрав Хомякова, и левые, и правые на самом деле рассчитывали, что смогут преодолеть его добродушную нейтральность, сделав более лояльным к себе, нежели к другим. На его полное послушание небезосновательно полагалось и правительство. Когда же Хомяков стал честно и непредвзято делать свою работу, все начали нервничать – в Думе стало слишком жарко. Н.Н. Чебышев писал, что «эта нейтральность отмежевывала от него барьером низы форума». Не выдержав нападков со всех сторон, Николай Алексеевич махнул на все рукой и уехал в Сычевку.

Он ушел, как ни уговаривали его остаться. Председателем избрали А.И. Гучкова, и фракция октябристов начала разваливаться. Правое и левое ее крылья все более обособлялись. Когда и Гучкову через год пришлось уйти с поста председателя, необратимость процесса стала очевидной. Фракция октябристов и прежде была не слишком крепкой, но единство ее сохранялось как благодаря Гучкову на посту главы фракции, так и благодаря тому, что в председательском кресле сидел Хомяков, который старался не допускать конфликтов в Думе в целом. Конечно, не следует забывать и о том, что людей, называвших себя октябристами и придерживавшихся центристских взглядов, в некоторой степени консолидировали фигура и идеи П.А. Столыпина. К 1911 году ничего этого, как видим, не осталось. Хомяков и Гучков покинули свои должности; увлечение общества Столыпиным прошло еще до его убийства в сентябре 1911 года.

Разумеется, культурных и порядочных людей, которых во фракции октябристов было немало, не могли не возмущать противоестественные блокировки с правыми во имя каких-то тактических целей. То, что правые изо всех сил тащат страну назад, было очевидно многим, в том числе и Хомякову. Еще в 1909 году ему стало окончательно ясно, что, «в сущности, им и делать больше нечего, как скандалить и вызывать в Думе скандалы». Поэтому, когда на пост председателя Думы вместо Гучкова фракция после бурных дебатов избрала крайне правого октябриста М.В. Родзянко, пять членов бюро фракции, включая Хомякова, заявили о своем выходе из этого бюро. В 1911 году октябристы фактически распались. 6 мая Николай Алексеевич заявил: «То, что часть членов фракции не посещает ее заседаний, – конечно, плохо. Но еще хуже, когда во время заседаний ряд членов сидит в соседней комнате и играет в карты».

В лице Н.А. Хомякова мы видим пример исключительно честного отношения к делу. Он вовсе не лукавил, когда говорил о своей нелюбви к политике и о том, что так бы и просидел весь свой век в деревне. По словам П.Н. Милюкова, «к политической кухне Хомяков питал совершенно явное отвращение, и только его ленивая пассивность допускала введение его в фальшивые положения». Он не рвался ни в Думу, ни в ее председатели, у него все получалось как бы само собой, а он просто плыл по течению, пока это позволяли его представления о чести. Но, взявшись за дело, Николай Алексеевич делал его честно и до тех пор, пока оставались силы. Именно поэтому, отчетливо понимая всю пагубность союза с правыми, он фактически возглавил левое крыло октябристов; речь шла даже о создании отдельной фракции. На октябристском банкете по поводу завершения работы III Думы Николай Алексеевич предложил своим единомышленникам собраться на другой день отдельно. Сбор состоялся, и там, по свидетельствам его участников, все ругали Гучкова за компромиссы. Большая личная трагедия Хомякова состоит в том, что он, по-видимому, поначалу искренне верил в возможность

достигнуть общественного согласия путем компромиссов во имя совместной конструктивной работы на благо страны. Но общество уже настолько раскололось, что ничего поделать было нельзя. И это уже трагедия не только Хомякова, это трагедия России.

Николай Алексеевич был избран и в последнюю, IV Государственную думу. Правда, к этому времени он, очевидно, потерял всякий интерес к политической деятельности, уже прекрасно понимая обреченность старой России со всеми ее политическими институтами. На вопрос газетчика, не является ли некий последний шаг правительства симптомом трансформации его политики, Хомяков ответил: «Вся наша беда в том, что мы живем без всяких симптомов, изо дня в день. Это единственный и самый скверный симптом». Поэтому в Думе депутат бывал редко, основное время проводя в Сычевке. Его личное дело, хранящееся в архиве, сохранило много записок на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко с просьбой об отпуске.

Хомяков не порывал связей с обществом Красного Креста. С началом Первой мировой он, будучи депутатом, возглавил Красный Крест в 8-й армии, а его дочь Мария Николаевна стала во главе санитарного отряда Государственной думы. Гуманистическая миссия, которую Николай Алексеевич исполнял на фронте, прельщала его куда более депутатской деятельностью. Он сидел в 8-й армии безвылазно и писал оттуда Родзянко, что если его постоянное отсутствие в Думе недопустимо, то он готов сложить с себя полномочия ее члена.

После революции Н.А. Хомяков оказался в Яссах, где командование Юго-Западного фронта русской армии в конце 1917 года совещалось о дальнейших действиях с представителями стран Антанты. Там же присутствовал и П.Н. Милюков. Он вспоминал, что «Хомяков опять молчал, но, сколько помнится, не шутил больше. Он был какой-то осевший и присмиривший». И все же продолжал службу по линии Красного Креста. Во время Гражданской войны Николай Алексеевич – главноуполномоченный при армиях Южного фронта и член Временного управления Российского общества Красного Креста.

Последние остатки белой армии под командованием Врангеля были организованно вывезены из Крыма в 1920 году в Стамбул. Очень вероятно, что именно тогда и Хомяков покинул Россию. Из Стамбула беженцев старались распределить по другим странам. Так, 29 ноября 1920 года в город Дубровник, ныне находящийся на территории Хорватии, а тогда входивший в составе последней в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, прибыл пароход «Сегет». На его борту находились 2475 россиян; представляется весьма вероятным, что в их числе был и Хомяков.

Большинство эмигрантов из Дубровника разъехались, Николай Алексеевич обосновался там. Почти сразу же умерла его жена, с отцом остались дочери. Внушительной русской общины в городе не было, русской церкви тоже, православная служба шла в сербском храме. Хомяков, остававшийся верным выбранному делу, занимал должность «председателя Российского общества Красного Креста в Дубровнике». Он, как мог, сторонился эмигрантского общества. В статье, посвященной 75-летию Хомякова и опубликованной 1 февраля 1925 года в белградском «Новом времени», Н.Н. Чебышев писал: «Мы живо ценим, что он с нами, что он в хаосе уцелел, и, приветствуя юбиляра, просим нас простить, что, быть может, нашим приветствием нарушили его сокровенные желания».

Про Хомякова ходили разные слухи. Например, видному в свое время кадету Н.Н. Львову говорили, будто «Николай Алексеевич очень постарел и ожесточился». Однако, встретив его в 1924 году на русской пасхальной службе в городе Земуне, Львов «увидел в нем того же Николая Алексеевича, каким его знал. Такая же светлая голова, никакой ожесточенности. Горечи, да, много горечи было в его словах, но никакой озлобленности».

28 июня 1925 года Н.А. Хомяков скончался в Дубровнике после продолжительной болезни. И тут многие осознали, что это был не просто добродушный и симпатичный весельчак, не просто ленивый помещик. «В нашем общественном движении, – писал Н.Н. Чебышев, –

так печально завершившемся, он стоит особняком, одиноким, бессильным, обреченным на созерцание наблюдателем, ясно сознававшим ослепление обеих сторон, правителей и революционной общественности, сотрясавших соединенными усилиями над собственными головами зыбкую кровлю государства в то время, когда перед Россией открывались необозримые экономические и культурные перспективы». «Нам нужно знать, – добавлял Н.Н. Львов, – наших лучших русских людей, нужно учиться у них любить и продолжать любить Россию».

P.S. Н.А. Хомякова, скончавшегося 28 июня 1925 года в хорватском городке Рагузе (Дубровнике), похоронили на местном православном кладбище. Мне, с помощью друзей из дубровницкой православной общины, удалось разыскать его могилу. Известно, что Дубровник оказался в эпицентре недавней гражданской войны в Югославии и сильно пострадал. Православное кладбище подверглось глумлению; скромный обелиск над могилой Н.А. Хомякова и его жены Натальи Александровны был серьезно поврежден... – *Примеч. ответственного редактора.*

«Подготовить страну к самому широкому самоуправлению...»

Иван Ильич Петрункевич

Константин Могилевский

Иван Ильич Петрункевич родился 23 декабря 1843 года в селе Плиска Борзненского уезда Черниговской губернии в семье мелкого помещика. Детство его прошло в деревне; как он вспоминал впоследствии, тесное общение с крестьянами вселило в него уверенность в том, что они заслуживают лучшей участи.

Первоначальное образование Петрункевич получил в Киевском кадетском корпусе. Уже тогда его жизнь оказалась связана с либеральными идеями. Один из его учителей, большой поклонник Герцена, получал из Лондона «Полярную звезду» и «Колокол». Пятнадцатилетний Иван тайком зачитывался запрещенными журналами. Уже будучи в эмиграции, Петрункевич писал: «С тех пор прошло уже более шестидесяти лет, но я и до сих пор считаю Герцена своим руководителем. Разумеется, я следую за ним не слепо, а критически. Он сам вручил мне метод: научил меня отличать в его сочинениях незыблемое от навязанного временем и местом... Сейчас, когда преемники первого большевика Нечаева постоянно ссылаются на Герцена, прикидываются его последователями, прикрывают его именем свои идеи политического каннибальства, кажется излишним напомнить, что все это – не более чем постыдная профанация. Герцен был не только великим политическим мыслителем и деятелем: он был великим русским патриотом и гуманистом. На его руках нет ни одной капли крови; на его совести – ни одного преступления против родины...»

Окончив кадетский корпус, И.И. Петрункевич поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Именно там он встретил людей, которые во многом определили его дальнейшую судьбу и очевидным образом способствовали формированию его мировоззрения. Прежде всего, это были братья Бакунины. Старший из них, Михаил, известный теоретик анархизма, к тому времени уже жил за границей, с младшими, придерживавшимися либеральных взглядов, у Петрункевича сложилось полное взаимопонимание. Сформировался кружок молодых людей (в их числе был и В.И. Вернадский), который собирался в квартире, снимаемой Бакуниными.

После окончания университета Петрункевич оказался перед выбором: продолжить карьеру в столице или вернуться на родину. Впрочем, выбирая второй путь, долго он не колебался. В своих воспоминаниях он пишет, чем руководствовался при выборе. Еще тогда, в 1860-х годах, Петрункевич знал, что «должен посвятить свою жизнь интересам народа, его нуждам, как материальным, так и духовным, гражданским, общечеловеческим; знал, что это требует долгой и упорной борьбы с условиями его существования – невежеством, бедностью, беззащитностью и с произволом власти».

Его соратник по Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) И.В. Гессен, опубликовавший в 1934 году воспоминания Петрункевича в серии «Архив русской революции», писал, что с программой «преобразования государственного устройства России на бессловных, конституционных началах, отнюдь не путем насильственного переворота», служившей ему путеводной звездой, И.И. Петрункевич прошел «через всю свою долгую жизнь, вперив острые колючие глаза в эту звезду, только ее и видя пред собою и не сбиваясь ни на йоту с указываемой ею дороги. На своем пути, отнюдь не усыпанном розами, он не знал никаких компромиссов, его девизом было: выполняй свой долг, и пусть будет, что будет!» Так в жизни Петрункевича начался период работы в земстве.

В 1864 году произошла земская реформа. Ее образную характеристику дал И.П. Белокопский, автор самой основательной дореволюционной работы по истории земского движения. «Русский режим никогда не способствовал мирному и планомерному разрешению назревающих народных нужд. Русское правительство по отношению к освободительному движению во все времена применяло, если можно так выразиться, шлюзную систему. Как только замечало оно проявление „вольного духа“ среди населения, тотчас воздвигало шлюз. Когда он наполнялся недовольством и последнее начинало переливаться через первый шлюз, правительство ставило второй, третий и так далее, совершенно не соображая, что при таком способе самый источник недовольства не только не уничтожался, а страшно возрастал и что в конце концов никакой шлюз не будет в состоянии сдерживать напора недовольства, которое постепенно переходит в негодование, в злобу, в отчаяние».

Таким шлюзом, по мнению Белокопского, были земские учреждения. В 1865 году они были введены и в Черниговской губернии. В это время Петрункевич учился в Санкт-Петербургском университете, но случайно оказался в гостях у служившего в Чернигове отца как раз во время открытия губернского земского собрания. Это событие произвело на него огромное впечатление. По его собственному признанию, «воображение далеко вышло за пределы этой залы и этого момента и рисовало картины будущего, которое казалось таким близким...».

По составу присутствующих, за исключением пятерых малороссийских казаков из девяноста гласных, земское собрание напоминало дворянское. Его первые заседания были абсолютно деполитизированы. Петрункевич считал, что этот принцип устарел, так как на повестку дня стали выходить вопросы, вызывающие столкновение хозяйственных, сословных и политических интересов. К тому же земские учреждения были фактически единственными, в которых работали избранные народные представители.

В 1867 году, вернувшись в Плиску – свое родовое имение, Петрункевич задумался о том, что старый порядок и здесь должен уступить место новому. Для этого следовало найти единомышленников и выиграть выборы в земство на следующее трехлетие. В 1867 году он осваивался в новой для себя роли владельца имения, которое было передано ему отцом. Петрункевич первым делом отказался от пятой части выкупной ссуды, которая причиталась ему от крестьян. Помимо мировоззренческих причин, здесь могли быть и практические соображения: Петрункевич далеко не бедствовал, а означенная акция практически гарантировала ему место в земском собрании в качестве гласного от крестьян.

Впрочем, дворянство Борзненского уезда Черниговской губернии состояло далеко не из одних только либералов. В то же время оно, и только оно было той реальной силой, которая могла практически работать в земстве. Крестьяне не обладали для этого ни образованием, ни каким-либо подходящим опытом, ни необходимым положением в губернии. Поэтому у Петрункевича возникла необходимость поиска единомышленников в дворянской среде. Ее он подразделял на три группы. Это ретрограды, не желавшие приспособливаться к новому порядку; карьеристы, стремившиеся исключительно к личному успеху, и, наконец, третья группа, которую Петрункевич считал своей.

Вспоминая идеи, объединявшие эту последнюю группу в конце 1860-х годов, Петрункевич был достаточно самокритичен. «Конечно, можно сказать, что это были мечты, ни на чем не основанные, но не надо забывать, что это было время великих реформ, когда не только молодежь, но и люди почтенного возраста помолодели и строили планы для будущей России». Семейных «мечтателей» объединила идея обновления России на почве осуществленных крестьянской, земской и судебной реформ. Понимая всю их непоследовательность, они считали, что «общество получило благодаря этим реформам точку опоры и почву для общественно-полезной работы, которая сама по себе неизбежно должна была раздвинуть рамки, установленные правительством, и подготовить страну к самому широкому самоуправлению».

Но прежде чем проводить реформу самоуправления, предстояло уничтожить все привилегии, полностью уравнивать всех граждан в гражданских и политических правах и ликвидировать сословные различия. Сферу компетенции земства предполагалось расширить, освободить его от «устаревших вмешательств администрации и подчинить контролю специальной власти». Важной идеей было распространение земского самоуправления на волостной уровень. Считалось, что работа земского собрания в уезде не создает у крестьянина должного чувства сопричастности, он не понимает, за что платит деньги. Надо отдать должное И.И. Петрункевичу и его единомышленникам: в 1860-х годах они это понимали, но сделать, по-видимому, ничего не могли.

Однако школьное дело они уже тогда в родных краях начали налаживать. Как только Петрункевич приехал в Плиску, он убедился в полном отсутствии в уезде школ. Таковую он решил открыть в своем имении, выделив для этой цели специальный флигель. Правда, не согласовал это ни с каким начальством, справедливо полагая, что «если в уезде нет школ, то не может быть и школьного начальства». Предположение оказалось ошибочным; школу под угрозой суда пришлось закрыть.

Вскоре один из единомышленников Петрункевича – М.А. Имшенецкий занял пост председателя уездной земской управы, и это дало возможность всей группе постепенно знакомиться с тонкостями земского дела, не дожидаясь выборов. Петрункевич выстроил-таки на своей земле школу с целью передать ее земству, которое помогло ему собрать на строительство средства.

Таким образом, к 1868 году – году выборов гласных на второе земское трехлетие – Петрункевич обладал если не четкой программой действий, то во всяком случае некой системой принципиальных установок. Он был полон сил, энергии и желания заниматься тем, чем закон предписывал заниматься земству.

В конце лета 1868 года Петрункевич был избран на крестьянском избирательном собрании гласным уездного земства, а затем последнее делегировало его в состав губернского земства. Петрункевич называет четыре направления, в которых преуспело земство во второе трехлетие своего функционирования: введение института мирового суда; начало учреждения народных школ и открытие земской публичной библиотеки; принятие системы бесплатной врачебной помощи населению; перевод натуральных повинностей в денежные и распространение их на все сословия.

Земская деятельность Петрункевича и его единомышленников на Черниговщине протекала с переменным успехом: периодическое изменение состава уездных гласных оказывало прямое влияние на ход дела в губернном земстве. Бывали периоды, когда удавалось сделать многое; были и такие, когда и уездное, и губернное земские собрания оставались «пассивными исполнителями текущих дел». Вспоминая в 1920-х годах историю этого периода, Петрункевич писал, что «каждая ее страница отмечена тем или другим насилием или беззаконием безответственной власти и бессилием земства». Он подчеркивал, что работу в те годы в земстве либералов было бы правильнее назвать борьбой – борьбой с правительством и администрацией.

В 1878 году произошло событие, которое привело к временному прекращению земской деятельности Петрункевича. 4 августа народоволец Степняк-Кравчинский заколол шефа жандармов генерала Мезенцева. В своих воспоминаниях И.И. Петрункевич писал, что это «было фактом исключительной важности и исключительного успеха террористов». Правительство обратилось к обществу с призывом поддержать самые решительные меры в борьбе с террором. Многие земцы не сомневались, что отвечать должны были именно они, так как земство представляло в обществе «единственную часть, достаточно организованную и способную к какому-либо действию». Петрункевич вспоминал: «Перед всеми нами стоял в те годы выбор: либо добровольно зачислить себя в армию полицмейстеров, либо защищать свободу – как против самодержавия, так и против террора».

Ситуация требовала образования некоей коалиции, которая могла бы обратиться с ответным обращением к правительству. С этой целью И.И. Петрункевич вместе со своим коллегой А.А. Линдфорсом поехал в Киев для встречи с группой влиятельных украинофилов. В ходе этих консультаций было принято решение воспользоваться для проведения более широкого совещания предстоящим заседанием по поводу посмертного юбилея украинского писателя Квитко-Основьяненко, которое должно было состояться в Харькове в последних числах ноября.

На праздновании этого юбилея собралось большое количество разномастной публики. И.И. Петрункевич был предупрежден, что после официального заседания планируется банкет, на котором не рекомендуется «брать особенно высоких политических нот, так как на обеде будут разные лица, и некоторые из них могут испугаться». Тем не менее Петрункевич, получив слово, практически сразу же обозначил политическую направленность своего выступления. Было бы хорошо, чтобы все так заботились о народе, как заботился покойный юбиляр, сказал он и сразу же перешел к теме убийства генерала Мезенцева. «Существуют различные взгляды на общественную деятельность. Террористы, например, находятся на линии огня, стремятся к недостижимому; с другой стороны, малорезультативна и деятельность лиц, кто эмигрирует, надеясь на влияние с Запада. Нужно работать в России и добиваться свободы путем организации общественных сил». Образованная часть последних «одинаково против террора, идет ли он снизу или сверху, ибо знает, что таким путем дойти до свободы и конституции так же невозможно, как невозможно этим путем достигнуть спокойствия и порядка в стране. Террор одинаково свидетельствует как о слабости правительства, так и о слабости общества. Убийство генерала Мезенцева есть новое напоминание о том, что невозможно долее поддерживать двусмысленное положение, занятое обществом в борьбе, которую ведут террористы с государственной властью... Наступает момент, когда общество обязано высказаться прямо и открыто, что, не одобряя террористических убийств революционеров, оно также не одобряет и правительство, которое отказывается понять, что система государственного порядка, которую оно так упорно защищает, не соответствует ни достоинству русского народа, ни интересам великого государства; что правительство обязано приступить к коренной реформе и сделать все, от него зависящее, чтобы прекратить террор мирным путем, а не путем казней. Общество одинаково против убийства из-за угла и против виселицы». «Нужно немедленно организовать особую комиссию, которая выработала бы проект объединения всех оппозиционных сил в стране», – резюмировал Петрункевич. Исходя из этих соображений, Петрункевич и Линдфорс обратились к лидерам украинофилов с просьбой устроить им встречу с «главарями южнорусских террористов».

Встреча состоялась 3 декабря 1878 года. Петрункевич в своих воспоминаниях следующим образом формулирует предложение, с которым они с Линдфорсом обратились к террористам: «Временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать земцам время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности».

Петрункевич предложил всем оппозиционным деятелям соединиться «для добытия конституции». Средства предлагались следующие: подача петиций, мирные демонстрации, агитация посредством печати, издаваемой за границей и доставляемой контрабандой. У Петрункевича сложилось впечатление, что «предложение имело некоторый психологический успех и что если нам удастся сдвинуть общественное мнение с мертвой точки равнодушия, то террористы поймут необходимость приостановить свою активную деятельность... Если бы правительство проявило хоть сколько-нибудь готовность сговориться со страной, террор потерял бы под собою почву...»

В январе 1879 года состоялась очередная сессия Черниговского губернского земского собрания, на которой Петрункевичу предстояло выступить с заявлением о том, что «русское общество, не обладая в законе никакими гарантиями, лишенное возможности опираться на общественное мнение, которого не существует в нашей стране, и не замечая у правительства желания утвердить свой авторитет на моральной основе, бессильно оказать правительству какое-либо содействие в его борьбе с террористами». Накануне заседания текст заявления получил в городе широкое распространение, даже раскупался публично и стал известен местным властям, которые руками председателя собрания губернского предводителя дворянства Неплюева воспрепятствовали чтению доклада. В апреле И.И. Петрункевич за это несостоявшееся выступление был сослан в город Варнавин Костромской губернии.

В конце 1886 года Петрункевич после вторичной высылки из Черниговской губернии приехал в Тверь, где уже жил в ссылке и где теперь решил обосноваться надолго. Условия борьбы в Твери представлялись Петрункевичу более благоприятными, нежели в Чернигове. За время его пребывания в Твери в 1883–1886 годах в ссылке под гласным надзором полиции он приобрел большое количество единомышленников. Костяк этого кружка составляли его брат Михаил Ильич, а также семья Бакуниных. В Тверь, расположенную между Петербургом и Москвой, стремились многие из тех, кому было запрещено проживать в столицах. В результате местное общество пользовалось устойчивой репутацией одного из самых либеральных в России. Таким образом, Тверь стала для Петрункевича «колокольней, которая, однако, должна служить нам не препятствием, чтобы видеть Россию, а сторожевой вышкой, с которой горизонт будет шире и виднее».

В Новоторжском уезде Петрункевич приобрел участок земли, который позволил ему участвовать в выборах земских гласных в 1891 году. Это был фиктивный ценз: жил Петрункевич в основном в Москве. Но в 1897-м он поселился в имении «Машук» и, устроив там «конституционное гнездо» (по выражению Б.В. Штюрмера), жил в нем до 1905 года включительно. В этот период деятельность Петрункевича постепенно начинает переходить на общегосударственный уровень. Земскими вопросами он уже не занимался так же плотно, как в Черниговском земстве.

Поселившись в «Машуке», Петрункевич полагал, что достигнет «результатов наиболее важных и желательных: разъединенные и даже взаимно враждебные общественные силы прочно будут связаны в местном самоуправлении и через него достигнут коренной русской реформы – замены самодержавия конституцией». Этим обусловлено то, что это был период «напряженной общественной работы» за «освобождение нашей родины от режима исключительных положений, насилий и беззакония».

Это, безусловно, очень интересный этап в жизни и деятельности И.И. Петрункевича, самый плодотворный, по его собственному признанию. В своих воспоминаниях он отмечает, что за все время его работы в Новоторжском уездном земстве состав последнего практически не изменялся, что позволило стабильно и последовательно вести земскую деятельность. Имело значение и то обстоятельство, что если в Борзне Петрункевич со своими единомышленниками пришел фактически на пустое место и всю работу земства они были вынуждены налаживать с нуля, то на Тверской земле система уже существовала и нормально функционировала.

Серьезным новшеством, внесенным И.И. Петрункевичем в работу Тверского земства, была организация кредитного товарищества. Кредит, являясь необходимым условием для нормального ведения хозяйства, конечно, в деревне существовал. Однако кредитованием занимались, как правило, зажиточные крестьяне, которые предлагали крайне невыгодные для основной массы населения условия. Тем самым развитие крестьянских хозяйств существенным образом тормозилось. Заметив это, Петрункевич пришел к мысли устроить «кредитное товарищество, которое могло бы выполнить три задачи: оказывать своим членам недорогой краткосрочный кредит вообще; оказывать кредит для покупки всяких предметов хозяйства: лошадей,

скота, сельскохозяйственных удобрений и так далее; брать на себя посредничество в продаже предметов хозяйства и оказывать кредит под залог продаваемых предметов». Однако в России существовал типовой, так называемый нормальный устав кредитных товариществ, и он не предусматривал функций, предложенных Петрункевичем. По этому поводу следовало подавать специальное ходатайство в Министерство финансов.

Для учреждения кредитного товарищества нужно было собрать не менее тридцати подписей его будущих участников. Однако крестьяне крайне неохотно ставили свои подписи под непонятным документом – недостающие автографы Петрункевичу пришлось собирать среди членов семьи. Эта проблема неготовности крестьян к ведению дел, требующих аккуратности и точности, вообще очень волновала Петрункевича. Тем не менее он рассчитывал, что сумеет уделять товариществу достаточно времени в качестве исполняющего контролирующую функцию попечителя.

По прошествии года устав товарищества был утвержден министерством, и оно начало работать, преодолевая недоверие крестьян. По словам Петрункевича, изменила отношение последних к кредитному товариществу покупка им нескороаемого шкафа для хранения денег. После этого дело начало налаживаться. Благодаря тому что И.И. Петрункевич настоял на утверждении 9 % годовых по займам вместо обычных 12 %, удалось предложить условия лучшие, нежели у конкурентов – зажиточных крестьян и мелких лавочников. Убедиться в успехе начинания Петрункевича приехал из Москвы М.Я. Герценштейн, в ту пору директор Московского земельного банка.

Петрункевич и члены его семьи также взяли на свое попечение несколько тверских школ. В своих мемуарах Иван Ильич вспоминал, как они «снабжали школы книгами и учебными пособиями, а также устраивали на рождественских святках ели для учащихся, причем ни разу не встретили ничего, что было бы похоже на вмешательство школьной инспекции или полиции».

В первые годы XX века в России в очередной раз приобрел чрезвычайную остроту земельный вопрос. В 1905 году И.И. Петрункевич опубликовал на эту тему специальную брошюру, в которой подчеркивалось, что «аграрный вопрос застал нас столь же неожиданно, как и японская война» и что, в то время как «Россия справедливо признается страной земледельческой по преимуществу, земледелие менее всего привлекало внимание правительства».

Начиная формулировать собственный проект аграрной реформы, Петрункевич пишет, что государство крестьянам должно. Долг этот юридически не зафиксирован, но он есть, и при разработке новой системы землеустройства необходимо это учитывать. Мотивировал он это так: «Нужды государства (по развитию главным образом обрабатывающей промышленности) непрерывно возрастали и покрывались в основном крестьянским населением». Вывод же из этого патриарх русского либерализма делает такой: «Отчуждение частновладельческих земель должно производиться в пользу и за счет государства на началах отчуждения недвижимого имущества в видах государственной необходимости, подобно тому как производится отчуждение под железные дороги, улицы, устройство крепостей и так далее». Государство же будет «отдавать отчуждаемую землю тем, которые больше всего в ней нуждаются, совершенно независимо от того, существовали ли когда-нибудь между бывшими и будущими ее владельцами обязательственные отношения».

Подобная постановка проблемы удивляет, поскольку Петрункевич к тому времени уже заработал себе устойчивую репутацию политика, действующего «во имя права и посредством права». Впрочем, он сам поясняет свою позицию: «Вопрос о праве принудительного отчуждения земельного имущества в принципе не может в настоящее время встречать возражений, так как современное государство отрешилось от идеи священной и неприкосновенной собственности».

Заметим, что аграрный вопрос был главным пунктом разногласий внутри самой конституционно-демократической партии. Партийные лидеры всерьез опасались раскола. На II Всероссийском съезде кадетов (январь 1906 года) развернулась дискуссия о том, насколько идея отчуждения земли соответствует либеральным принципам. И.И. Петрункевич, стремясь не допустить раскола партии в такой важной ситуации, сказал, что в целях сохранения партийного единства он готов отказаться от своих радикальных идей. При этом он отметил: «Никто не покушается на частную собственность, так как собственностью государства станет только та земля, которая отчуждается... Только этим путем мы сможем разрешить величайший кризис».

Трудно не согласиться с высказываниями И.И. Петрункевича о том, что реальная аграрная политика должна была поставить в свою основу вопрос о расширении площади крестьянского хозяйства. Не отрицая необходимости внедрять в крестьянскую среду новейшие достижения сельскохозяйственной науки, Петрункевич предрекал неудачу подобным попыткам до тех пор, пока величина крестьянского надела не будет существенно увеличена.

Конструктивного решения так и не удалось найти. Споры по аграрному вопросу между либералами и правительством продолжались и были перенесены в Государственную думу.

Кадетская партия, признанным лидером которой считался И.И. Петрункевич, одержала победу на выборах в I Государственную думу: более трети депутатского корпуса (153 человека из 448) составили кадеты. Авторитет Петрункевича в партии еще со времен его бессменного председательства в Союзе освобождения был настолько велик, что после подведения итогов выборов вопрос о лидере парламентской фракции даже не стоял. Газета «Русские ведомости» написала, что, когда узнали, что И.И. Петрункевич выиграл выборы по Тверской губернии, стало ясно, что именно он, вероятнее всего, возглавит фракцию. Тем более что в ней тогда еще не было П.Н. Милюкова...

На съезде Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), состоявшемся в преддверии созыва I Думы (апрель 1906 года), конкретного решения о структуре фракции не было принято. Декларировались только общие принципы, формулируемые в духе постановлений IV съезда предшественника кадетов – Союза освобождения. Союз полагал, что его члены «могут вступать в Думу не ради участия в повседневных законодательных работах, а исключительно с целью борьбы за введение в России действительных конституционных свобод и учреждений на демократических основах, не стесняясь при этом перспективой возможности открытого разрыва с существующим правительством».

Работу по непосредственной организации деятельности фракции взял на себя Центральный комитет партии. 26 апреля на общefракционном собрании Милюков предложил избрать Временный комитет фракции из 10 человек на 10 дней, 1 мая 1906 года уже в постоянный состав Комитета было избрано 19 человек. 15 мая они определились с кандидатурами своих руководителей: председатель И.И. Петрункевич, его товарищи (заместители) М.М. Винавер и В.Д. Набоков, секретарь фракции А.С. Медведев.

Позиция Петрункевича как председателя Комитета во многом определяла политическую физиономию фракции. За 72 дня функционирования I Государственной думы Петрункевич выступал с трибуны пять раз. Выступления эти получили широкую известность и были изданы в 1907 году специальной брошюрой.

Эта брошюра начинается со знаменитой речи об амнистии – первого выступления, прозвучавшего с трибуны Государственной думы в день ее открытия, 26 апреля 1906 года. В тот день депутаты встретились с императором в Зимнем дворце, а затем направились в Таврический дворец, где должно было пройти первое заседание Думы. Плывшие на корабле по Неве депутаты миновали знаменитую петербургскую тюрьму «Кресты»; впечатление, произведенное тысячами, как казалось депутатам, простертых к ним оттуда рук, было настолько сильным, что согласованную ранее программу первого заседания решили изменить.

Сразу после избрания С.А. Муромцева председателем Государственной думы на трибуну поднялся И.И. Петрункевич и произнес речь об амнистии. «Долг чести, долг нашей совести повелевает, – сказал он, – потребовать амнистии для всех политических заключенных... Свободная Россия требует освобождения всех пострадавших». Очень короткое и сильное, это выступление действительно могло служить образцом ораторского искусства.

Печатный орган Партии народной свободы газета «Речь» писала, что «первые слова свободного собрания представителей народа... раздались спокойно, смело, уверенно». Им в ответ раздался гром аплодисментов; в этот момент «вся Дума испытала ощущение единства».

Вопрос об амнистии обсуждался и на последующих заседаниях. Здесь обнаружилось, что позицию, высказанную И.И. Петрункевичем, разделяют не все депутаты. Так, М.М. Ковалевский, выйдя на трибуну, предложил «довести до сведения Государя Императора о единогласном ходатайстве Думы о даровании им амнистии политическим заключенным». Петрункевич ответил: «Мы не желаем быть ходатаями, мы хотим быть законодателями». М.М. Винавер, занимавший в то время пост товарища председателя Комитета фракции, впоследствии писал об этом эпизоде, что «Партия народной свободы гордым окриком из уст Петрункевича отвергла мысль Ковалевского», тогда тоже, кстати говоря, кадета.

Известно, чем завершила свое существование I Дума. Замок, повешенный ночью на двери Таврического дворца, символизировал желание правительства продемонстрировать, кто в стране обладает реальной властью. Это привело к «продолжению заседания» Государственной думы на территории Финляндии, в Выборге, где действовали более либеральные законы. Именно там было подготовлено так называемое Выборгское воззвание, в котором парламентарии обращались к народу с призывом протестовать против роспуска Думы, оказывая пассивное сопротивление правительству.

Стенограммы выступлений, звучавших на этом собрании, в настоящее время находятся в распоряжении исследователей. Изучив их, можно судить о том, насколько участники совещания представляли себе всю тяжесть возможных последствий. Петрункевич, в отличие от некоторых своих коллег, сразу предрек подписавшим воззвание политическую смерть. Однако сделать это он полагал необходимым, более того, принял непосредственное участие в редактировании текста возвания.

В итоге, как известно, состоялся суд, на котором участники собрания в Выборге были лишены политических прав. Отсидев два месяца в тюрьме, Петрункевич, которому уже перевалило за шестьдесят, стал постепенно отходить от партийных дел. Здоровье его к тому времени было уже далеко не идеальным, все больше времени он проводил в Крыму и все меньше принимал активное участие в текущей политической жизни. Его позиция в партии в это время действительно напоминала позицию патриарха: с 1909 по 1915 год он являлся председателем ЦК партии. Не вмешиваясь непосредственно в текущие дела, Петрункевич, избранный в 1915 году Почетным председателем ЦК кадетской партии, оставался для сподвижников неким нравственным ориентиром.

Революция застала И.И. Петрункевича в Ялте. В 1918 году он был вынужден эмигрировать и транзитом через Францию оказался в Америке, у своего сына Александра, известного палеонтолога. Затем он жил в Швейцарии, а под конец жизни обосновался в Праге. Работал над мемуарами, переписывался со старыми соратниками.

К сожалению, оказавшись в эмиграции, многие действующие лица российской политики рубежа веков начали, как это бывает, терять чувство реальности. В переписке с М.М. Винавером 77-летний И.И. Петрункевич, обсуждая вопрос, как добраться до России, писал: «Мы готовы ехать хоть в трюме... Вас, вероятно, мы уже не увидим до возвращения в Россию...»

Вновь увидеть родину Петрункевичу было не суждено. В 1928 году он скончался в Праге, где и был похоронен. Надпись на его могиле гласит: «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды».

«Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан...» Николай Иванович Кареев

Кирилл Соловьев

Николай Иванович Кареев родился 24 ноября 1850 года в Москве в семье военного. Это было «дворянское гнездо», с традиционным домашним образованием, с крепкими устоями. Детство в воспоминаниях Кареева ассоциируется с именем деда О.И. Герасимова в Муравьиных Сычевского уезда Смоленской губернии: большая патриархальная семья, многочисленная прислуга из крепостных, размеренный быт русской деревни. С шести до десяти лет Николай Иванович жил в Гжатске, где отец служил городничим, затем два года – в Сычевке. В 1863 году отец вышел в отставку, и семья переехала в имение Аносово Смоленской губернии. С весны по осень 1864-го Кареев учился в пансионе в имении Лошадкино. А в январе 1865 года поступил в 1-ю Московскую гимназию у Пречистенских ворот. В учебе он был, безусловно, лучшим; при этом уже в гимназические годы активно занимался репетиторством – в семье на тот момент лишних денег не водилось. Имя первого ученика Николая Кареева было записано на Золотой доске 1-й гимназии. Когда в 1868 году директор М.А. Малиновский, за что-то рассердившись на Кареева, приказал стереть его имя, с доски исчезли все записи – остались лишь следы желтой краски. «Кто это сделал?» – допрашивал гимназистов учитель Е.В. Белявский. Поднялся высокий молодой человек: «Это я сделал». – «Зачем же вы это сделали?» – «Если Кареева стерли с золотой доски, то мы никто не желаем быть на этой доске». Звали молодого человека Владимир Соловьев. Это был сын историка Сергея Михайловича Соловьева, и сам в скором будущем известный русский философ.

С Владимиром Сергеевичем Соловьевым Кареева связывала тесная дружба. Часто на квартире Соловьева-старшего, в здании университета, устраивались настоящие «рыцарские ристалища»: Н.И. Кареев и будущий экономист А.А. Коротнев сажали на свои плечи В.С. Соловьева и Н.А. Писемского (сына писателя), и те устраивали «побоища», демонстрируя свою доблесть.

С.М. Соловьева Кареев встретит на кафедре Московского университета буквально через год: ведь с 1869-го он – студент историко-филологического факультета. Кроме известного историка, лекции здесь читали В.И. Герье, Ф.И. Буслаев, Н.С. Тихонравов, М.С. Куторга, П.Д. Юркевич. На четвертом курсе Кареев окончательно определился с предметом своих научных изысканий: французское крестьянство эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. Об этом его кандидатское сочинение и впоследствии магистерская диссертация. В 1873 году, после окончания университета, В. И. Герье предложил Николаю Ивановичу остаться на кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию. Впереди были шесть лет напряженного учительского труда в 3-й Московской гимназии, который Н.И. Кареев совмещал с интенсивной подготовкой к магистерским экзаменам. И это далеко не все: неизменно посещая кружки и журфикисы, он становился «своим» в академической среде. Бывал в кружке М.М. Ковалевского, куда приходили И.И. Иванюков, А.И. Чупров, И.И. Янжул, С.А. Муромцев, В.А. Гольцев и др. Бывал и на журфикисах, которые устраивали В.И. Герье, Н.А. Попов и др.

В 1876 году Кареев успешно сдал магистерские экзамены, а в сентябре 1877-го выехал в Париж для работы над диссертацией. Огромную помощь в организации поездки оказал учитель – В.И. Герье. В Париже Кареев тесно сошелся со многими знаменитостями русской эмиграции: П.Л. Лавровым, Г.А. Лопатиным, П.А. Кропоткиным, М.П. Драгомановым. Познакомился и с известным французским историком Фюстелем де Куланжем. Через год, в июне 1878

года, историк вернулся в Москву. Архивный материал собран – оставалось лишь переписать набело диссертацию, что и было сделано в имении Аносово. Уже зимой вышла книга «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». А 21 марта 1879 года состоялась защита. Она прошла необычайно бурно: в ходе диспута о диссертации весьма резко высказывался сам Герье. Публика же была целиком и полностью на стороне диссертанта, сопровождая аплодисментами его смелые и убедительные аргументы. В защиту выступил и молодой доцент М.М. Ковалевский. Впоследствии, однако, именно В.И. Герье предложил уже магистру Карееву место экстраординарного профессора Варшавского университета.

С августа 1879 года Н.И. Кареев – в Польше. Варшавский период жизни оказался сложным: надо было преподавать в русскоязычном университете в польском городе с польскими студентами и множеством польских профессоров. И в такой ситуации Кареев сумел стать одним из любимейших преподавателей местного студенчества. Помимо чтения лекций по всему курсу всеобщей истории и активной публицистической деятельности он приступил к написанию докторской диссертации «Основные вопросы философии истории». В 1882–1883 годах Николай Иванович – вновь в Западной Европе, в Париже и Берлине, где большую часть времени проводит в библиотеках, заканчивая диссертацию. И еще одно важное событие произошло в варшавский период: в ноябре 1881 года Кареев женился на дочери московского преподавателя географии Софье Андреевне Линберг.

24 марта 1884 года состоялась защита диссертации в стенах Московского университета. В ноябре 1884-го была подана просьба на имя декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета В.И. Ламанского о занятии освободившейся должности профессора всеобщей истории. Университет медлил с приглашением, а Кареев спешил покинуть Варшаву. С января 1885 года он уже преподает в Александровском лицее Санкт-Петербурга, а через полгода, с 23 августа 1885-го, Кареев становится приват-доцентом столичного университета. С осени 1886 года он также читает лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. Экстраординарным профессором его назначили в конце 1886-го, а через четыре года, в 1890-м, – ординарным. Как и полагалось либеральному профессору, Н.И. Кареев включился в активную общественную деятельность: он участник Литературного фонда, Исторического общества, Отдела для содействия образованию, он посещает различные журфикисы и кружки. Кроме того, редактирует «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, работает в комитетах и обществах пособия студентов. А еще монографии, учебники, публицистические статьи... В 1899 году, после студенческих волнений, Н.И. Кареев был уволен из университета. Скорее всего, причиной послужила занятая им позиция: на Совете университета историк настаивал на смягчении полицейских мер по отношению к студентам, открыто выступил с требованием отставки ректора В.И. Сергеевича, не скрывал своего неприятия политики министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Вплоть до начала 1906 года он оставался отлученным от университета, преподавая лишь в Александровском лицее, а с 1902-го – и в Политехническом институте.

Репутация оппозиционера вынесла Н.И. Кареева на гребень волны русской революции 1905 года. К предыдущей опале добавился еще и арест в составе делегации, которая ходатайствовала перед руководителями царского правительства о недопущении кровопролития 9 января 1905 года. 12–22 января Н.И. Кареев находился в заключении в Петропавловской крепости. В 1905 году в аристократических салонах поползли слухи, будто он входит в тайное революционное правительство. Правда же состояла в том, что профессор вел активную общественную жизнь, участвуя в организации Академического союза, объединившего оппозиционно настроенных по отношению к действующему режиму преподавателей. Волей-неволей Кареев оказался в эпицентре политической борьбы, так как Академический союз являлся составной частью чрезвычайно влиятельного Союза союзов.

Членство в Конституционно-демократической партии Кареев считал в некотором роде случайностью. Если бы партия народных социалистов (энесов) образовалась ранее кадетов и не призывала к бойкоту выборов, рассуждал в воспоминаниях историк, он непременно вступил бы в нее. Свою роль у кадетов Кареев всячески преуменьшает: «Я участвовал в организационных собраниях партии и выступал в устраивавшихся ею митингах, но не был за все время ее существования членом Центрального комитета, и если очутился председателем городского ее комитета, то в нем больше следил за внешним порядком прений, чем играл сколько-нибудь руководящую роль». (Он руководил Санкт-Петербургским комитетом партии вплоть до октября 1906 года, когда его сменил В.Д. Набоков.) Участие в политической и партийной работе Николай Иванович объяснял исключительно чувством гражданского долга: никакой склонности к подобной деятельности он не ощущал. И поэтому с роспуском I Думы с удовольствием отказался от продолжения «политической карьеры».

Однако на какое-то время историк превратился в политика; в избирательной кампании пригодились его навыки и знания. Так, в марте 1906 года в «Вестнике партии Народной свободы» Н.И. Кареев опубликовал статью об Учредительном собрании в программных положениях партии кадетов. Сравнивая Учредительные собрания во Франции 1789 года и в Пруссии 1848 года, он утверждал необходимость для России прусского варианта, при котором этот институт формируется для разработки и принятия конституции, а не для представления суверенной воли нации в условиях крушения прежнего режима. Практически через месяц правительство убедительно докажет, насколько академична подобная дискуссия: 23 апреля 1906 года Основные законы будут приняты без участия Учредительного собрания. Но это событие не могло смутить кадетов, уверенных в своей исторической правоте. Как писал в той же статье Кареев, «конституционно-демократическая партия верит в то, что установление в России той конституции, главные лозунги которой партия пишет на своем знамени, властно диктуются самой историей и потому должны рано или поздно осуществиться: ни больше, ни меньше, по ее глубокому убеждению, не может успокоить потрясенную страну от новых напрасных и опасных потрясений».

Выборы по Петербургу в Государственную думу были двухступенчатыми. 20 марта 1906 года избирали выборщиков. Весь этот день Николай Иванович провел в актовом зале университета, где голосовали избиратели по Васильевскому острову. «Этот зал, носивший еще на себе некоторые следы только что пронесшегося шквала, имел необычный вид, перегороденный направо и налево от остававшегося посередине свободным прохода барьерами, за которыми стояли большие картонные коробки, на урны совершенно не похожие, и находились члены подкомиссий, проверявших документы избирателей, отмечавших их в списках, бравших из их рук и опускавших в урны их избирательные документы. Я был в числе членов одной комиссии и впоследствии исполнял не раз такую же должность, так что бывшее тогда и бывшее после слились в моей памяти в одну общую картину». Но единственное, что отличало тот мартовский день, вспоминал историк, – это необычайное воодушевление и надежды на лучшее. Однако явка на первые выборы в столице оказалась сравнительно низкой. Всего по городу зарегистрировали 146 тыс. избирателей. И только 46 % из них явились к урнам в назначенный день. Победа кадетов в Петербурге была впечатляющей: всюду они получили абсолютное большинство голосов. Больше всего – в Нарвской части (68 %), меньше всего – в Адмиралтейской (57 %). 14 апреля 1906 года в зале городской думы предстояло собраться 175 выборщикам, чтобы избрать депутатов от Петербурга. Не явились только шестеро. Кандидаты от Конституционно-демократической партии получили от 145 до 159 голосов. Остались недовольными представители рабочих, чьих кандидатов не поддержало кадетское большинство. Рабочие отказались даже сняться на совместной фотографии выборщиков от Санкт-Петербурга. Этот инцидент слегка омрачил радость победы. И тем не менее вечером того же дня многие участвовавшие в заседании, новые депутаты, представители партии, собрались в ресторане Донона.

Отмечали очевидный успех, вспоминали прошедшую кампанию, говорили о будущем, которое рисовалось исключительно в светлых тонах. Как писал Н.И. Кареев, оптимизм и уверенность в скором успехе сохраняются вплоть до 13 мая, когда будет оглашена декларация правительства И.Л. Горемыкина.

Однако впереди 27 апреля 1906 года – день открытия I Государственной думы. Удивительно теплая, солнечная погода. Н.И. Кареев доехал на извозчике до Адмиралтейской набережной, зашел к В.Д. Набокову (как и он, депутату от Санкт-Петербурга), и они вместе пошли пешком к Зимнему дворцу. А потом случилось все то, что хорошо помнил любой переводчик: речь императора; кораблики, перевозившие депутатов из Зимнего в Таврический дворец; белые платки арестантов из «Крестов», умолявших об амнистии. Как только кораблики пристали к берегу, толпа подхватила Кареева и понесла его на руках к Таврическому дворцу. А потом темпераментная речь И.И. Петрункевича об амнистии, гордая осанка первого председателя Думы С.А. Муромцева. Примечательно, что впоследствии, при распределении мест в зале Таврического дворца между фракциями, Н.И. Кареев сидел вместе с представителями левых, социалистических фракций. Однако это объяснялось не политическими пристрастиями: просто Николай Иванович плохо слышал правым ухом и предпочитал сидеть по левую руку от собрания.

Выступил Н.И. Кареев в Государственной думе всего четыре раза. Два его выступления пришлось на 3 мая 1906 года, и оба имели программный характер. «Не человек существует для субботы, а суббота для человека. Человеческая личность существует сама для себя, она не может быть употребляема ни для какой другой цели, а между тем на основании основных принципов, которые имели силу в России до сих пор, были некоторые субботы, в жертву которым приносилась человеческая личность, и таких суббот в России было громадное количество. Все эти субботы соединились в одну громадную субботу, которая называется Россией». Иными словами, уважение к человеческой личности не было базовым началом внутренней политики Российской империи, поэтому «мы теперь должны основать новую Россию, которую точно так же должны будем любить, но Россию, которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций, а будет существовать для своих граждан». Следовательно, в России должен установиться принцип равноправия народов, ее населяющих, и государство должно основываться на их братстве и взаимовыгодном партнерстве. Цель этого выступления – убедить депутатов исключить выражения «русская земля» и «русский народ» из ответного адреса Думы императору: по мнению Кареева, народное представительство не может забывать, что Россия – многонациональная держава.

В тот же день Н.И. Кареев выступил с защитой принципа парламентаризма, отстаивая необходимость ответственного правительства перед Государственной думой. Он сравнивал Россию с Францией 1789 года. По его мнению, революционный накал 1790-х годов связан с тем, что тогда не удалось выработать модель парламентской монархии, прийти к идее ответственного правительства. «Мы переживаем такой момент, когда только полное единение монарха и нации может вывести страну из того исторического тупика, в который она попала». А 6 июня, выступая по поводу проекта о гражданском равноправии, Кареев будет отстаивать снятие всех юридических ограничений, сковывавших гражданскую и политическую инициативу женщин.

Однако скромная роль, которую играл Н.И. Кареев в Думе, не должна вводить в заблуждение. В «партии профессоров» авторитет видного историка был значительный. Не случайно на предвыборном заседании санкт-петербургской группы кадетов он оказался на втором после В.Д. Набокова месте по числу голосов, отданных за него как за партийного кандидата в депутаты Государственной думы. Не случайно кадеты, как об этом вспоминал М.М. Ковалевский, серьезно рассматривали кандидатуру Н.И. Кареева на должность министра народного просвещения в гипотетическом правительстве, ответственном перед народным представительством.

9 июля 1906 года Кареев проснулся очень поздно: накануне вечером, будучи крайне усталым, он просил не будить его. Пройдет еще время, пока он выйдет на улицу, купит газету и узнает, что Дума распущена. Первым делом Николай Иванович направится в клуб партии кадетов. Там он ждет новостей из Выборга, куда еще ранним утром поехало большинство членов фракции. В своих воспоминаниях Кареев пишет, что вскоре кто-то привез текст воззвания, составленного депутатами, и присутствовавшие в клубе члены Государственной думы недолго думая отправили телеграммы в Выборг с просьбой присоединить их подписи к документу. Скорее всего, он запамятовал: текст воззвания составили лишь на следующий день. Участвовал Кареев и в одном из партийных собраний в Териоках, где обсуждалась дальнейшая тактика кадетов.

На этом политическая деятельность Н.И. Кареева закончилась: историк вернулся на университетскую кафедру, преподавая параллельно в Психоневрологическом институте, на Высших женских курсах и курсах П.Ф. Лесгафта. Он был также одним из организаторов Педагогического института. Все это совмещалось с продолжавшейся общественной деятельностью в Отделе самообразования и Литературном фонде. В отличие от многих коллег по I Государственной думе, Кареев не был осужден за подписание Выборгского воззвания: к заключению приговорили лишь тех, кто непосредственно в Выборге поставил свою подпись под «крамольным» документом.

На фоне всех этих событий шла фундаментальная научная работа. С 1892 по 1917 год вышло семь томов «Истории Западной Европы в новое время». Издаются учебники и учебные пособия Кареева, историографические очерки, разнообразные исследования. Разброс тем едва ли не пугает современного историка, привыкшего к сугубо узкой специализации: тут и «Государство-город античного мира», и «Монархия Древнего Востока и греко-римского мира», и «Западноевропейская абсолютная монархия XVI–XVIII веков», и «Происхождение современного народно-правового государства». Кроме того, в 1913–1914 годах Кареев издавал «Научный исторический журнал».

Политика потихоньку напоминала о себе. В 1914 году историк неожиданно для себя оказался в немецком плену. Начало войны застало его в Карлсбаде; проезжая через Дрезден, он был задержан и пять недель оставался под арестом. События февраля 1917 года, как-то незаметно для Н.И. Кареева, переросли в революцию. Он всячески уклонялся от политической работы: фактически не принял предложения баллотироваться депутатом Петербургской городской думы, не участвовал в работе партийных комитетов. Вся его «революционная» активность заключалась в публицистических статьях о судьбах Учредительных собраний на Западе да в работе в комиссии, принимавшей бюллетени на выборах. И еще: 27 апреля 1917 года Николай Иванович участвовал в совместном заседании депутатов всех четырех созывов Думы, посвященном юбилею открытия представительного учреждения в России. Продолжается его работа в Академическом союзе. И при этом летом 1917 года он спешит уехать из Петрограда в Зайцево, имение своего родственника О.П. Герасимова. В августе заезжает в Москву, где присутствует на заседаниях Государственного совещания, – и снова в Зайцево.

Лишь в октябре вместе с семьей Николай Иванович вернулся в Петроград, «чтобы провести одну из самых тяжелых зим в жизни». (Правда, следующая зима, по его воспоминаниям, оказалась еще тяжелее.) Приход к власти большевиков выбил Кареева из привычного ритма. В 1917–1919 годах он продолжает преподавать в университете, хотя аудитории опустели. Знакомых в Петрограде становится все меньше. И все меньше возможностей для публикации трудов. Тем не менее ученый не прекращает писать. В 1918 году вышла его книга «Великая Французская революция».

Лето 1918 года он опять провел в Зайцево, а летом 1920-го выехал в Аносово, где прожил более года, читая лекции крестьянам и работая над книгами по истории и социологии. Прочел ряд лекций и в Сычевке – в обмен на бесплатную доставку семьи в Аносово. Тот период

можно назвать сравнительно спокойным и благоустроенным. Но по возвращении в Петроград Николай Иванович оказался в бедственном положении: профессорского жалованья стало явно недостаточно, литературная деятельность ограничивалась фактической невозможностью публикаций. 1920 и 1921 годы

Кареев описывал так: «Вспоминаются холод, тьма, недоедание, безденежье и невозможность многое достать и за деньги». Семья профессора поселилась в двух сырых комнатах, так как свою квартиру он еще прежде уступил художнику М.В. Добужинскому. Это было время постоянного поиска еды и дров, голодных обмороков и дырявой обуви. Кареев подрабатывал случайными лекциями, жена занималась шитьем. Доходы от литературной деятельности возобновились в 1922 году. Однако новая власть всячески напоминала о себе. После 1924 года Кареева фактически отстранили от преподавания, прекратилась и публикация его научных трудов. В 1926-м – новое несчастье: смерть жены. В декабре 1928-го арестован сын Константин. Правда, уже 4 февраля 1929 года его освободили: вероятно, это связано с тем, что примерно тогда же Кареев был избран почетным членом АН СССР. Теперь он получал персональную пенсию, читал лекции в Академии наук. После реквизиции Аносова Николай Иванович любил проводить летние месяцы в санатории Центральной комиссии по улучшению быта ученых в селении Узком, в бывшей усадьбе Трубецких, где в 1900 году скончался друг его юности В.С. Соловьев.

Казалось бы, жизнь почти восьмидесятилетнего старика вошла в привычную колею... Но 18 декабря 1930 года на заседании методологической секции общества историков-марксистов академик Н.М. Лукин обвинил Кареева в «антимарксистских выкриках», фактически связав его деятельность с недавним процессом Промпартии. В сущности, это был донос, отравивший жизнь историка: он писал письма, оправдывался, ждал новых выпадов со стороны «истинных представителей марксистского учения». 18 февраля 1931 года Н.И. Кареев скончался.

«То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь...» Василий Андреевич Караулов

Алексей Кара-Мурза

Василий Андреевич Караулов (1854–1910), человек удивительной судьбы, проделавший путь от радикального народничества к либерализму, родился в Торопецком уезде Псковской губернии в семье потомственного дворянина. Обучался в витебской гимназии, затем – в Санкт-Петербургском и Киевском университетах, но, увлекшись политикой, курса не окончил. Вместе с братом Николаем работал в «Синем Кресте» – обществе помощи политическим ссыльным и заключенным, являлся агентом Исполнительного комитета «Народной воли». После разгрома организации в 1883 году уехал в Париж, где участвовал в совещаниях оставшихся на свободе народовольцев. Вместе с Германом Лопатиным и Львом Тихомировым был участником партийного суда над провокатором С. Дегаевым. По возвращении в Россию, в качестве уполномоченного нового Исполнительного комитета, – арестован в Киеве и привлечен к военно-полевому суду по «процессу 12-ти народовольцев».

Прокурор требовал квалифицировать их преступления по 249-й статье Уложения о наказаниях, карающей за антигосударственные деяния смертной казнью. Однако у подсудимых оказалась сильная защита. Возглавил группу адвокатов такой мэтр, как Л.А. Куперник, о котором на Юге России ходила пословица: «Где Бог отступился – там еще можно к Купернику пойти!» Главным помощником Куперник взял восходящую звезду киевской адвокатуры А.С. Гольденвейзера. Свой отпечаток на ход и итоги процесса наложила также личность председательствующего на суде генерала П.А. Кузьмина. В 1849 году выходец из дворянской старообрядческой семьи, тридцатилетний штабс-капитан Генерального штаба Кузьмин был арестован по доносу провокатора Антонелли и провел пять месяцев в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости (вместе с М.В. Петрашевским, Ф.М. Достоевским и др.), а затем судим по знаменитому «процессу петрашевцев». Тогда Кузьмин сумел виртуозно самооправдаться и вышел на свободу. Но брезгливость к провокаторам он, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта, судя по всему, сохранил на всю жизнь.

Итак, защите, во главе с Куперником и Гольденвейзером, удалось расшатать обвинение и вывести подсудимых из-под 249-й статьи. В итоге: ни одного смертного приговора, трое оправданы. В.А. Караулова приговорили к четырем годам каторжных работ с последующей высылкой на поселение. Высшие власти остались крайне недовольны: министр внутренних дел граф Д.А. Толстой лично запросил киевского генерал-губернатора А.Р. Дрентельна о причинах столь мягкого приговора. Тот ответил, что «каторжные работы, хотя бы и на четыре года, он не может считать мягким наказанием». Тем не менее генерала П.А. Кузьмина отстранили от должности председателя Киевского военно-полевого суда.

Осужденных по «процессу 12-ти» отправили сначала в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а в конце декабря 1884 года перевели в Шлиссельбургскую тюрьму на Ореховом острове у истока Невы из Ладожского озера (она получила недоброе имя «сухой гильотины»). Летом 1884 года здесь, рядом со «старым корпусом» («Секретным домом», который заложил еще Петр III), была, под личным контролем императора Александра III, открыта «новая тюрьма», построенная «по американскому образцу»: сорок камер-одиночек 3,5 на 2,5 метра.

О шлиссельбургском заточении Караулова рассказал общавшийся с ним в тюрьме Н.А. Морозов, впоследствии выдающийся ученый. После того как несколько человек предприняли попытки самоубийства и режим был несколько смягчен, арестантам разрешили парные про-

гулки. В пару Морозову давали сошедших с ума заключенных: сначала Н.П. Щедрина, а потом В.П. Конашевича. «Кто не испытал этого сам, тот никогда не будет в состоянии понять, что значит жить в полном одиночестве в мрачной камере, как в могильном склепе, и день и ночь, целые годы, и в то же время думать, что приближается час, когда вы очутитесь вдвоем с сумасшедшим, который все время будет поверять вам свои галлюцинации, и вы ничем не будете в состоянии отвлечь его от них... Я чувствовал, что сам каждую минуту могу сойти с ума», – писал Морозов. Но неожиданно напарника снова сменили – им оказался Василий Караулов. «Мы начали перебирать знакомых, и я убедился, что он плохо говорит и путается в словах только потому, что отвык от разговоров... Караулов был для меня вестником лучших дней в неволе, а прогулки сделались настоящим праздником!.. И кто знает, сохранился бы мой рассудок, если бы он не явился ко мне на помощь как раз в то время, когда я в этом более всего нуждался... В полтора с лишком года наших ежедневных свиданий мы, конечно, истощили все предметы личных разговоров и поневоле начали уходить в область науки и говорить о великих проблемах физики и астрономии, которые тогда волновали не только меня, но и его».

Известная революционерка Вера Фигнер, знавшая Василия Андреевича еще до его ареста, впоследствии также узница Шлиссельбурга, вспоминала: «Это был, как говорится, ражий детина, громадного роста, широкоплечий, жизнерадостный, с лицом – кровь с молоком... Этот брызжущий здоровьем атлет вышел из Шлиссельбурга с лицом покойника». В 1888 году Караулова отправили на поселение в село Усть-Уду на реке Ангаре (Балаганский округ), позднее разрешили перебраться в село Устюг, поближе к Красноярску. А в 1893-м, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, Караулов был переведен в сам Красноярск.

Существует версия, что молодой народоволец Караулов стал одним из прототипов (наряду с итальянцами Гарибальди и Мадзини, англичанами Байроном и С. Рейли, украинцем Степняком-Кравчинским) карбонария Артура Бертон – героя романа английской писательницы Этель Лилиан Войнич «Овод». Дело в том, что во время своего приезда в Россию в 1887–1889 годах (Василий тогда находился в Шлиссельбурге, а потом в ссылке) Этель Буль (будущая Войнич) довольно долго жила в петербургской квартире Карауловых, а также в их псковском имении, где работала над материалами о русском освободительном движении. Судьба сына-заключенного была постоянным предметом обсуждений в карауловской семье.

В Красноярске ссыльный В.А. Караулов – уже убежденный либерал, глубоко верующий христианин и противник политического террора. Он фантастически много читает, изучает языки, занимается частным преподаванием. Особенно углубленно развивает знания, полученные в юности по юриспруденции. Одна из его красноярских учениц, А. Черемных, написала: «Через его руки проходило почти все, что готовилось в гимназию или, поломанное нашей педагогической бюрократией, выброшенное за борт, готовилось держать экстерном. Большинство культурной молодежи енисейской губернии были учениками В.А., и целые поколения воспитывались под его благотворным влиянием. В.А. целыми днями бегал по урокам, как бедный студент». По словам мемуаристки, Караулов и его жена-врач, приехавшая к мужу в ссылку, играли тогда «первую роль в рядах красноярской идейной интеллигенции»: «В далеком сибирском захолустье, выброшенные за борт общественной жизни, они твердо и уверенно несли маленький светоч культурных общественных интересов среди холодных сибирских снегов, диких буранов и полновластия сильных мира сего».

А. Черемных вспоминала также, что Василий Андреевич обладал «редкой, своеобразной речью, то полной тонкого изящного юмора, то беспощадного сарказма, или мягкой, доходящей до нежности сердечности» и «неотразимо покорял всех, кто имел счастье знать его близко». Эти его особенности затем ярко проявятся в стенах Государственной думы. Ученица Караулова хорошо запомнила один из его любимых рассказов о начале работы в Красноярске: «Наконец приехала ко мне в Сибирь жена, получила она место врача, заведующего амбулаторией. Я же бьюсь, бьюсь как рыба об лед, никакого заработка найти не могу: „поднадзорный – и баста!“

Стыдно, понимаете, на жениных харчах было пробиваться. Росту я чуть не в сажень косую, аппетит адский, а работы никто не дает. А я, кажись, своротил бы гору работы – силой Бог меня не обидел. Стал я просить жену, чтоб устроила меня сторожем при амбулатории. Оказала она мне протекцию, жалованья положили мне 5 рублей и сказали, что в обязанности мои входит мытье склянок под лекарство. Обрадовался, служу при амбулатории. Засучил рукава, мою склянки, но только комнатка-то давалась мне маленькая, как чуть неосторожно повернусь – трах!..

Летят мои склянки вдребезги! Что за чертовщина! Скляночки малюсенькие, а ручища у меня огромная, – никак не приноровлюсь!.. Стала жена за месяц отчет писать, посуды больше чем на восемь рублей не хватает».

В первые годы нового века Василий Караулов – один из основателей красноярского Союза освобождения, затем – местной организации Конституционно-демократической партии. К этому времени он овдовел: П.Ф. Личкус скончалась от быстротечной чахотки. В ноябре 1905-го Караулов, частично амнистированный по Манифесту 17 октября, стал участником исторического съезда земских и городских деятелей в Москве. При обсуждении вопроса о будущем устройстве России примкнул к умеренным, поддержав конституционно-монархическую позицию их лидера, графа П.А. Гейдена. В стенограмме съезда имеется такая запись: «Г-н Караулов (Енисейская губ.) заявил, что он провел 24 года в тюрьмах и крепостях по политическим преступлениям, но не верит в осуществление демократической республики в России и присоединяется к гр. Гейдену от лица тех, которые послали его сюда». Однако по большинству других принципиальных вопросов он солидаризировался с кадетами, в том числе и по разделившему их с октябристами-«гучковцами» вопросу об автономии Польши. Правда, и здесь Караулов предложил формулировку, которая могла несколько смягчить ситуацию: «польскую автономию» он предложил называть «областным самоуправлением на началах общеимперской конституции»; однако эта компромиссная поправка была отклонена кадетским большинством.

Еще один участник ноябрьского земско-городского съезда, завершившего свою работу в московском («мавританском») особняке А.А. Морозова на Воздвиженке, П.Б. Струве, позднее вспоминал, что именно тогда близко познакомился с Василием Андреевичем: «То было время, когда трудно было идти против охватившего общество радикального возбуждения, перед которым пасовали отчасти по слабости, отчасти по оппортунистическому расчету и целые общественные группы, и отдельные лица... С той памятной встречи, когда в буфете-подвале Морозовского палатца шлиссельбуржец-каторжанин Караулов подошел ко мне и, выражая сочувствие моему „умеренному“ заявлению, только что перед тем вызвавшему свист и шипение с хоров, протянул руку для знакомства, мы никогда не расходились ни по взглядам, ни по настроению».

Вернувшись в декабре 1905 года из Москвы в Сибирь, В.А. Караулов на ряде многочисленных собраний и в либеральной печати решительно выступил в защиту конституционалистской тактики своей партии и против экстремизма революционных организаций. Его умеренная позиция привлекла благожелательное внимание самого премьер-министра графа С.Ю. Витте, искавшего союзников в среде российской общественности. Вопреки скепсису министра внутренних дел П.Н. Дурново, Витте увидел в эволюции взглядов этого политического деятеля (от народовольчества – к конституционному демократизму) положительный пример в борьбе с крайностями революции. В докладной записке на Высочайшее имя премьер полагал «весьма полезным отменить лежащие на Караулове ограничения, дабы тем дать ему возможность более широкого служения здраво им понимаемому патриотическому долгу». В результате 2 февраля 1906 года ему было даровано полное помилование. Восстановленный во всех правах, он регистрируется частным поверенным при Красноярском окружном суде, активно сотрудничает в красноярской либеральной газете «Сибирь».

На выборах в I Думу кадетам удалось провести в выборщики по Енисейской губернии нескольких своих лидеров: В.А. Караулова – в Красноярске, А.М. Трескова – в Ачинске, А.А. Станкеева – в Енисейске. Однако губернское собрание избрало депутатами Думы значительно более левых кандидатов, примкнувших затем в Петербурге к «трудовой группе», – шушенского крестьянина Симона Ермолаева и минусинского врача Федора Николаевского.

Похожая история повторилась во время избирательной кампании во II Думу, в которую теперь активно включилась и красноярская организация социал-демократов, которая ранее выборы бойкотировала. Именно социал-демократам удалось провести в губернское собрание наибольшее число своих выборщиков, двое из которых – рабочие Иван Юдин и Федор Никитин были избраны депутатами. Правда, власти отменили избрание Никитина, и его место в Думе от Енисейской губернии занял близкий к социалистам-революционерам священник Александр Бриллиантов.

Осенью 1907 года, на выборах в III Думу, конституционного демократа В.А. Караулова в очередной раз избрали выборщиком от Красноярска. 23 сентября он выступил на общегородском предвыборном собрании граждан (на нем присутствовало около 600 человек). Главный смысл его речи передает заключительная фраза: «Правые смотрят в XVII век, а крайние левые – в XXI. Задача момента заключается не в организации пролетариата для борьбы с буржуазией, а в отстаивании конституционных начал общими силами всех прогрессивных групп».

Активным оппонентом частного поверенного, кадета В.А. Караулова был на тех выборах лидер местного отделения Союза русского народа, о. Варсонофий Захаров, также ставший выборщиком от Красноярска. Черносотенцы представили тогда в губернское управление список тех, кого, по их мнению, следовало лишить избирательных прав. Против каждой фамилии стояли пометки: «сидел в тюрьме», «находится под надзором» и т. д. Одним из первых в списке значилась фамилия Караулова.

25 октября 1907 года в Красноярске, в помещении губернского Общественного собрания, состоялись выборы депутата III Государственной думы от Енисейской губернии (в соответствии с «третьеиюньским» избирательным законом квота от губернии была сокращена до одного человека). Участвовали двадцать восемь ранее избранных выборщиков, но в первом туре ни один кандидат не набрал большинства голосов. Лидер черносотенцев, о. Варсонофий, вообще получил всего один голос и отказался от дальнейшей борьбы. На следующий день прошла повторная баллотировка, которая принесла победу В.А. Караулову (18 голосов из 27). 29 октября он выехал из Красноярска в Петербург для участия в открытии III Думы: проводы на железнодорожном вокзале и напутственные речи стали заметным событием в жизни города.

В Петербурге товарищи по партии помогли Василию Андреевичу снять небольшую квартиру в знаменитом «кадетском доме» № 7 на Потемкинской улице. Здесь, совсем рядом с Таврическим дворцом, он проживет три года со второй женой, Ольгой Ивановной, вплоть до своей смерти в декабре 1910 года.

В III Думе В.А. Караулов вошел во фракцию конституционных демократов и – одновременно – в «Сибирскую парламентскую группу», которая также находилась под кадетским влиянием. Он активно работает в комиссиях по вопросам вероисповедания (председатель – правый епископ Евлогий, затем октябрист П.В. Каменский), по делам Православной церкви (председатель – октябрист, затем член фракции националистов В.Н. Львов) и местному самоуправлению (председатель – лидер умеренно правых, затем националистов П.Н. Балашов). Однако наибольшую известность, как в стенах Думы, так и в обществе, принесло ему председательство в комиссии по старообрядчеству. В нее вошли также известные политические деятели различных направлений: лидеры октябристов А.И. Гучков и М.Я. Капустин, влиятельный кадет В.А. Маклаков, епископ Евлогий (Георгиевский), ультраправый Г.А. ГЦечков и др.

Отдавая много времени работе в комиссиях, конституционалист Караулов твердо придерживался линии на конструктивную работу с другими думскими фракциями и правитель-

ством, на так называемую органическую работу, часто повторяя: «Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан». И эти усилия принесли успех: он фактически стал основным экспертом и оратором либеральной части Думы по вероисповедным вопросам, оказавшимся в 1907–1910 годах в центре внимания народного представительства.

Уже в ходе первой сессии III Думы, в конце 1907 – начале 1908 года, сибирский депутат показал себя влиятельным парламентарием, органично соединившим в себе глубокую христианскую религиозность с неменьшей верой в либеральные права и свободы человека. Для молодого российского парламента это было необычно: религиозную тематику всегда активно эксплуатировали правые, в то время как левые, рассуждая о правах и свободах, как правило, избегали говорить о религии. Именно В.А. Караулов, поначалу чуть ли не в одиночку, сумел организовать в Думе своего рода «центр» – не формальный, а глубоко содержательный, поставив во главу угла идеи «христианского либерализма». Его усилия оценили не только в родной кадетской партии, где практически не было специалистов по вероисповедным вопросам, но и значительное число доминирующих в Думе октябристов, либеральная часть которых быстро разглядела в нем полезного союзника в борьбе с правыми и националистами. Намечающийся идейный союз октябристов во главе с А.И. Гучковым и не чуждающихся вопросов религии кадетов (В.А. Караулова, В.А. Маклакова, В.С. Соколова) быстро принес новому «центру» конкретные кадровые и политические дивиденды. Так, личное оппонирование Караулова – товарища (заместителя) председателя вероисповедной комиссии – ее председателю, правому епископу Евлогию, привело к быстрой отставке последнего и его замене октябристом П.В. Каменским. В свою очередь, октябристы поддержали идею создания отдельной думской комиссии по старообрядческим вопросам и избрание В.А. Караулова ее председателем.

Первым концептуальным выступлением Василия Андреевича в III Думе стала его большая речь 22 марта 1908 года с изложением позиции кадетской фракции по утверждаемой Думой смете Святейшего синода. Высказанные тогда идеи и предложения явились характерным воплощением христианско-либерального мировоззрения Караулова. С одной стороны, он поддержал идею разгосударствления церковной жизни, подчеркнув, что «деятельность правительства в XVIII столетии, в первой его половине, передавшая в распоряжение государства громадное большинство средств церквей и монастырей, была нарушением как гражданского, так и канонического права». Однако, с другой стороны, он решительно высказался в пользу демократизации самой церкви, перенесения центра православной жизни с церковной иерархической субординации на жизнь самоорганизующихся православных приходов. Отметив, что «основа всякой церковной организации – несомненно приход» и что «фактически в настоящее время приходов у нас не существует», оратор обозначил главные проблемы русского православия: «Зло заключается в фактически 2Угвековом уничтожении внутри присущего нашей православной церкви соборного начала, зло заключается в фактическом упразднении основной церковной общественной ячейки – прихода, потому что мы имеем церковь как здание, имеем священников, но не имеем приходов как общественной организации. Зло заключается в том, что у нас в настоящее время церковь мыслится не как союз верующих, а как иерархия, да вдобавок еще подчиненная государству. Вот устранение этих зол и будет снятием тяжелой государственной руки, и, я сказал бы, нечистой для этого дела, государственной руки со святого дела церкви». От имени кадетской фракции Караулов призвал увеличить правительственное финансирование именно приходов, ибо это «является первым шагом к освобождению церкви из пленения вавилонского государства, оно является первым шагом к восстановлению утраченного церковью соборного начала и первым шагом к учреждению прихода как общественно-церковной организации. *(Рукоплекания в центре и слева.)*»

Понимая, что монополия на определение религиозной политики уходит из рук правых в сторону сложившегося октябристско-кадетского центра, Святейший синод, непосредственно руководивший значительной частью депутатов от духовенства, попытался перейти в контрна-

ступление. В конце мая 1908 года, незадолго до думских каникул, один из лидеров правых епископ Митрофан (Краснопольский) предложил Думе расширить состав комиссий по вероисповедным вопросам и по делам Православной церкви за счет крестьянских депутатов. «Менее искусное в диалектических тонкостях, которые приобретаются преимущественно на адвокатском и судебном поприщах, – аргументировал епископ, несомненно причисляя к лицам, поднаторевшим „на адвокатском поприще“, и частного поверенного Караулова, – духовенство, естественно, в словесных турнирах, в которые превратились заседания комиссий вероисповедной и по делам Православной церкви, должно было уступить своим оппонентам, а это значит не отстоять свою церковную точку зрения на предметы веры... Некоторые постановления, принимаемые указанными выше думскими комиссиями, производят сильное смущение в умах и сердцах верующего народа».

Коллегу-епископа поддержал и преподобный Евлогий. Он рассказал, что ему пришлось уйти с поста председателя комиссии по вероисповедным вопросам, так как «направление ее работ противоречит интересам Православной церкви», и тоже предложил включить в комиссию депутатов-крестьян, «ввиду не соответствующего интересам православной веры направления в рассмотрении вероисповедной комиссии вопросов». В.А. Караулов вынужден был ответить: «Такую редакцию этого предложения я считаю для нас, православных членов комиссии, оскорбительной и недопустимой. *(Бурные рукоплескания.)*»

С прямыми нападками на Караулова выступил на этом заседании и его постоянный оппонент, правый курский депутат Г.А. Щечков. Выпускник Московского университета, дипломированный юрист, бывший земец, ставший черносотенцем, он странным образом соединял в себе восторженную англоманию со столь же искренним антисемитизмом. «Я стою за участие крестьян в этой Комиссии, – сказал Щечков, – но не так стою, как Караулов и другие сочлены его по фракции, которые кричат о благе крестьян и между тем желают уничтожить крестьянское сословие и заменить его еврейским всесветным рассеянием. *(Смех; Милюков с места: Какая гадость! Г-н Председатель, остановите его!)*» Члены Думы большинством голосов отклонили идею расширения комиссий.

Больше полутора лет комиссия по старообрядческим вопросам во главе с В.А. Карауловым скрупулезно работала над поправками к проекту закона о старообрядческих общинах, внесенному в Думу министром внутренних дел. Для председателя комиссии это время не только работы над текстом закона, но и постоянных поездок по старообрядческим общинам по всей стране. 12 мая 1909 года он наконец выступил с большим докладом. В нем, от имени комиссии, предлагалось внести в министерский проект ряд принципиальных поправок. Проект предусматривал закрепление за старообрядцами (а их к тому времени в России насчитывалось не менее 12 млн) не только права на их веру, но и на ее проповедование. По мнению докладчика, «исповедание веры, ни логически, ни нравственно, ни юридически, неотделимо от понятия проповедания», ибо «проповедание составляет неотделимую часть самого исповедания, являясь для исповедающих известное вероучение обязанностью». Согласно проекту «комиссии Караулова» уменьшалось число лиц, имеющих право ходатайствовать о создании общины (с пятидесяти до двенадцати) – «дабы учесть ситуацию в отдаленных краях Империи, малонаселенных, каковою является вся Восточная Россия». Разрешительный порядок регистрации старообрядческой общины заменялся явочным, равно как и утверждение духовных лиц и старост – на их простую регистрацию в губернских правлениях. Предлагалось также закрепить за духовными лицами старообрядческой веры официальное наименование «священнослужители по старообрядчеству», приближавшее их к статусу священников Русской православной церкви.

Думские правые и националисты резко выступили против этого проекта закона, называя его «разрушением устоев российской государственности». Лидер правых В.М. Пуришкевич заявил: «Нами, справа сидящими, чувствуется, что этот вопрос, обсуждаемый здесь с трибуны Государственной Думы, составляет эру в духовной жизни России». Цель левых – «создать

рознь между нами, представителями православия»: «В этом лежит подкладка тех поправок, которые сами по себе не имели бы большого значения, если бы не преследовали глубоко ненавистной нам политической цели – создать раздор и разлад и всадить клин между нами и ими. (*Бурные рукоплескания справа.*)» Пуришкевич заметил, что еще исторические предшественники Караулова, «либералы-западники во главе с Герценом», поддерживали старообрядческих раскольников, «так как раскол вел, по их представлениям, к церковному индифферентизму, и они приравнивали его к политическому либерализму»: «Они полагали, что путем поддержки раскола возможно будет достичь социальных реформ и государственного переворота. Вот эта точка зрения: достичь государственного переворота путем культурного отношения к расколу – и была главной причиной того, что они пропагандировали свободу раскола, свободу старообрядчества».

Другой критик проекта, епископ Евлогий, заявил: под видом разрешения «проповедывания» проект Караулова узаконивает за старообрядцами право «религиозной пропаганды», что неприемлемо. «Здесь речь идет не о простой проповеди как принадлежности богослужения, а здесь вводится новое, хотя, может быть, несколько замаскированное начало, именно свобода пропаганды, свобода привлечения последователей из других вероисповеданий, не исключая и православного... Защищая православие, мы заботимся также о русской государственности».

Эта аргументация не осталась без возражений. 13 мая 1905 года В.А. Караулов заявил с думской трибуны, что предложение правых сохранить за Православной церковью монопольное право религиозной пропаганды ведет к деморализации и деградации самой господствующей Церкви: «Я полагаю, что именно те средства, средства затыкания чужого рта, средства пресечения иного мнения, привели Православную церковь к тому состоянию слабости и дезорганизации». Он сравнил нынешнюю ситуацию с печальной памяти временами гонений на последователей протопопа

Аввакума: «Пропаганда была строго запрещена. За пропаганду жгли. Аввакума сослали в ледяные сибирские пустыни и затем в Пустозерском остроге сожгли, чтобы пресечь его голос, а этот же Аввакум написал о своих страданиях страшную книгу, которая в течение десятков поколений жгла сердца многих миллионов старообрядческих масс (*рукоплескания в центре и слева*), которая создавала в ее среде десятки таких же Аввакумов, бестрепетно шедших на страдания и смерть. Эти меры создавали то, что к пропаганде, которую они прекратить никогда не могли, они прибавляли ореол мученика для проповедников... Теперь не будет плетей, костра, а будет каталажка, вонючая полицейская каталажка, арестный дом, высылка; но неужели же вы думаете, что то, чего нельзя было прекратить плетями и кострами, можно прекратить полицейскими каталажками?» Василий Андреевич призвал депутатов не бояться слова «пропаганда»: «Была пропаганда, есть она, и будет она, и фактически вы ей воспрепятствовать не можете, всякими запрещениями вы ее усиливаете, и в этом не одна невыгодная сторона этого вопроса для православия: есть и другая. Те, кто употребляют такие меры, обращают невыгодные последствия не на тех, против кого они их употребляют, а уменьшают силу тех, кто их употребляет; и в этом, гг., есть историческая Немезида... Наша церковная иерархия за приказно-полицейским хребтом привыкла больше рассчитывать на этот приказно-полицейский хребет, чем на истинно церковное и христианское воздействие, чем на силу слова и на силу примера христианского действия».

Оратор привел и более близкий исторический пример – «идейное безволие» официальной Церкви и гонения на реформаторов православия в годы «николаевской реакции». Это был сильный полемический и политический ход: Караулов поставил в центр своих рассуждений имя русского мыслителя Алексея Степановича Хомякова – родного отца ведущего думское заседание председателя III Думы Н.А. Хомякова. «Я опять обращаюсь к той эпохе, когда Церковь не принимала со своей стороны никаких мер и когда нашелся светский человек, мирянин, глубоко преданный делу православия, одаренный блестящим диалектическим талантом, глубо-

кий знаток церковных вопросов, он поплыл против течения, и Церковь приняла ли его услуги? Та самая духовная цензура, которая... существует для того, чтобы удерживать на высоте моралитет православной проповеди, не разрешила сочинений А. Хомякова; они были напечатаны где-то за рубежом, в Праге, и в то время, когда в них более всего нуждалось образованное русское общество, уходившее из церкви, они были достоянием немногих избранных... А теперь, гг., когда мы, образованные и верующие миряне, обращаемся с предложением, имеющим в своей основе желание прекратить этот церковный сон, восстановить Церковь в ее значении и силе, что мы получаем в ответ?.. Теперь нам предлагают... продолжать удерживать за Церковью эту, как говорили здесь даже иерархи Церкви, драгоценнейшую привилегию, привилегию затыкания рта, гашения свободного человеческого духа, в высших своих порывах ищущего своего Бога. (*Рукоплекания левой и в центре.*) Это не привилегия, это пятно, наложенное на Церковь, и чем скорее это пятно мы снимем, тем лучше сделаем мы для Церкви, тем скорее возвратим ее к той великой задаче, которую она должна делать. (*Рукоплекания левой и в центре; голос справа: жидовствующая ересь.*)»

В защиту «проекта Караулова» высказались не только его соратники по кадетской фракции (П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, В.С. Соколов), не только лидеры левых (Н.С. Чхеидзе), но и – что принципиально важно – значительная часть октябристов. Решающим стало выступление лидера думской фракции «Союза 17 октября» А.И. Гучкова. (На его позицию, несомненно, оказали влияние факты собственной биографии. Когда-то прадед Гучкова, крупный промышленник и лидер московских старообрядцев, был арестован и сослан фактически за отказ вступить в коммерческую сделку с московским губернатором Закревским. А его деда буквально принудили, для сохранения семейного дела и политической карьеры, перейти из старообрядчества в единославие.)

Выступив на заседании 15 мая, Гучков согласился, что к обсуждаемому в Думе закону о правах старообрядцев действительно «приковано внимание всей России», и отметил «ту блестящую защиту, которую нашел доклад комиссии по старообрядческим вопросам здесь и со стороны докладчика, и со стороны других ораторов». В то же время «та убогая аргументация, которая была выставлена противниками, как вы видели, вынуждена была прикрываться пафосом и громкими словами, чтобы несколько замаскировать свое убожество»: «И напрасно старались с правых скамей инсинуировать, будто бы все это подсказано какой-то политической, некоторые говорили даже, еврейской интригой; старообрядцы будут донельзя удивлены, когда узнают, что их давнишние, заветные, коренные требования оказываются продуктом еврейской или кадетской интриги».

По мнению Гучкова, не должен вызывать удивления тот факт, что «в настоящее время старообрядцы только в твердых нормах закона ищут гарантии своим правам... Та боязливость и подозрительность в отношении к светской власти, которую вы чувствуете в этих требованиях, разве они не находят себе объяснения в том, что в течение двух с половиной веков старообрядчество, вместе с еврейством, составляло самый богатый источник доходов, предмет эксплуатации для низшей, средней, даже высшей администрации. (*Голоса в центре и слева: верно.*) Поговорите со старообрядцами, и они вам укажут, кого они содержали: не только исправники и становые, не только губернаторы, но и генерал-губернаторы пребывали на содержании у старообрядчества. (*Рукоплекания левой и в центре.*) И вот старообрядцы хотят раз навсегда смахнуть с себя это вмешательство». Концовка речи вызвала овации думского большинства; на том же заседании 15 мая 1909 года законопроект в редакции «комиссии Караулова» был принят.

Переданный в верхнюю палату, Государственный совет, Закон о старообрядчестве подвергся там еще более резкой критике. Поход на него, при опоре на ортодоксальные круги Русской православной церкви, возглавил лидер правых в Госсовете П.Н. Дурново. Когда-то, двадцать лет назад, в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости, где отбывал наказание народоволец В.А. Караулов, заходил с инспекцией тогдашний директор Департамента полиции

П.Н. Дурново... В созданной согласительной комиссии двух палат российского парламента они снова встретились один на один.

В конце мая 1909 года III Дума приступила к обсуждению следующего законопроекта – об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое. В основу легли предложения Министерства внутренних дел, но комиссия по вероисповедным вопросам под председательством октябриста П.В. Каменского внесла серьезные поправки в сторону либерализации нового законопроекта. Активную роль в его разработке сыграл В.А. Караулов; он имел большое личное влияние на Каменского и позднее говорил: «Я до гробовой доски буду горд той мыслью, что в этом законе есть хоть малая капля моего меда».

Василий Андреевич выступил с большой речью в поддержку законопроекта на пленарном заседании Думы 23 мая 1909 года. Прежде всего он констатировал: правые ораторы и вместе с ними вся правая пресса полагают, что если в «старообрядческом законе» либералы-правозащитники «подкапывались под основания Православной церкви», то при обсуждении нового закона о возможности смены вероисповедания они «уже идут против самого христианства». В противовес правой демагогии был выдвинут контртезис: «Мы выставляем этот закон и защищаем его как основной принцип именно христианского государства». По мнению выступавшего, русские клерикалы уподобляются древним римлянам. Те, преследуя первых христиан, говорили о «пользе римской государственности»; точно так же ведут себя современные русские клерикалы, оправдывая религиозную нетерпимость «пользой российской государственности». Подлинное же христианское сознание несовместимо с религиозной нетерпимостью: «Свободу совести создало христианство, ее принес на землю Христос, учивший, что всякое деяние постольку в нравственном и религиозном смысле ценно, поскольку оно исходит из свободного произволения человеческой души». Караулов призвал различать христианское сознание русского народа и клерикальную нетерпимость его псевдорадетелей: «Наше церковное здание было заставлено целыми лесами различных полицейских подпорок и перегородок, закрывавшими его величаво-приветливую, уютную красоту... Нам говорят, нельзя вводить свободу совести ввиду православных чувств русского народа. Этот довод, гг., приводился всегда, когда хотели удержать путы на чьей-либо совести... Русский народ оказался терпимее и выше тех поклепов, которые на него систематически возводились. (*Голоса слева: bravo; рукоплескания в центре и левой.*)»

В.А. Караулов выступил против поправки представителей Священного синода (в Думе ее огласил епископ Евлогий), которая запрещала лицам, находящимся на действительной службе, в том числе военной, переходить из православной веры в другие вероисповедания. «Я не понимаю, как для христианина можно сказать, что святая святых человеческой души, союз этой души с Богом, к которому она стремится, союз ее с Творцом и Зиждителем вселенной, может быть отодвигаем на задний план техническими соображениями какой бы то ни было службы. (*Голоса слева: bravo.*)» Напротив, люди военного сословия, защитники государства, более, чем кто-либо, заслужили гарантии свободы совести, ибо «они, чтобы предотвратить от государства опасность, должны стать лицом к лицу со смертью», и «нужно, чтобы эти люди были уверены в том, что их последние тяжелые минуты будут сопровождаться религиозным утешением той церкви, в которую они действительно веруют; с этой стороны удерживать их в церкви, от которой фактически душой они уже отпали, будет грехом, даже против боевой способности армии».

И на сей раз на стороне либерального законопроекта оказались не только конституционные демократы (в поддержку тезисов Караулова убедительно выступили П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, Ф.И. Родичев), но и такие влиятельные октябристы, как, например, М.Я. Капустин. Один из лидеров правых Н.Е. Марков (Марков 2-й), не без оснований подозревая, что за приверженностью части октябристов законопроекту стоит личное влияние Василия Андреевича, сказал: «Вот если бы г. Караулову удалось уговорить вероисповедную комиссию представить нам предположение об узаконении безбожия, то это было бы еще лучше, было бы еще яснее,

что подают яд, что подают отраву, что весь этот законопроект надо выбросить как можно скорее, как можно дальше».

В ходе дискуссии семьдесят девять правых членов Государственной думы подписали специальное заявление, в котором говорилось, что «ораторы слева... систематически позволяли себе надругательство над православием, совершенно неслыханное». Еще до решающего голосования лидер умеренно правых Н.Д. Балашов сделал заявление от имени своей фракции: «Вновь образовавшееся в Думе большинство, расширив пределы законодательного предположения, установило начала равенства перед законом религии христианской с еврейством, магометанством и даже язычеством. Признавая непреложной истиной, что величие и мощь Российской Империи покоятся на тесном и неразрывном союзе с первенствующей Церковью Православной, и находя, что распространительное толкование Высочайших предубаждений, допущенное большинством Государственной думы, пытается извергнуть Россию даже из сонма государств христианских, фракция умеренно правых, исчерпав все меры противодействия, воздерживается от дальнейшего обсуждения названного законопроекта». Тем не менее 1 июня 1909 года законопроект был принят «новым думским большинством», включая подавляющую часть октябристов.

Принятие двух весьма либеральных «вероисповедных законов» привело к расколу октябристской фракции и выделению из нее правого крыла, сблизившегося с правыми в Думе. Это, в свою очередь, означало распад блока октябристов и умеренно правых, который ранее служил главной думской опорой правительства П.А. Столыпина.

Активная позиция Караулова – убежденного антиклерикала и либерала-христианина – снискала ему славу одного из опаснейших противников для право-националистической части Думы и черносотенных сил в стране. Дело неоднократно доходило до прямых оскорблений с правых думских скамей, что затем становилось предметом широкого обсуждения в обществе. Так, 5 мая 1909 года Василий Андреевич включился в дискуссию по вопросу о восстановлении политических прав лиц, лишенных священнического сана или оставивших духовный сан: «Существует попытка самый церковный клир обратить в крайнюю политическую партию, и партию, для которой политическая терпимость и разборчивость в средствах не составляет характерной добродетели». В своей яркой речи он привел пример из «Московских ведомостей»: в 1908 году тридцать два епископа Русской Православной церкви стояли во главе отделов Союза русского народа. В этот момент волынский депутат, лидер житомирских черносотенцев П. В. Березовский (Березовский 2-й) с места громко крикнул Караулову: «Осторожник!» Тот парировал: «Член Государственной думы Березовский 2-й назвал меня осторожником. Я на такого рода замечания здесь не отвечаю. (*Бурные рукоплескания центра и левой.*) Я ни на одну секунду не могу забыть, что имею высокую честь в данную минуту говорить с трибуны русской Государственной Думы (*рукоплескания центра и левой*), с высокой трибуны законодательной палаты моего Великого Отечества, а не за захватанным, засаленным столом чайной Союза русского народа. (*Продолжительные рукоплескания центра и левой.*)» Оратор добавил: игнорируя факты репрессий внутри православной иерархии, «мы лишаем всякой свободы внутренней ту часть духовенства, которая не имеет желания следовать политическому катехизису Союза русского народа». Тут уже екатеринославский депутат, активный черносотенец В.А. Образцов с места крикнул: «Каторжник!», но Караулов спокойно завершил свою речь: «Надо восстановить в правах всех тех лиц, которые покидают духовное звание».

Еще больший резонанс в общественных кругах имел инцидент, случившийся на вечернем заседании Думы 18 мая 1910 года, при обсуждении вопроса о введении земств в западных губерниях. Когда Караулов, получив слово, вышел к трибуне, активный член Союза русского народа и «Союза Михаила Архангела», священник Александр Вераксин, громко крикнул ему: «Каторга!» В этот раз Василий Андреевич дал развернутую отповедь: «Да, почтенный отец, я каторга, и с бритой головой и с кандалами на ногах, я мерил бесконечную Владимировку за

то, что смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны в этом собрании... То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь. В той могучей волне, которая вынесла вас в эту залу, есть капля моей крови и моих слез... и это дает мне повод оправдывать мое существование перед Богом и людьми. (*Взрыв аплодисментов на левой и в центре.*)» Один из товарищей Караулова по кадетской партии, Ф.И. Родичев, впоследствии вспоминал: «Мы живо помним ту минуту, когда лаятель по призванию и служитель Бога любви по ремеслу обозвал его (Караулова. – А.К) грязным словом. Незабываемое зрелище. Вот они лицом к лицу: представитель России гонимой и представитель русских гонителей. Вот психология тех, кому русская жизнь роковым образом уготовила каторгу. Вот национальное лицо тех, которые притязают властвовать над душами и телами... Кто победит?»

В той же речи 18 мая В.А. Караулов ответил и на предложение епископа Евлогия существенно расширить квоту православных священников в земствах западных губерний (в обоснование этой позиции люблинский епископ приводил депутатам длинные цитаты из «Истории» В.О. Ключевского). «Я согласен с владыкой, – сказал Василий Андреевич, – русское духовенство сыграло большую и почетную роль в русской истории, и та характеристика, приведенная владыкою из Ключевского, к духовенству первых веков нашего христианства, к духовенству нашего раннего средневековья совершенно приложима, но с тех пор, как церковь была подчинена и порабощена государством, эта характеристика к духовенству неприменима... Это духовенство, это белое духовенство, бедное, несамостоятельное, подчиненное, привыкшее слушаться и боящееся не послушаться, потому, что оно знает, чем непослушание грозит, оно в земские собрания явится не со свободными голосами; оно в земских собраниях будет творить волю своего начальства, вольного голосования от него не ждите и не имеете права ждать... Я не враг низшего духовенства, я скажу, что оно невиновно, и ему обвинения этого я не брошу, от людей нельзя требовать героизма, и для них, чтобы быть самостоятельными, надо быть героями, на требования чего мы не имеем никакого права. (*Продолжительные рукоплескания левой, центра и на отдельных скамьях справа.*)»

Следует добавить, что после завершения этой речи председательствовавший князь В.М. Волконский постарался объяснить, почему он сразу не отреагировал на оскорбительную реплику о. Александра Вераксина: «За то слово, которое было сказано справа члену Государственной Думы Караулову, я не делаю замечания, ибо... на него ответил сам Караулов гораздо лучше, чем мог бы ответить я. (*Продолжительные рукоплескания левой, центра и на отдельных скамьях справа.*)»

Думская активность В.А. Караулова высоко подняла его авторитет в Конституционно-демократической партии: 15 ноября 1909 года он был кооптирован в ее Центральный комитет. На состоявшемся в те же дни партийном совещании Караулов, на примере работы над Законом о старообрядчестве, показал коллегам преимущества «органической» парламентской работы: «Здесь несколько раз уже нас приглашали бросить органическую работу и сделать думскую трибуну местом для провозглашения чистых принципов. Еще во время существования первой Думы я был противником такой точки зрения; теперь, после трех лет работы в комиссиях, я лишь укрепился в своем мнении». В отношении к поступившему в Думу законопроекту о правах старообрядчества перед кадетской фракцией «были два пути»: «Мы могли бы, не принимая участия в мелочной, детальной работе, ограничиться декларацией о безусловной свободе всякого исповедания, изложенной в трех строках: „старообрядцы свободны в своих делах“; но мы пошли другим путем и приняли за основание своих домогательств законопроект, выработанный самими старообрядцами». Выступавший напомнил, что «старообрядцы, эта наиболее консервативная часть населения, накануне созыва III Думы чуть-чуть целиком не вошли в Союз русского народа». Однако в результате большой работы думских либералов над проектом закона о старообрядчестве, которая стала известна всей стране, «мы добились того результата, что судьба законопроекта переводит 15 миллионов старообрядцев из правого

лагеря в левый, перевоспитывает их политически»: «Сейчас уже старообрядцы и не пойдут в Союз русского народа; понемногу они делаются сторонниками конституционного строя, на практическом примере видя, что в государстве деспотическом нельзя добиться свободы, что от сторонников старого строя им нечего ждать. В борьбе за свои права они ищут себе союзников – и так завязываются у них связи с нами». Хотя некоторые участники кадетского совещания с некоторым скепсисом отнеслись к сделанному докладу, лидер партии П.Н. Милюков активно поддержал его автора: «Может быть, не все 15 миллионов старообрядцев перешли в оппозицию, а значительно меньше, но, во всяком случае, крупных результатов мы добились... Отсутствие у нас репутации деловых работников поставило бы крест и на наших агитационных попытках».

20 октября 1910 года, менее чем за два месяца до кончины, Василий Андреевич выступил в думской дискуссии по проекту закона, внесенного министром народного просвещения, о начальных училищах. Комиссия по народному образованию во главе с октябристом фон Анрепом предложила, чтобы все церковно-приходские школы, входящие в сеть всеобщего обучения, были переданы в ведение Министерства народного просвещения и подчинялись уездным и губернским училищным советам. Правые и националисты увидели в этом новое посягательство на Православную церковь. «Ради самого Господа, во имя спокойствия и блага нашей родины, в великом и святом деле народного воспитания не делайте таких опасных экспериментов!» – восклицал епископ Евлогий. «Неужели вы думаете, что, колебля авторитет церковный, можно служить делу порядка? Колебля авторитет церковный, мы служим делу революции», – вторил ему националист В.Н. Львов, призывавший сохранить автономию православия в деле народного образования.

Оппонируя Львову, Караулов заявил: «Это не церковная автономия, а вавилонское пленение церкви... не вселенское православие, а цезаропапизм». Епископу же Евлогию, который заявил, что подчинение церковных школ есть покушение на заповедь Христа, сказавшего ученикам «шедше убо научите вся языки», он заметил: «Да, Христос сказал это ученикам, и ученики, нищие галилейские рыбаки и сирийские ремесленники, пошли, не в карете цугом в предшествование колокольного звона, а босиком, не в пышных одеждах из шелка, а в рубище, имея только Христово слово и непоколебимую веру в его силу. Они пошли и совершили историческое чудо: к стопам Господа и Учителя своего они повергли гордый Рим и принадлежащий ему тогдашний мир; они совершили это чудо не властью государства, которое их гнало, мучило и убивало, и власти от этого государства они не просили... Они знали, что церковь тогда только будет оказывать благотворное влияние на человеческое общество и разовьет всю свою духовную мощь, когда она будет церковью, а не ведомством».

В.А. Караулов выступил и на втором чтении законопроекта, 26 ноября 1910 года – за три недели до смерти. На этот раз он охарактеризовал клерикалистскую часть церковной иерархии, тесно смыкающуюся с политическим черносотенством: «В этой среде идеал не жизнедеятельность общества, не жизнедеятельность народа, а тленное спокойствие могилы. Они довели до маразма церковь, и теперь они хотят привести в столь же блестящее положение и государство. (*Рукоплескания слева.*)» Во время этого думского выступления правые демонстративно шумели, а когда председательствующий сделал им несколько замечаний, Пуришкевич нагло ответил: «Оратор нам мешает говорить».

Общественные интересы Караулова не ограничивались думской и партийной деятельностью. Он стал, например, активным членом Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (РФО), где сблизился с такими крупными интеллектуальными фигурами, как П.Б. Струве и Н.А. Бердяев. Его новые коллеги, в свою очередь, высоко ценили не только религиозно-философские убеждения Василия Андреевича, но и его уникальное умение претворять их в политическую жизнь. В статье, опубликованной в 1909 году в «Русской мысли», Струве призывал не смешивать два разнородных явления – «религиозность» и «клерика-

лизм». «Достаточно некоторого знакомства с историей новейшего времени, – писал он, – чтобы видеть, что положительная религия и даже преданность церкви отнюдь не обязывает к тому, что между всеми политически образованными людьми признается за клерикализм». В качестве «яркого доказательства» этого тезиса автор статьи приводил в пример деятельность такого человека, как Гладстон. «Но и у нас на глазах, кто в Государственной Думе выступал в защиту противоклерикальных и истинно государственных проектов вероисповедной реформы? – задавался вопросом Струве. – Главным застрельщиком в этой борьбе был такой религиозный и преданный православный человек, как В.А. Караулов».

За несколько месяцев до смерти Василия Андреевича его важную общественно-политическую роль оценил и Н.А. Бердяев. В статье, опубликованной во влиятельной либеральной газете «Утро России», которую издавали старообрядцы Рябушинские, выдающийся философ поставил его в один ряд с такими русскими религиозными мыслителями, как Федор Достоевский и Владимир Соловьев. Отмечая, что «вопрос о свободе совести – один из самых острых вопросов русской жизни, из тех вопросов, в которых дана точка пересечения внутренней жизни духа и внешней жизни общества», Бердяев напомнил о роли депутата Караулова в борьбе за свободу совести в России. «Борьба за свободу совести обычно ведется людьми, равнодушными к вере и церкви, и в этом случае борьба эта носит характер формальный. Но следует как можно чаще напоминать, что свобода совести бесконечно дорога людям верующим и чувствующим себя в Церкви, что для них свобода совести есть религиозная святость... Свобода относится к содержанию религиозной веры, т. к. христианство есть религия свободы. Вот почему самая страстная защита религиозной свободы принадлежит по праву верующим христианам – им дело это дорого по существу, а не формально. В Государственной Думе особенно горячо защищал свободу совести Караулов – верующий христианин».

В середине декабря 1910 года В. А. Караулов серьезно заболел пневмонией и 19 декабря скончался «от паралича сердца вследствие крупозного воспаления легких». В день похорон, 21 декабря, рано утром в квартиру покойного пришел полицейский пристав и в категоричной форме потребовал, чтобы ему показали все надписи на венках и лентах. Ввиду тесноты в квартире многочисленные венки были вынесены на лестницу и здесь тщательно осмотрены; после некоторого раздумья пристав признал их допустимыми. Гроб вынесли на руках соратники Караулова по кадетской партии – Шингарев, Колюбакин, Некрасов, Кутлер, Винавер. Учащая молодежь образовала вокруг гроба цепь – в начале одиннадцатого процессия стала двигаться к зданию Государственной думы. На Шпалерной, перед Таврическим дворцом, думское духовенство отслужило литию. Потом, по Потемкинской, Кирочной и Знаменской улицам, процессия двинулась в южную часть города, на Волково кладбище. Около одиннадцати часов пересекли Невский проспект. Корреспондент «Утра России» на следующий день написал: «На тротуарах огромное количество публики. Все углы Лиговки, Пушкинской и Знаменской густо усеяны народом». К полудню достигли кладбища. По просьбе старообрядцев им была представлена возможность нести гроб. Приехал из Москвы А.И. Гучков, который в числе других на руках выносил гроб из кладбищенской церкви. Организаторов заранее предупредили о запрете говорить над могилой «речи политического характера»: видимо, власти помнили, в какую манифестацию превратились недавние похороны С.А. Муромцева в Москве. Речь над могилой держал только близкий друг покойного – Некрасов: «Дорогой Василий Андреевич! Уста наши заграждены. Мы не можем говорить о том, что мы знаем, что сам ты считал наиболее драгоценным в своей жизни и деятельности. Говорить обиняками невозможно у отверстой могилы того, кто был вдохновенным проповедником вечной правды, и мы предпочитаем молчать... Сохраним же наши мысли о нем до того счастливого момента, когда, хороня своих друзей, мы сможем у их гроба свободно и смело давать оценку их личности и деятельности».

Через несколько дней после похорон в память о В.А. Караулове состоялось специальное заседание Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, активным членом кото-

рого он являлся. Известный философ и религиозный мыслитель А.А. Мейер вспоминал: «Для РФО этот человек был особенно дорог тем, что сумел в своей тонкой и чуткой душе совместить горячее и живое общественное чувство, заставившее его испытать все ужасы каторги, – с глубокой христианской религиозностью. Это было то сочетание, которое главные деятели общества, задававшие в нем тон, хотели видеть вообще в русской интеллигенции. Вечер в память Караулова снова подчеркнул, что РФО живет одной жизнью с русской интеллигенцией, но живет по-своему, не совпадая с нею, в ее все еще довольно упорном отчуждении от религии».

Некролог на смерть Василия Андреевича Караулова опубликовал в «Русской мысли» и другой лидер русского христианского либерализма – П.Б. Струве. «В этой замечательной фигуре образованного человека, верного церкви и церковной религии и страстно любившего политическую свободу и ее правовые формы, воплотилась одна из роковых загадок русской жизни. Не знаю как и почему, но душа его одинаково тянулась и к традиции, и к революции, и к старине, и к новизне. Она страстно искала слияния старины с новизной, не по оппортунистическому расчету, не из тактики, а движимая глубочайшей эстетической потребностью, охватывавшей все существо этого человека... Вся его личность как будто спрашивала, возможен ли и как, какими путями, какой ценой, с какими жертвами воплотится в русской жизни этот желанный синтез традиции и революции». Струве далее отметил, что «защита свободы совести со стороны Караулова, верного сына православной церкви, была для него не случайным и личным делом, а осуществлением личными силами великой исторической задачи – примирения веры и свободы. Вне такого примирения ему не мыслилась возможность прочного духовного и общественного развития русского народа и даже сама крепость русского государства».

П.Б. Струве очень точно обозначил два главных вопроса, которые всю жизнь волновали Караулова. Первый: «Может ли православная церковь так, как она исторически сложилась, со всем ее прошлым, принять свободу совести, освободиться от цезаропапистской прикреплённости к государству, стать свободной и независимой церковной общиной, а не церковью-ведомством?» И второй: «Может ли современное сознание, современная религиозность примириться с той церковно-догматической связанностью, которой отмечены все исторические церкви?» «Я не знаю, – закончил автор свою статью-некролог, – как отвечал самому себе Караулов на этот последний вопрос. Но я думаю, что чем менее догматичен и внутренне нетерпим человек, тем легче его религиозному сознанию, не отрываясь от той или иной исторической церкви, оставаясь, так сказать, в ее ограде, сохранить свою собственную религиозную индивидуальность. Такие люди, быть может, более, чем фанатические приверженцы догматов, составляют истинную „соль“ всякой церкви... И великое значение свободы совести и веротерпимости заключается в том, что только она позволяет церковным организациям, исторически сложившимся, удерживать в своей среде эту незаменимую драгоценную „соль“, которая ищет любовного и достойного примирения между индивидуальной религиозностью и соборным благочестием – примирения, одинаково далекого и от лицемерного расчета, и от догматического изуверства, и от мистической экзальтации. Таков был Караулов».

9 мая 1912 года на могиле Василия Андреевича на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге установили памятник. На гранитном постаменте под бронзовым бюстом были выбиты слова из известной думской речи Караулова: «Да, я был каторжником, с бритой головой и кандалами на ногах». Но петербургский градоначальник не разрешил открывать памятник с подобной надписью, и ее прикрыли железной доской.

«Я жил под знаком свободы...» Федор Измайлович Родичев

Евгения Клушина

Федор Измайлович Родичев родился в Санкт-Петербурге 9 февраля 1854 года, а умер в Лозанне (Швейцария) 28 февраля 1933 года. Он был участником и свидетелем многих драматических событий, потрясших Россию, – от освобождения крестьян до советской коллективизации. Будучи бескомпромиссным противником самодержавия, он хотел видеть Россию свободной и процветающей страной. Но, подобно большинству его единомышленников, Родичеву было суждено пережить крушение надежд на превращение России в правовое демократическое государство. Большевицкий переворот стал не только концом политической карьеры Родичева, но и его личной драмой.

Ф.И. Родичев, как многие участники русского либерального движения, был по происхождению мелкопоместным дворянином. Его родителям принадлежало поместье в Весьегонском уезде Тверской губернии. По семейному преданию, Родичевы вели свое происхождение от новгородского боярина Рода, потомки которого после покорения Новгорода Иваном III были вынуждены покинуть свои земли и переселиться на территорию будущей Тверской губернии.

Ранние годы жизни Ф.И. Родичева прошли в Весьегонском уезде, который в середине XIX века представлял собой, по словам современников, «настоящий медвежий угол старой России». Расположенный на северо-востоке Тверской губернии, это был поросший лесом болотистый край, прорезанный притоками реки Мологи. На правом ее берегу стоял городок Весьегонск, население которого к концу XIX века составляло всего три тысячи человек. Если родной уезд Родичева был настоящим захолустьем, то Тверская губерния в целом благодаря удобному географическому положению и наличию природных ресурсов уже к первой половине XIX века достигла достаточно высокого по российским меркам уровня развития. Активизация общественной жизни здесь началась с подготовки крестьянской реформы: в 1862 году возглавляемые А.М. Унковским тверские дворяне обратились к царю со знаменитой радикальной резолюцией, в которой указывалось, что освобождение российского крестьянства должно сопровождаться введением выборных институтов и отменой классовых привилегий. Великие реформы, а в особенности создание земства, открыли новые, более широкие возможности для общественной деятельности дворянства и интеллигенции. На этом фоне и разворачивалась политическая карьера нашего героя.

Федор Родичев был вторым из трех сыновей Измаила Дмитриевича Родичева и его жены Софьи Николаевны (урожденной Ушаковой). О жизни Измаила Дмитриевича известно немного. Он получил образование в Павловском военном училище, после освобождения крестьян служил третейским и мировым судьей, а позже избирался депутатом Тверского губернского земского собрания. Однако заметной роли в общественной жизни губернии он не сыграл.

Мать Ф.И. Родичева, Софья Николаевна, была женщиной незаурядной, получившей хорошее для своего времени образование. Образ жизни семьи Родичевых был старомоден и даже консервативен. В своих воспоминаниях старшая дочь Александра отмечала, что новый год начинался с 1 сентября, строго соблюдались все посты, а за нарушение установленных правил дети наказывались кнутом. Федора Родичева с детства не устраивал этот общепринятый способ воспитания. Всякого рода телесные наказания для него были символом деспотизма и непросвещенности. В 1861 году, когда Родичеву исполнилось семь лет, патриархальные устои семьи были нарушены. Это было в значительной степени связано с появлением в доме гувернантки Марии Евграфовны Павловской. «Мои первые воспоминания начинаются

с 1861 года, – писал в своих мемуарах Родичев, – и вся моя жизнь прошла под знаком освобождения». Павловская не только обучала маленького Федю началам наук, но и давала первые уроки общественной жизни. Наиболее сильное впечатление на юного Родичева произвели просветительские взгляды гувернантки, которая, по его словам, «во время долгих прогулок верхом постепенно внушала мне демократические идеи о равенстве людей».

Позже М.Е. Павловская стала женой известного публициста Н.К. Михайловского. Ф.И. Родичев часто бывал у них в Санкт-Петербурге, где знакомился и общался с друзьями семьи – поэтами Н.А. Некрасовым и Г.И. Успенским, известным журналистом А.И. Скабичевским. И хотя много позже Родичев утверждал, что «никогда не был очарован ими», по-видимому, эти люди оказали определенное влияние на формирование личности молодого человека.

В 1863 году Ф.И. Родичев уехал в Санкт-Петербург для получения среднего образования. Вспоминая о годах обучения в 1-й реальной гимназии, он отмечал систематичность и глубину знаний, полученных там, и, что было для юноши особенно важным, полное отсутствие жестокого и грубого отношения к воспитанникам со стороны начальства и наставников. Гимназист всерьез увлекся современной историей западных стран. Его восхищали смелые действия противников авторитарного режима во Франции. «Мои представления о ситуации во Франции подкреплялись речами Симона и Гамбетты в законодательной палате, их непримиримой борьбой с бонапартистским режимом... Романтизм свободы привлекал меня более всего...» – вспоминал Родичев.

В 1870 году он поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета. Родичев с восхищением слушал блестящие лекции Д.И. Менделеева, И.И. Мечникова, П.Л. Чебышева. Успешно сдав в 1874 году выпускные экзамены, он решил учиться дальше и стал студентом юридического факультета, где вскоре занялся научной работой под руководством профессоров русского права В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского. Итоговая работа Родичева об устройстве русской крестьянской волости оказалась настолько удачной, что Градовский предложил ему продолжить научную карьеру.

Воодушевленный верой в торжество либеральных идей Родичев уже к концу 1870-х годов окончательно сформулировал для себя принцип, который отстаивал всю жизнь: всеобщее равенство и свобода людей. При этом ему удалось избежать увлечения социалистическими идеями, столь популярными в то время. Несмотря на молодость и бурный темперамент, он не идеализировал романтически революционное подполье.

В 1872 году, во время путешествия с матерью по Европе, Родичев знакомится с произведениями А.И. Герцена. На протяжении всей жизни Родичев почитал Герцена в первую очередь как «великого поэта абсолютной ценности личности», защитника прав и свобод человека, а не революционера и социалиста. Находясь в Берлине, он перечитал все книги и статьи Герцена, был потрясен его «откровением свободного духа».

Вернувшись в Россию, Родичев начал горячо проповедовать взгляды Герцена среди своих товарищей. Однако он столкнулся со скептическим отношением к этим идеям в университетской среде. Консервативное крыло студенчества не принимало свободолобивых идей; левых отпугивала дворянская рафинированность Герцена – им гораздо ближе были Чернышевский и Писарев. «Их идеалом была революция, а к делу конституции они были равнодушны», – сокрушался Родичев. Сам он всегда считал, что только мирные реформы, а не катастрофы и разрушительные потрясения позволят восторжествовать в России идеалам законности и права.

Политические противники любят обвинять русских либералов в «непатриотичности». Эти претензии невозможно предъявить Родичеву. Двадцатидвухлетний выпускник столичного университета, узнав об объявлении Сербией войны Османской империи, немедленно отправился сражаться добровольцем на Балканы. В своих поздних заметках он писал: «Летом 1876 года я поехал волонтером за Дунай отыскивать свободу. Мне все мерещились Лафайет или Костюшко. Я считал, что дело свободы славянской есть дело свободы русской». В Сербии Роди-

чев познакомился с итальянскими добровольцами, бывшими волонтерами Гарибальди (мечтающими о федерации свободных балканских республик в союзе с Италией), с сербским полковником Влайковичем, который возглавил в 1866 году восстание в Белграде. Пребывание Родичева на Балканах оказалось недолгим: через год он был срочно вызван в Весьегонск, где уездное земское собрание уже избрало его мировым судьей. Местные землевладельцы, хорошо знавшие семью Родичевых, всерьез опасались за жизнь земляка. По словам его дочери, «избрание отца в местные органы власти было средством для извлечения его с войны». С этого времени для Федора Измайловича начался почти двадцатилетний период земской службы.

Работа в деревне, считал Родичев, необходима для изучения нужд и чаяний народа, воспитания русского крестьянства «в духе свободы». В этом контексте становится понятной и причина его отказа от научной карьеры, которую прочили одаренному студенту. Родичев с энтузиазмом отдался земской работе. Список должностей, занимаемых им в течение этих лет, дает представление о степени его общественной активности и высоком авторитете. В 1878 году, уже имея опыт мирового судьи, он был избран уездным предводителем дворянства, гласным Тверского губернского земского собрания, а также председателем Весьегонского уездного земства. Активная деятельность Ф.И. Родичева не прерывалась вплоть до 1895 года, когда император Николай II личным указом отстранил от нее либерально настроенного земца.

Когда Федор Измайлович приступил к работе в земстве, Весьегонский и Новоторжский уезды стали центрами прогрессивного земского движения Тверской губернии. С середины 1870-х годов здесь развернули активную деятельность молодые земцы, продолжавшие следовать либеральным традициям 1850-1860-х годов: И.И. Петрункевич, П.А. Корсаков, В.Н. Линд, Б.Е. Кетриц, П.Е. Гронский. Этой группе, названной Родичевым в воспоминаниях «молодой Весьегонией», в земской работе противостояла Весьегония старая, представленная реакционно настроенными землевладельцами, лидером которых был П.А. Кисловский. Как отмечал В.Н. Линд, «направляющее значение в земстве оставалось за дворянством, и характер уездных собраний зависел исключительно от того, какая из дворянских партий – либеральная или консервативная брала перевес... В семидесятые годы власть все более переходила к либеральной группе, и в 1878 году она окончательно победила...».

Важно отметить, что выступления тверских либералов носили строго легальный характер. Это признавал даже начальник Тверского губернского жандармского управления полковник П.П. Есипов, писавший в обзоре губернии за 1879 год, что либеральная оппозиция «жаждет некоторых улучшений в общественной жизни – облегчение податей и уменьшение выкупных платежей крестьян, расширение прав земств в области народного образования».

Взгляды молодого предводителя дворянства вполне соответствовали прогрессивному духу, который царил на земских заседаниях. Работая в деревне, Ф.И. Родичев близко соприкасался с реальной жизнью крестьян, подходил к их нуждам с критической наблюдательностью и трезвой практичностью. Позже он писал: «Попал я в судьи с живой верой в особую крестьянскую правду, с надеждой видеть ее откровение... Никаких глубин народного духа, отдельных от духа других слоев народа, никакой отдельной народной правды я не видел...» Резкий противник сословных перегородок, он отрицательно относился к волостным судам, переданным правительством под надзор земских начальников. Родичев считал, что крестьяне, равно как и представители других слоев населения, должны судиться у мирового судьи или в суде присяжных.

Работа в земстве изменила сложившееся под влиянием Герцена отношение Родичева к институту крестьянской общины. Если раньше он считал ее прогрессивным явлением, защитой России от тяжелых социальных потрясений и гарантией права каждого человека на собственность, то теперь, столкнувшись с реалиями сельской жизни, Родичев стал рассматривать общину исключительно как орудие податного нажима. «Не пустить парня на заработки, постановив приговор, чтобы ему не давали паспорта, продать старухину корову за то, что содер-

жала в неисправности свой участок забора, через который деревенская скотина вырывалась на потраву, обложить несносным побором бобылку за пастьбу на деревенском выгоне – вот дела нашей общины», – с горечью отмечал Родичев.

Размышляя о проблемах крестьянской жизни, он все более понимал необходимость немедленного преодоления крепостнических пережитков. Достичь этого, по глубокому убеждению Родичева, без обновления основ политического строя России было невозможно. В 1878 году правительственное обращение к обществу за содействием в борьбе с революционным движением (известная речь Александра II в Москве 20 ноября 1878 года) вызвало целый поток земских адресов. Часть из них, как, например, адреса Харьковской и Черниговской губерний, содержала намеки на необходимость дарования России конституционных и гражданских свобод, продолжения реформ 1860-х годов. Аналогичный адрес был составлен тверскими гласными Родичевым, Петрункевичем, Корсаковым, братьями Бакуниными. Известный публицист М.П. Драгоманов отмечал, что «тверской адрес представляет как бы продолжение Черниговского, но превосходит его достоинством и положительностью требований».

Полагая необходимым «восстать, согласно призыву монарха, на борьбу с постоянно возрастающим злом», тверские земцы, подобно многим либерально мыслящим людям, отмечали недостаточность одних репрессивных мер для «исцеления общих политических недугов». Однако в отличие от прочих только в Черниговском и Тверском адресах утверждалось, что реакционный курс правительства, урезая права земских учреждений, искажает суть реформ 1860-х годов и приводит к росту революционного движения. Тверские земцы высказали вслух те мысли, которые черниговские вынашивали, но не решались прямо включить в свой адрес. «Записка двадцати двух гласных» заканчивалась обращением к царю с недвусмысленным намеком на необходимость для России, в целях «постепенного, мирного и законного развития», последовать примеру освобожденной от турецкого ига Болгарии, где была введена так называемая Тырновская конституция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.